ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС, ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТЭКОНОМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1961

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС, ФИЛОСОФИИ И ПОЛИТЭКОНОМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1961

Редактор проф. К. П. Ярошевский

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Н. В. БЛИНОВ

О ХАРАКТЕРЕ РАБОЧЕГО И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ ПЕРЕД I СЪЕЗДОМ РСДРП

Средина 90-х годов XIX века для историка рабочего движения России и историка Коммунистической партии имеет несомненный интерес.

В это время начинается массовое рабочее движение и, под влиянием выходящих из пропагандистских кружков на арену широкой политической деятельности марксистов, борьба пролетариата за свое освобождение приобретает классовый характер. Соединением марксизма с рабочим движением рождается социал-демократия. Предпринимаются первые попытки создания марксистской рабочей партии. Здесь же истоки двух течений в русской социал-демократии: революционного, возглавляемого В. И. Лениным, и оппортунистического.

Между тем, в исторической литературе основные события этого периода, их характерные черты, их влияние на последующие этапы борьбы нельзя считать достаточно изученными. Имеющаяся литература по московским и петербургским кружкам и социал-демократическим организациям дает картину рабочего и социал-демократического движения в 1894 — начале 1896 гг., но последующие события и их влияние на формирование революционной социал-демократии оказываются в тени.

Значительная литература по рабочему и социал-демократическому движению в 1894—1898 гг. была издана в 20-х годах[1]).

В это же время выходит много журнальных статей[2]) и сборников материалов и воспоминаний[3]).

Издается ряд монографий, представляющих первую попытку дать систематизированное, с марксистских методологических позиций, изложение истории революционной борьбы в 90-х годах[4]). Но поскольку работа по изучению документов (в том числе архивных) только начиналась, то возможность глубокого анализа всех факторов социал-демократического движения и отражения их в выводах исключалась. Большин-

---

[1]) Издания Московского, Ленинградского и местных истпартов.

[2]) В журналах «Пролетарская революция» (орган института Ленина); «Красная летопись» (орган Ленинградского истпарта); «Каторга и ссылка» (орган общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев); «Красный архив» (орган Центрархива РСФСР); «Летописи марксизма» (орган института К. Маркса и Ф. Энгельса); «Летописи революции» (орган Украинского истпарта) и др.

[3]) «К 25-летию I съезда», М., 1923 г., «Историко-революционный сборник», Л., 1921—23 гг.; «Старая гвардия» М., 1926 г.; «Федосеев Николай Евграфович», М., 1923 г.; «Старый большевик», М.-Л., 1931—1933 гг. и др.

[4]) Лядов М. Н., Как начала складываться Российская коммунистическая партия, М., 1925 г.; В. Невский, Очерки по истории Российской коммунистической партии, т. 1, Л., 1925 г.; Батурин Н. Н., Очерк истории социал-демократии в России, соч., т. 1, М., 1928 г. и др.

ство исследований страдает именно недостатком документальной аргументации и отсюда неубедительностью выводов[5]).

Кроме того, некоторые работы, вышедшие в то время, содержат буржуазно-объективистские ошибки[6]) или дают меньшевистскую трактовку истории рабочего и социал-демократического движения[7]).

С тех пор в подавляющем большинстве эти сборники, статьи и воспоминания не переиздавались, хотя ряд материалов в них имеет большую ценность для изучения истории нашей партии. В послевоенное время пока не вышло общих работ, посвященных анализу русского рабочего и социал-демократического движения в 1894 — 1898 годах.

В связи с этим особенно ценны статьи и брошюры, посвященные отдельным вопросам движения и местным организациям этого времени[8]). Несмотря на то, что ни одна из этих работ не ставит своей целью исследование рабочего и социал-демократического движения перед 1 съездом в целом, многие из них содержат ряд интересных документов и выводов по тем или иным вопросам этого периода.

Весьма ценным источником для изучения поставленных вопросов являются архивные документы[9]), хотя в большинстве своем они полицейского происхождения[10]). Документов социал-демократического происхождения сохранилось крайне мало (в основном нелегальные издания). Документы рабочих организаций почти исчерпываются уставами стачечных и рабочих касс. Воспоминания активных деятелей движения, как правило, написаны через 20—25 лет после описываемых событий, что, естественно, наложило большой отпечаток на точность и объектив-

---

[5]) Лядов М. Н., Как начала складываться Российская коммунистическая партия, М., 1925 г.; «История Екатеринославской социал-демократической организации» (1889—1903), под ред. Рубача, Укр. госиздат., 1923 г.; Кузьмин Б. П., «Рабочее движение в России до революции 1905 г.», М., 1925 г.; «О рабочем движении и социал-демократической работе во Владимирской губернии», вып. 3, Владимир, 1927 г.; Батурин Н. Н., «Очерк истории социал-демократии в России», соч., т. 1, М., 1928 г. и др.

[6]) Астров, Экономисты — предтечи меньшевиков, М.—Л., 1923 г.; В. Невский, Очерки по истории Российской коммунистической партии, т. 1, Л., 1925 г.; М. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России в XIX—XX вв., изд. 2, М.—Л., 1927 г., «Возникновение социал-демократии и ее первые шаги», Сб., М., 1923 г.; «Сборник материалов и статей главархива», вып. 1, М., 1921 г.; Шелавин, «Рабочий класс и его партия», вып. 1, М., 1924 г.

[7]) «Социал-демократическое движение в России», Сб., т. 1, М.—Л., 1928 г.; Балабанов, «Очерки по истории рабочего класса в России», ч. 2, М., 1925 г.; Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге (1893—1901), Л., 1924 г.

[8]) М. Владимирский. Очерки рабочего и социал-демократического движения в Нижнем Новгороде и Сормове, М., 1957 г.; Н. Владимирский, Рабочая печать в период борьбы за создание социал-демократической рабочей партии в России, М., 1948 г.; И. Воронков, Первые социал-демократические организации в Воронежской губернии, Воронеж, 1954 г.; Иванов-Потемкин, Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Киев, 1949 г. (на укр. языке); И. Васин, Социал-демократическое движение в Москве, М., 1955 г.; Костомаров Г. Д., В. И. Ленин и московская организация большевиков («Вопросы истории», 1950 г., № 4); Э. А. Корольчук, Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» («Вопросы истории», 1956 г., № 1); «Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в 80 — 90-х гг. XIX в.», Ученые записки Ивановского пед. института, 1955 г.; М. Москалев, Борьба за создание марксистской рабочей партии в 90-х годах XIX в. («Вопросы истории», 1956 г., № 8) и др.

[9]) Документы имеются в ЦГИАМ, ЦГИАЛ, архиве ИМЭЛ, в Ленинградском филиале ИМЭЛ, в Доме Г. В. Плеханова, ГИАМ (обл.), ГИАЛ (обл.), библиотеке ЦГИАМ, библ. ИМЭЛ, местных исторических архивах.

[10]) Фонды департамента полиции, 3 и 7 делопроизводство, Временной канцелярии по производству особых уголовных дел, всеподданнейшие доклады Министра внутренних дел царю за 1895—99 гг., фонд вещественных доказательств, Московской судебной палаты, нелегальных изданий, материалы губернских жандармских управлений, фонд особого отдела департамента полиции, фонды рабочей инспекции, Петербургского и Московского охранных отделений и др.

ность изложения. Кроме того, очень частая сменяемость наиболее энергичных деятелей движения, вследствие непрерывных арестов, обусловливает отрывочность воспоминаний.

**
*

Начало рабочего движения в России падает на 70—80-е годы. Стихийные разрозненные выступления сопровождаются разгромом оборудования, контор, прошениями к губернатору, исправнику и т. д. Элементы организованности эпизодичны. Значительным фактом этого периода является Морозовская стачка в 1885 г. Движение не выходит за рамки экономических требований. Но уже в это время передовые рабочие пытаются создать политические организации пролетариата (Южно-русский и Северный рабочие союзы в 1875 и 1878 гг.), активно участвуют в народовольческих организациях, не в силах в отсталой стране выделиться в самостоятельное политическое течение.

Появляющаяся в 80-х годах социал-демократия представлена немногими кружками марксистов, уясняющих теорию и программу нового учения. К концу 80-х — началу 90-х годов рост рабочего движения и распространение марксизма идет поразительно быстрыми (для России) темпами.

В целом 80-е годы прошли для царизма гораздо спокойней, чем предшествующий и последующий периоды. Старое, народовольческое движение разгромлено и переживает идейный кризис; новое, марксистское — вызревает в недрах русского общества. Это время перелома, перехода от одной идеологии борьбы — к другой. Теоретические взгляды членов первых марксистских организаций (группы Благоева, Точисского, Абрамовича, Мельникова, Бруснева) незрелы, перемешаны с народническими предрассудками. Смешению в теории (и даже тактике) соответствует смешение в практической работе. Основной формой организации является кружок политического самообразования. Отдельно существуют кружки разночинной интеллигенции, студентов, рабочих во второй половине 80-х годов и не сливаются даже при тесных связях.

Практическая работа ограничивается, как правило, пропагандой. Рабочие много и многому учатся. Именно с 80-х годов появляется в рабочей среде любовь к книге, тяга к знанию. Марксистской пропагандой охвачена пока лишь узкая прослойка передовых рабочих.

С другой стороны, 80-е годы — начало 90-х — период ожесточенной идейной борьбы между марксистами и народниками. Решающий удар народничеству наносят в 80-е годы Плеханов и его группа «Освобождение труда». Обострение борьбы отражало экономические и политические сдвиги в жизни России, дифференциацию классовых сил в городе и деревне. В условиях общественного подъема 1891—1892 гг. в движение втягиваются широкие народные массы. Идут дискуссии в вузах, гимназиях, рабочих и интеллигентских кружках саморазвития. В этих спорах марксизм завоевывает своих сторонников, становится на национально-русскую почву, формируется как общественно-политическое течение.

Уже в 1889 г. в Петербурге возникает организация, которая, несмотря на ее недостатки, может быть названа первой русской социал-демократической организацией. В историю она вошла под именем Брусневской. Рабочая часть ее сложилась в 1888—1889 гг. из кружков рабочего саморазвития, возглавляемых Е. Афанасьевым-Климановым, В. Шелгуновым, Н. Богдановым и другими передовыми представителями русского пролетариата. Интеллигентскую часть ее составили студенты технологического института и университета, уже до этого руково-

дившие рабочими кружками — Бруснев, Голубев, Цивинский, Странден. Организация объединяла более 20 рабочих кружков и основной задачей ставила подготовку из рабочих революционеров — пропагандистов марксизма. Но в своей деятельности она далеко вышла за рамки кружковой пропаганды. Она выпустила 2 прокламации, собирала средства для бастующих, организовала демонстрацию на похоронах публициста-демократа Н. В. Шелгунова, провела в 1891 г. первую в России маевку, завязала связи со многими городами с целью создания общероссийской партии и т. д.[11]).

Уцелевшие рабочие и интеллигенты из этой организации, разгромленной царизмом в 1892 г., составили впоследствии стойкое ядро «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»[12]).

Рабочее движение начала 90-х годов характеризуется ростом стачек и числа участников. Если в 1885—1889 гг. в 158 стачках участвовало 88346 человек, то в 1890—1894 гг. число стачек 166, а участников — 120530[13]). По своему характеру движение по-прежнему экономическое. Но стачки отличаются уже организованностью, выдержкой, выдвигают все больше и чаще своих рабочих руководителей и организаторов. В рабочем классе идут глубокие процессы: рост классового самосознания и стремление к организации. Растет число кружков рабочего саморазвития. В целом движение не выходит за рамки стихийного.

В марксистских кружках продолжается подготовка кадров будущей социал-демократии. Революционеры первого призыва, рабочие и интеллигенты, старательно изучают теорию и программу движения. Организации и кружки существуют уже не только в Петербурге и Москве, но и в Киеве, Екатеринославе, Одессе, Казани, Нижнем Новгороде, Самаре, Тифлисе, Туле, Твери, Харькове, Челябинске, Минске и других городах.

Народничество как общественно-политическое течение окончательно перестает существовать. Часть народников уходит в либерально-буржуазный лагерь; другая — идейно разношерстная и организационно распыленная — колеблется между старыми иллюзиями и новым, марксистским учением (в будущем эта часть составила основу партии эсеров); третья — переходит в ряды формирующейся социал-демократии.

Таким образом, уже в средине 90-х годов в России вызревают два глубоких общественных движения: одно — стихийное движение пролетариата, другое — движение общественной мысли к теории марксизма.

Общественный и экономический подъем в России с начала 90-х годов явился благоприятным фактором для встречи этих двух движений. В России сложились условия для появления социал-демократии как широкого общественного течения, соединяющего в себе научный социализм с рабочим движением.

Стихийное рабочее движение создает почву для деятельности социал-демократии. Последняя, углубляя и расширяя движение, дает ему теорию борьбы и политическую самостоятельность. Этот факт освобождает рабочее движение от влияния мелкобуржуазных взглядов народничества и предотвращает опасность подчинения его либерально-буржуазному движению.

---

[11]) См. Н. Сергиевский, Партия русских социал-демократов, М., 1929 г.; «От группы Благоева к Союзу борьбы», Ростов н/Дону, 1921 г.

[12]) ЦГИАМ, ф. 102, оп. 185, д. 339, ч. 2, л. 7.

[13]) Рабочее движение в России в XIX в. (под ред. Панкратовой), т. III, ч. I, 1952 г., стр. 72 и 79.

***

Петербургскими стачками 1895—1896 гг. начинается полоса массового рабочего движения в России. Его возглавляют ткачи. Стачки вспыхивают не только в Петербурге, но и Северном промышленном районе. Казань. Тула, Кострома, Екатеринбург, Челябинск, Златоуст, Киев, Харьков, Екатеринослав и многие другие города становятся свидетелями ожесточенной борьбы рабочих с предпринимателями и нередко с полицией и царскими войсками.

С 1895 по 1899 г., по официальным данным о предприятиях, находящихся под надзором фабричной инспекции, бастовало 221885 рабочих[14]). В действительности число бастовавших было гораздо больше, и прав Е. Ярославский, называющий цифру более 300 тысяч[15]).

С каждым годом стачки становятся все более коллективными (бастуют одновременно несколько предприятий), что свидетельствует о быстром росте классовой солидарности. В 1895 г. в групповых стачках участвовал 41% всех бастовавших, в 1896 г. — 47, в 1897 г. — 73. в 1898 г. — 76. Кроме того, возглавляют движение рабочие крупных предприятий, что является качественной особенностью рабочего движения второй половины 90-х годов, накладывающей отпечаток выдержки и организованности.

Так, предприятий с числом рабочих до 20 бастовало 2,7% от общего числа; от 100 до 500 — 21,5; от 501 до 1000—49,9; свыше 1000—89,7[16]).

Следующей характерной чертой стачечного движения 1895—1898 гг. является то, что большинство стачек оканчивается полной или частичной победой рабочих. Так, из 418 стачек в 1896—1898 гг. рабочие полностью победили в 261 случае (62%), частично — в 69 случаях (18%) и потерпели поражение в 88 стачках (20%)[17]). Успех вдохновляет на борьбу новые слои рабочих, но в нем таилась и большая опасность для молодого русского рабочего движения и социал-демократии: появляется идеализация стачечной борьбы частью передовых рабочих и неопытных руководителей.

Особенно сильное впечатление на самодержавную и революционную Россию произвела стачка 26 петербургских ткацких фабрик с участием 30 тыс. рабочих. Начавшись в конце мая 1896 г., она продолжалась до середины июня. Огромная армия рабочих соблюдала порядок, организованность, не поддавалась на провокации полиции, уговоры градоначальника.

Ежедневно рабочие собирались, читали прокламации, выпускаемые социал-демократами, соглашались с ними, обсуждали свое положение и мирно расходились. Из рассказа рабочего Кожевниковской фабрики видно: полиция решила силой водить рабочих на фабрику, но по дороге они разбегались. Начали водить к следователю, но там рабочие твердили: «Как все, так и я; люди начнут работать — и я пойду работать: а то как же я пойду — меня могут побить»[18]). При чтении телеграммы градоначальника рабочие кричали: «Мы не верим писанным, у нас есть свои — печатные» (прокламации — *Н. Б.*)[19]).

---

[14]) В. Варзар. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах, СПб, 1905 г., стр. 22.

[15]) Е. Ярославский, История ВКП(б), т. 1, М., 1933 г., стр. 72.

[16]) Кузьмин, Рабочее движение в России до революции 1905 г., М., 1925 г., стр. 99.

[17]) В. Варзар, Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах, СПб, 1905 г., Сводн. табл. XIII.

[18]) ЦГИАМ, Коллекция нелегальных изданий, № 6760, л. 4.

[19]) Там же, л. 5.

«Вообще замечу,— заключает рабочий,— что теперь рабочий не таков, каким был несколько лет назад, и долго гнуть себя не позволит... Будь у нас хлеб, мы не прекратили бы стачки и царское правительство не могло бы похвастать своими «разумными мерами»[20]).

В столице страны, где стачка является уголовным преступлением, правительство долго не могло справиться с рабочими. Страх царизма перед нарастающим движением виден из телеграммы министра внутренних дел от 17 июня 1896 г. всем губернаторам промышленных районов: «Хотя стачки в Петербурге прекратились,.. прошу Ваше превосходительство по соглашению с фабричной инспекцией и жандармским управлением принять все меры наблюдения и предупреждения каких-либо волнений»... И далее требует еженедельных отчетов, а в случае волнений — ежедневных телеграмм[21]).

С этим перекликается отчет Владимирского губернатора царю в 1895 г.: «Фабричные рабочие, которых во Владимирской губернии насчитывается до 120000 человек, представляют из себя весьма опасный элемент. Оторвавшись от земли, эти люди... образуют из себя горючий материал, готовый вспыхнуть при всяком удобном случае»[22]).

Петербургская стачка оказала огромное влияние на подъем стачечного движения по всей России. Втягиваются Юг, Урал, Кавказ. В промышленном центре стачки не прекращаются. По официальной статистике в 1897 г. бастовало в два раза больше, чем в 1896 г. Движение разрастается.

Стачки имели большое значение для формирования классового самосознания рабочих. В них рабочий начинает чувствовать себя членом огромной армии пролетариата, противостоящей армии своих врагов — капиталистов, и, поскольку самодержавие с его армией и полицией, фабричная инспекция, судебно-следственные органы, обрушивая на головы стачечников всевозможные репрессии, заявляют себя сторонниками капиталистов, постольку стачкам в России придается политический характер, и русский рабочий получает в них первые уроки политической грамоты. В. И. Ленин отмечал, что «...стачка открывает глаза рабочим не только на капиталистов, а также и на правительство и на законы[23]).

Вместе с тем, стачки со средины 90-х годов делают громадный шаг вперед по сравнению с рабочими бунтами 70-х годов. Вырабатываются и выдвигаются определенные требования, заранее выбирается наиболее удобный момент для стачки, обсуждается опыт предшествующих стачек в других местах и т. д.

Оставаясь в массе стихийными (с точки зрения организации и руководства социал-демократией), не выходящими за рамки экономических требований, «...систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической...»[24]).

Но с 1895—1896 гг. (с момента выхода марксистов из пропагандистских кружков к широкой политической деятельности в рабочем классе, с момента рождения социал-демократии) стачечное движение неотделимо от социал-демократического. В самом подъеме рабочего движения уже большая заслуга социал-демократии. Передовые рабо-

---

[20]) ЦГИАМ, Коллекция нелегальных изд., № 6769, л. 6.
[21]) Там же, ф. 102, оп. 81, д. 606, ч. 1, л. 10а.
[22]) Там же, ф. 1157, оп. 1, д. 14, л. 100.
[23]) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 292.
[24]) Там же, т. 5, стр. 347.

чие 90-х годов, как правило,— члены социал-демократических организаций и марксистских кружков. Они втягивают в движение средние слои пролетариата, формируют мировоззрение рабочего класса. Огромное влияние в этом отношении имели прокламации и брошюры.

А. Соловьев, работавший в 1895 г. на Трубочном заводе, пишет в автобиографии: «Я читал и перечитывал, и после прочитанного в голове у меня начинал происходить какой-то раскол. И действительно, с одной стороны — бог, царь, церковь, а тут вычитал, что это все — ложь и обман. Бога нет, а царь — паразит, правительство — воры и погромщики, попы — обманщики и мироеды, фабриканты и заводчики — это эксплуататоры. После такой читки у меня возникал вопрос, а где же правда?»[25]).

Другой, но не менее характерный путь к социал-демократии прошел А. Шаповалов.

«Задумавшись под влиянием очень тяжелых условий о смысле жизни,— писал он,— я попал сначала под тлетворное влияние религии, а освободившись.., пришел к мысли, что надо разыскать социалистов. Образовав кружок рабочих около себя, я искал встречи с социалистами около двух лет. Натолкнувшись в вечерней школе на кружок рабочих народовольцев-террористов, я мечтал о мести царю и богатым, о смерти с бомбой в руке. Но знакомство с теорией марксизма в 1894 г. перевернуло все у меня в голове. На месте мрачного отчаяния у меня загорелась надежда»[26]).

На смену рабочим-революционерам первого периода пролетарского движения, таким, как Халтурин, Обнорский, Агапов, Моисеенко, Волков, приходят рабочие социал-демократы: В. Шелгунов, Е. Афанасьев-Климанов, Б. Зиновьев, И. Бабушкин, Я. Пятибратов, Е. Семенчиков и многие другие.

Их теоретическая подготовка достаточна даже для того, чтобы проверять знания интеллигентов, прежде чем вручать им руководство рабочими кружками. Так, например, Шелгунов, Князев и Бабушкин проверяли подготовку интеллигентов-марксистов Чернышева и Малишевского[27]).

Рабочие Шелгунов, Бабушкин, Фунтиков, Зиновьев и др. в Петрограде[28]), Ф. Поляков, Э. Колчин, Б. Саламатин, Р. Наумов и др. в Москве[29]), Отроков, Мохов, Семенчиков в Иваново-Вознесенске и Шуе[30]), Семенов в Твери, Ф. Афанасьев в Тифлисе[31]), Я. Пятибратов в Самаре[32]), К. Дубовец-Дубовик в Екатеринославе[33]) и т. д. руководят в 1895—1897 гг. рабочими кружками, ведут социал-демократическую пропаганду и агитацию, вооружают рабочее движение революционной теорией борьбы.

Благодаря деятельности передовых рабочих рабочее движение не ограничивается стачками. С 1891 г. празднуется рабочими 1 мая в Петербурге, с 1894 г.—в Москве, с 1895 г.—в Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске, Туле, Харькове, с 1896 г.— в Киеве, Екатерино-

---

25) ЛПА, ФИ-2, д. 100, л. 30.
26) А. Шаповалов, На пути к марксизму, Л., 1926 г., стр. 8.
27) ЛПА, рукописный фонд, д. 3, л. 6.
28) ЦГИАМ, ф. 102, оп. 185, д. 339, л. 1—54.
29) Там же, Обзор важнейших дознаний, произведенных в жандармском управлении за 1897 г., л. 19.
30) См. Багаев, За 10 лет, М., 1925 г.
31) ГИАЛ, обл., ф. 253, оп. 6, д. 1182, лл. 8—15.
32) ЦГИАМ, Обзор важнейших дознаний... за 1895—96 гг., лл. 47—48.
33) См. Иванов-Потемкин, Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Киев, 1949 г.

славе, Костроме, Казани, Самаре, Саратове, Ростове-на-Дону, Тифлисе.

С 1895 г. начинают возникать рабочие организации — первые предвестники будущих профсоюзов рабочих, ставящих своей целью экономическое освобождение рабочего класса или, узко, помощь стачечной борьбе и организацию ее. Часть их организуется социал-демократами (в Одессе, Москве, на Северо-Западе в 1895 г., в Петербурге, Нижнем Новгороде, Екатеринославе, Туле, Казани, Иваново-Вознесенске — в 1896 г. и т. д.); часть создается самими рабочими, сначала как кружки саморазвития рабочих (в Нарве — в 1895 г., на Бежецком заводе в Брянской губернии — в 1896 г., в Златоусте — в 1897 г., в Харькове — в 1896 г., в Пензе, Костроме — в 1897 г.), а далее как организации борьбы с предпринимателями.

В 1896—1897 гг. для всех городов России, где есть промышленность, присущи кружки рабочего саморазвития, нелегальные библиотеки, стачечные кассы или уже пропагандистские кружки и социал-демократические организации.

Круг рабочих, освоивших революционную теорию марксизма и перспективы рабочего движения, неширок, но влияние их огромно. Стремление к знаниям и организации в широких слоях рабочих совпадают с их стремлениями. Энергия и преданность выдвигают их во главу движения. Рабочие социал-демократы придают всему движению остро непримиримый классовый характер. Поэтому, как отмечал В. И. Ленин, рабочее движение со средины 90-х годов приобретает широкое политическое значение[34]).

Мощный подъем пролетарского движения 1895—1896 гг. не только создал почву для широкой деятельности социал-демократии, но и потребовал организации, руководства движением. Но справиться с этой задачей социал-демократия еще не могла. В массе своей она еще не вышла из состояния кружковой пропаганды.

Начальный период социал-демократии — 1884—1894 гг. — период уяснения теории и программы движения. На этом этапе определяющую роль сыграли проекты программы, теоретические работы Плеханова и группы «Освобождение труда». Завершением явилась в 1894 г. работа В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов». Теоретическое обоснование русской социал-демократии, анализ проходимого ею этапа, указание задач социал-демократов, в том числе, главной — создания рабочей партии — все это сделало работу В. И. Ленина руководством к действию.

Период кружковой пропаганды дал не только направление русскому марксизму, но и подготовил кадры первых пропагандистов, способных понести новое учение в массы. В результате, как отмечал В. И. Ленин, «...к половине 90-х годов это учение было не только уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России»[35]).

Характеризуя организацию и содержание работы этого периода, В. И. Ленин писал: «Размах: тогда только кружки. Едва-едва первое начало массовой агитации. Весьма тяжеловесная, преподавательская пропаганда. Социал-демократы пробивают себе дорогу среди народовольцев, народоправцев...

---

[34]) В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 238.
[35]) Там же, Соч., т. 5, стр. 348.

Формы. 10—16 человек (комитет). 20—30 рабочих кружков. 100—150 maximum связей «Чтение». *Самообразование — гвоздь*»[36]).

Размах стихийного рабочего движения послужил основным толчком к выходу за рамки кружковой пропаганды. Внутренним побуждением перехода к новому этапу было недовольство передовой части (рабочих и интеллигентов) марксистов узостью работы, оторванностью от рабочего движения. Кроме того, идеализация кружковой работы частью марксистов, нежелание перехода к массовой агитации, невозможность какой-либо легальной деятельности — все это создавало опасность сектантства в молодом социал-демократическом движении.

Переход к новому этапу, новой тактике борьбы сопровождался ожесточенными спорами. К. Тахтарев, один из редакторов «Рабочей мысли», следовательно, человек, не заинтересованный подчеркивать политическую зрелость рабочих, вынужден в своей книге «Рабочее движение в Петербурге в 1893—1901 гг.» отметить настойчивое стремление передовых рабочих весной 1895 г. выйти из кружков к широкой политической деятельности[37]). «По вопросу о массовой агитации,—пишет он,— произошли довольно ожесточенные прения... Владимир Ильич настаивал на немедленном переходе к агитации и ведении ее в самых широких размерах, его поддерживали и другие, в их числе Бабушкин и Шелгунов, а также Зиновьев, последний с особенным жаром»[38]). Эти споры заняли весну и лето 1895 г. Борьба шла с Г. Красиным, И. Чернышевым, А. Якубовой и другими сторонниками чисто кружковой работы или узко экономической агитации. С начала ноября 1895 г. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» окончательно переходит к новой тактике. В Москве переход к агитации совершается раньше, в конце 1894 г., с укреплением «Рабочего союза», возникшего в апреле этого же года[39]).

«В конце 1894 г.,— отмечает министр юстиции Муравьев в секретной записке министру внутренних дел,— среди фабричного населения Москвы и ее окрестностей появились многочисленные воззвания социал-демократического характера, подстрекавшие рабочих к образованию союзов и устройству касс для организованной борьбы с капиталистами»[40]). Разгром Московского «Рабочего союза» в декабре 1894 г., затем в июне и августе 1895 г. и последующие непрерывные аресты (следствие действия зубатовской системы) не дали возможности всесторонне применить новую тактику, но агитация прокламациями, рабочие собрания, распространение брошюрной литературы не прекращались. Здесь также с момента основания «Рабочего союза» были сторонники чисто экономической агитации. Как видно из разговора В. И. Ленина и Аксельрода в 1895 г., Е. Спонти, один из активных деятелей социал-демократической организации Москвы, стоял на позициях экономизма[41]), считая незрелым русского рабочего для понимания политических вопросов.

В Киеве переход к агитации вызвал не только ожесточенные споры в течение 1896 г., но даже раскол организации. Киев того времени — город ремесленного производства. Ремесленники участвовали в марк-

---

[36]) Ленинский сборник, V, стр. 442.

[37]) См. К. Тахтарев, Рабочее движение в Петербурге в 1893—1901 гг. Л., 1924 г., изд. «Прибой».

[38]) Там же, стр. 47.

[39]) См. Н. Милютина, Первые годы, М.—Л., 1928 г.

[40]) Революционное движение в России 1894—1905 гг. (Отчеты министра Муравьева), 1907 г., стр. 8.

[41]) Переписка Плеханова и Аксельрода, т. 1, М., 1925 г., стр. 266.

систских кружках, стремясь пополнить свои знания, но вопросы борьбы с самодержавием и капитализмом в практической постановке их пугали. Среди интеллигентов-марксистов также было много сторонников распространения нового учения путем непрерывного увеличения числа кружков и привлечения новых членов[42]). Сторонники агитации и руководства рабочим движением создали в конце 1896 г. свою группу «Рабочее дело», которая выросла в 1897 г. в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»[43]).

В Екатеринославе развертывается социал-демократическая работа с приездом туда в начале 1897 г. высланных из Петербурга рабочих Бабушкина, Морозова, Яковлева. Они создают организацию на рельсопрокатном заводе, связываются с интеллигентной группой И. Лалаянца, высланного туда еще ранее, организуют типографию и приступают к агитационной деятельности по образцу Петербургского «Союза борьбы». На основе этой организации в декабре 1897 г. возникает Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»[44]). Здесь также пришлось выдержать ожесточенную борьбу с противниками выхода из кружков в лице ссыльных социал-демократов из Минска и Вильно (Гильфант, Душкан и др.). Последние стояли на точке зрения стадий борьбы: сначала воспитание и образование в рабочих кружках, затем экономическая агитация и, наконец, этап политической борьбы.

В Нижнем Новгороде единая социал-демократическая организация складывается к концу 1895 г., а с начала 1896 г. — предпринимает попытки перейти к агитации, выпускает 3 листовки, организует празднование 1 Мая. Но в мае аресты разрушили организацию, временно затормозив ее рост[45]). И если в начале своей деятельности организация правильно понимает соотношение экономической и политической борьбы (исключая одного из руководителей — А. Кузнецова, зараженного анархо-народническими взглядами на рабочее движение), то уже со средины 1896 г. в ней все заметней проявляется тенденция следовать за рабочим движением и лишь оформлять его экономические требования[46]).

В Иваново-Вознесенске социал-демократия переходит к широкой массовой работе в средине 1897 г. Возникший здесь летом 1895 г. «Рабочий союз» до конца 1896 г. представлял собой организацию переходного типа. Это видно из «Практического обоснования рабочего движения»—фактической программы, написанной одним из руководителей Союза—Евдокимовым. Здесь и предъявление правительству требований рабочей партии, и социалистическая революция «без пролития крови», и критически мыслящие личности, осуществляющие прогресс в человечестве, и т. д.[47]). Далее, член «Рабочего союза» Н. Махов пишет, что «...сам организатор и руководитель кружка Ф. А. Кондратьев стоял на грани двух течений мысли и делил свои симпатии между народниками... и марксистами»[48]). С усилением связей с Петербургским «Союзом борьбы», с ростом политических знаний рабочих «Рабочий союз» преодоле-

---

[42]) См. И. Милованова, Союзы борьбы за освобождение рабочего класса, М., 1928 г.

[43]) См. Б. Эйдельман, Первый съезд РСДРП, М.—Л., 1926 г.

[44]) См. Иванов-Потемкин, Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Киев, 1949 г.

[45]) М. Владимирский, Очерки рабочего и социал-демократического движения в Нижнем Новгороде и Сормове. Госполитиздат, М., 1957 г., стр. 48—53.

[46]) См. Историко-революционный сборник, т. I, 1924 г., стр. 258—261.

[47]) Обзор важнейших дознаний, производившихся в губ. жанд. управлениях, за 1895 г., стр. 17—18, ЦГИАМ.

[48]) Воспоминания иваново-вознесенских подпольщиков, Ив.-Возн., 1923 г., стр. 87.

вает элементы народнической идеологии и полностью становится социал-демократическим.

В Казани, Самаре, Саратове, Златоусте, Челябинске, Екатеринбурге, Костроме и других городах переход от кружковой пропаганды к массовой агитации происходит в 1898—1900 гг. Здесь также этот переход сопровождается борьбой с противниками выхода из кружков или с защитниками узкоспециальной (экономической) агитации. (Точно так же протекает в 1901—1903 годах указанный процесс и в сибирских городах).

С выходом из кружков меняются тактика, организация, содержание работы. На первый план выдвигается задача политического руководства рабочим движением и создания социал-демократической партии. Вместе с тем не должна была прекращаться работа по подготовке теоретически опытных революционеров. Поэтому основное усилие организаций направляется на подготовку агитаторов, печатание листовок и брошюр, на расширение связей с заводами и фабриками, с другими городами и заграницей. Кружковая работа отодвигается на второй план. Пропаганда социал-демократических идей идет через усиленное распространение брошюрной литературы: агитация листками, на рабочих собраниях, на стачечных митингах, на маевках и т. д. Появляются в 1896—1897 гг. первые типографии социал-демократов в Киеве, Новгороде, Екатеринославе, Нижнем Новгороде, Москве. Первый же выход социал-демократов на арену рабочего движения приводит к многочисленным арестам.

Характер работы требовал укрепления и расширения связей с рабочими, а условия самодержавной России — исключительной конспирации и глубокого подполья. Поэтому организации имеют узкий круг руководителей — комитет, к которому организационно примыкают группы печатания листовок и брошюр, руководители кружков и фабрично-заводские организаторы. Через последних идет связь с рабочими массами.

Содержание агитации: обличение самодержавия и капиталистов на конкретных фактах положения рабочего класса, призыв создавать рабочие организации (союзы и кассы) для борьбы с капиталистами и правительством. В листовке «К ткачам фабрики Лебедева» от 1 января 1896 г. разъясняется, что на стороне «...грабителя-хозяина была сила его капитала, к его услугам фабричный инспектор, полиция, жандармы, на его стороне и наши русские законы...»—и далее призыв организовать рабочий союз[49]).

«У нас все запрещено, так как правительство поддерживает хозяев. Есть одна сила, на которую мы можем положиться: эта сила—мы сами», — указывает листовка к путиловским рабочим в октябре 1896 г.[50]). Далее также следует призыв к объединению для борьбы.

«Царское правительство — это сила, с которой рабочему классу предстоить вступить в борьбу для замены его народным правительством..,»—стоит в уставе Центральной рабочей кассы московских рабочих[51]).

В «Письме к Нижегородским рабочим», выпущенном в июне 1896 г. в связи с арестами группы социал-демократов, прямо указывается на двух врагов пролетариата:

«Может быть, вы думали раньше, что у нас только один враг — хозяин? Так знайте теперь, что за этим врагом стоит еще другой, кото-

---

[49]) Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», М, 1934 г., стр. 22.

[50]) Там же, стр. 97.

[51]) ЦГИАМ, Коллекция нелегальных изданий, № 82, л. 1.

рый помогает ему бороться с нами,—это правительство. И нам предстоит теперь борьба с обоими врагами»[52]).

Первым условием успешной борьбы выдвигается необходимость союза.

Вопросы экономической агитации не заслоняют задач политического воспитания, а подчинены им и служат целям политической работы. Констатируя этот факт, В. И. Ленин писал, «...что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией,* не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с *самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности»[53]).

С ростом социал-демократического движения все чаще и настойчивее поднимается вопрос о создании партии. Идея создания партии в 1895—1897 гг. выдвигается в Москве, Петербурге, Киеве, Екатеринославе, Нижнем Новгороде. С этой целью В. И. Ленин всячески приветствовал связи с социал-демократами других городов, давал задания высылаемым и уезжающим в другие города. Уже в начале 1896 г. Петербургский «Союз борьбы» имел связи с 15 городами. Но усиленные аресты 1896 г. и сползание «Союза борьбы» на позиции экономизма сорвали завершение этой работы. Тогда В. И. Ленин, будучи уже в тюрьме, весной 1896 г. посылает Н. К. Крупскую в Киев для переговоров о съезде. В марте 1897 г. в Киеве собираются представители организаций Петербурга, Вильно, Киева и Москвы (последнего не допустили на совещание), которые вырабатывают программу предстоящего съезда.

Но к концу 1897 г. усиливается в рядах русской социал-демократии и оппортунистическое течение, возникшее вместе с появлением социал-демократии[54]). Экономическая агитация заслоняет задачи политического воспитания рабочего класса. Вопрос о партии подменяется вопросом рабочих союзов и стачечных касс. Основная аргументация: русский рабочий в массе своей серый, безграмотный вообще, а политически особенно, не поддержит политическую агитацию; нужна длительная работа по воспитанию широкого слоя рабочих-пропагандистов, способных раскачать массу. Экономическая борьба на известном этапе движения перерастет в политическую. Наиболее рельефно эта мысль выражена у Бунда в газете «Arbeiterstimme» (июль 1897 г.): «...Только экономическая борьба развивает в нас классовое сознание и стремление к политической свободе. Действительность доказала здесь нам еще раз, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, и если рабочий борется за свои экономические права, то он в конце концов начнет бороться также и за политические свои права...»[55]).

Уже в декабре 1896 г. в одной из листовок Петербургского «Союза борьбы» основным тезисом выдвигается: «Будем устраивать кассы, союзы. Будем стойко держаться друг за друга. Наши собственные мозолистые руки дадут нам и короткий рабочий день, и высокую заработную плату»[56]).

В мартовской листовке 1897 г. социал-демократы Киева выступают сторонниками теории стадий в рабочем движении: «Пусть они (несоз-

---

[52]) ЦГИАМ, там же, № 9777, л. 1.

[53]) В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 348.

[54]) В. И. Ленин писал: «В спорах местных деятелей рабочего движения это направление обрисовалось уже в 1894—1895 годах» (Соч., т. 20, стр. 227).

[55]) ИМЭЛ, ф. 283, оп. 211, л. 37754, л. 1, об.

[56]) Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», М., 1934 г., стр. 109.

нательные рабочие — *Н. Б.*) пройдут необходимую школу борьбы экономической—и тогда зовите их на политическую борьбу»[57]).

Оппортунистическое течение расширяется за счет вливающихся в ряды социал-демократии выходцев из распадающихся народовольческих групп. Объясняется это ростом влияния социал-демократии на общественно-политическую жизнь России и окончательным идеологическим и политическим банкротством народовольчества. Не усвоив глубоко теорию и программу движения, цепляясь за старые иллюзии, эта категория революционеров увеличивает разброд и шатание в социал-демократических организациях[58]).

В целом для русской социал-демократии перед I съездом характерно быстрое (в условиях России) распространение вширь, по всей территории страны. Успехи достигаются на базе массового рабочего движения и через слияние с ним. На это же время падают первые попытки руководства стихийным рабочим движением. Под ударами социал-демократов окончательно распадается народовольчество. В освободительном движении наступает пролетарский период — социал-демократия становится самым сильным общественно-политическим течением. Но возникающий оппортунизм подрывает ее силы изнутри. Революционная социал-демократия с первых шагов вынуждена вести борьбу за свои принципы. Подготавливаемый в этих условиях съезд, с целью создания партии пролетариата, должен был высказать свое отношение к оппортунизму, дать ему оценку. Но участники съезда уклонились от этого, тем самым объективно санкционируя идейный разброд как нормальное состояние социал-демократии. После съезда оппортунизм усиливается.

[57]) Библиотека ИМЭЛ, фонд нелегальной литературы, Письмо к киевским сознательным рабочим, л. 2.

[58]) Вместе с тем, из их среды вышло немало стойких коммунистов-ленинцев, таких, как Лепешинский, Ольминский, Книпович, Мещеряков и др.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

А. Т. КОНЯЕВ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ СИБИРИ В СТАЧЕЧНЫХ БОЯХ 1905 ГОДА

Годы первой русской революции ознаменовались невиданным размахом стачечной борьбы рабочих, сыгравшей важную роль в мобилизации масс и подготовке их к вооруженному восстанию. В. И. Ленин подчеркивал, что «русские рабочие **впервые в мире** развили такую массовую стачечную борьбу, которую мы видели в 1905—1907 годах»[1]).

Стачечной борьбе рабочих принадлежала огромная роль как в начале, так и на последующих этапах революции. Она вовлекала в борьбу широкие массы рабочих, оказывала большое революционизирующее влияние на крестьян и другие слои населения, явилась центром, вокруг которого развертывалось и концентрировалось все освободительное движение. Стачечная борьба, по определению В. И. Ленина, являлась «лучшим барометром всей общенародной освободительной борьбы в России...»[2]).

Большевики возглавили стачечную борьбу рабочих, используя ее для организации и политического воспитания масс, для подведения их к вооруженному восстанию.

Неразрывной составной частью борьбы пролетариата России являлась стачечная борьба сибирских рабочих. Ведущее место в этой борьбе занимали железнодорожные рабочие, представлявшие наиболее крупный и организованный отряд пролетариата Сибири.

Роль железнодорожников Сибири в революционном движении 1905 года освещена в ряде работ[3]). Но авторы их не ставили своей специальной целью изучение роли железнодорожников **в стачечной** борьбе пролетариата, особенно в начальный период революции. В некоторых из этих работ не использован большой документальный материал, опубликованный в связи с 50-летием первой русской революции.

Изучение документальных материалов и опубликованных работ, воспоминаний участников революционного движения дает возможность полнее представить размах стачечной борьбы рабочих Сибири в 1905 году, ее значение и активную роль в ней сибирских железнодорожников.

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 66.

[2]) Там же, стр. 486.

[3]) См. М. К. Ветошкин, Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание 1905—1906 гг., Чита, 1949 г.; В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев, Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг., Иркутск, 1955 г.; Д. Б. Груш, Большевики Красноярска в годы первой русской революции, Красноярск, 1955 г.; В. В. Максаков. Железнодорожники Сибири в революционном движении 1905 г. «История пролетариата СССР» № 6, 1931 г., стр. 210—225; Чаадаева О., Железнодорожники Сибири в революции 1905 года, «Партийный работник железнодорожного транспорта», № 6, 1940 г., и др.

***

Постройка железной дороги в Сибири оказала большое влиян на развитие здесь промышленности и рост численности рабочих. Вмес со строительством дороги были созданы крупные железнодорожн станции и узлы, мастерские и депо, вагоноремонтные мастерские, г были сосредоточены большие группы рабочих. Города Чита, Красноярс Омск и многие железнодорожные станции стали крупными рабочи центрами. Так, в Читинских главных железнодорожных мастерск и депо в период революции работало, вместе с солдатами 3-го резерв го железнодорожного батальона, до 5 тысяч человек[4]).

В Красноярске в главных железнодорожных мастерских и депо 1905 году было занято более 3100 рабочих[5]). Кроме того, паровозн депо были построены на станциях Боготол и Иланская. Ко времени пе вой русской революции в Красноярске и на этих станциях было заня около 4500 железнодорожных рабочих[6]).

В Омске действовали главные железнодорожные мастерские, пар возное депо, вагоноремонтные мастерские. Только в главных железн дорожных мастерских работало около 3 тыс. человек[7]). А всего желе нодорожных рабочих в Омске насчитывалось до 5 тысяч человек.

На станции Тайга в депо и на железной дороге было занято бол 1000 рабочих, в Нижнеудинске — около 1500.

В депо и на станции Верхнеудинск в 1905 году было 1500 рабочи на ст. Хилок—500, на ст. Танхой—300, в г. Мысовске—250, на Петро ском заводе — 300 рабочих[8]). В Иркутском депо к началу революци было занято около 900 рабочих[9]). Значительное количество железнод рожных рабочих было сконцентрировано на станциях Зима, Тулу Обь и других.

В 1905 году, по данным министерства путей сообщения, на Сиби ской железной дороге насчитывалось 57881 рабочих и служа щих, и на Забайкальской железной дороге — 35667 человек[10]). По да ным управления Сибирской железной дороги, на 1 января 1906 г. на д роге уже было занято 68248 рабочих и служащих, в том числе рабочи мастерских и депо 13297 человек и служащих управления — 1594 чел.[11] Всего, таким образом, на сибирских железных дорогах в период перв русской революции было занято около 100 тысяч рабочих и служа щих[12]). Они составляли почти половину общего количества промышле ных рабочих Сибири.

---

[4]) См. «Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг.» (сб. док.), Чит 1955, стр. 9.

[5]) См. «Начало первой русской революции. Январь—март 1905 года (Документ и материалы)», М., 1955 г., стр. 852.

[6]) См. Д. Б. Груш, Большевики Красноярска в годы первой русской революци Красноярск, 1955 г., стр. 11.

[7]) См. «Революционное движение в Омске в годы первой русской революци (1905—1907)» (сб. док.), Омск, 1957 г., стр. 8.

[8]) См. «Революционное движение в Бурят-Монголии в период революции 1905 г да» (сб. док.), Улан-Удэ, 1955 г., стр. 4.

[9]) См. «1905. Материалы и документы. Стачечное движение», М.—Л., 1925 стр. 481.

[10]) «Статистический сборник МПС», Вып. 89, СПб, 1907 г., табл. XII, стр. 2—1

[11]) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 215, оп. 8, д. 294, лл. 1.

[12]) В работах отдельных авторов приводятся неточные данные о численности ж лезнодорожников в Сибири. Так, И. Г. Зобачев в работе «1905 год в Сибири» (Нов сибирск, 1940 г. стр. 10) говорит, что к 1905 году в Сибири железнодорожников бы около 30 тыс., а в другой — «Сибирь в первую русскую революцию 1905—1907 гг (Новосибирск, 1955, стр. 9) — что их было около 50 тысяч. В работе И. В. Спиридоно

Положение железнодорожных рабочих, как и рабочих других капиталистических предприятий в Сибири, было крайне тяжелым. Рабочий день в железнодорожных мастерских официально считался 11 часов. Но, кроме этого, рабочих систематически заставляли работать сверхурочно, отбывать «вечеровку», длившуюся не менее четырех—пяти часов. Фактически рабочий день длился 15—16 часов. Заработной платы рабочим нехватало на удовлетворение даже минимальных потребностей. Широко была распространена система штрафов и вычетов. Царские чиновники, администрация безнаказанно грабили рабочих, издевались над ними. Вот что писалось, например, в гектографической листовке, изданной в Омске в 1903 г., о бесчинствах чиновников: «К нам приехал новый начальник Мен. Челябинские товарищи пишут, что это сволочь, каких мало. Заботы нашего начальника сказались с первого же раза в сбавке на 20% нашего заработка»[13]). В одной из прокламаций Иркутский комитет Сибирского союза РСДРП в 1902 году сообщал о положении железнодорожников: «Заработка рабочему едва хватает на пропитание, денег про запас нет, когда он уходит с железнодорожной службы, ему не на что уехать, а на месте найти другую работу трудно»[14]). Буржуазная газета «Сибирская жизнь» вынуждена была признать, что железнодорожные рабочие жили «...при полном отсутствии медицинской помощи, скученность жилья ужасная, вполне способствующая распространению всякой эпидемии.., в комнатах в 3—4 квадрата иногда живут по 8 человек. Бараки тесны, темны, грязны и зловонны.., в сырости и холоде живут люди в этих лачугах...» Отмечались невыносимые условия работы железнодорожных рабочих[15]).

Тяжелым бременем на плечи трудящихся легла русско-японская война. Она усилила разорение трудового крестьянства в деревне, привела к сокращению посевов. Хлеба и другого продовольствия не хватало. Цены на них в огромной мере выросли. В городах закрывались предприятия, не работавшие на войну. Надвигались голод, разруха. На железных дорогах Сибири царскими властями было введено военное положение, усилились репрессии. В заметке из Омска в большевистскую газету «Вперед» сообщалось: «С начала войны по линии Сибирской дороги, как известно, действует военное положение. Эти военные порядки отразились, конечно, на жизни железнодорожных рабочих.

Рабочий не имеет права рассчитаться или уволиться в отпуск. Но начальство может уволить рабочего во всякое время, ибо теперь... «военное время». В военное время замеченного в «порочном поведении» держать не полагается»[16]).

Каторжный труд, невыносимые материальные условия, бесправие, постоянный надзор и преследования со стороны властей, военной и по-

---

«Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г.» (Госполитиздат, 1955, стр. 107) говорится, что железнодорожный пролетариат в Сибири насчитывал 7926 человек, или 43% всего пролетариата Сибири. Наиболее точные цифры названы Н. Н. Баранским, который пишет, что «всего рабочих и служащих можно было считать по всей Сибирской железной дороге до 100000 чел., из них... рабочих мастерских и депо, на которых прежде всего могло рассчитывать наше движение, было по всей линии не более 25000 чел.» (См. «Северная Азия», кн. 5—6, 1926, стр. 75).

[13]) См. «Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905—1907)» (сб. док.), Омск, 1957 г., стр. 8.

[14]) См. И. Г. Зобачев, Сибирь в первую русскую революцию 1905—1907 гг., Новосибирск, 1955 г., стр. 11.

[15]) См. «Сибирская жизнь» № 7 от 11 января и № 59 от 5 марта 1905 г.

[16]) См. «Вперед» № 7 от 8 (21) февраля 1905 г. В сборнике «Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг. (Документы и материалы)». Новосибирск, 1958 г., на стр. 60 эта газета ошибочно названа «Пролетарий». Большевистская газета «Пролетарий» выходила с 14 (27) мая 1905 г. по 12 (25) ноября 1905 г.

лицейской охраны железных дорог, антинародная война — все это вызвало рост возмущения и протеста трудящихся против царизма.

Годы революционного подъема в стране накануне первой русской революции ознаменовались и в Сибири ростом революционного движения. Воодушевленные героической борьбой пролетариата Петербурга, Батуми, Баку, Харькова и других городов европейской части России, сибирские рабочие, руководимые большевиками, решительно поднимались на борьбу против царизма и буржуазии.

Уже в это время наиболее активно выступали железнодорожники Красноярска, Читы, Омска и других городов. Сконцентрированные по нескольку тысяч человек в мастерских и депо, на железнодорожных станциях, они легче поддавались организации, были более тесно связаны между собой пониманием общих задач борьбы. Железнодорожники имели в своей среде ядро — рабочих мастерских и депо, в большей части металлистов, многие из которых прибыли из европейской части России и принесли большой опыт революционной борьбы.

Расстрел мирной демонстрации рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге вызвал гнев и возмущение народных масс России. На злодеяния царя рабочий класс, трудящиеся ответили мощной стачечной борьбой, охватившей всю страну.

Политическими стачками протеста, демонстрациями и митингами рабочие Сибири поддержали своих российских товарищей.

17 января рабочие-железнодорожники г. Красноярска по призыву Красноярского комитета РСДРП объявили забастовку. До 700 рабочих с пением революционных песен вышли на политическую демонстрацию. К ним присоединились рабочие городских предприятий, служащие и учащиеся. Во время демонстрации произносились речи с возгласами «Долой царя!», «Долой войну!» Рабочие заявляли, что эта демонстрация является «выражением их негодования, их протеста против войны, против существующих порядков»[17]). Широко распространялась листовка Красноярского комитета РСДРП «В России революция!»

18 января в Томске под руководством большевиков во главе с С. М. Кировым состоялась мощная политическая демонстрация. В январе состоялись политические митинги рабочих в Красноярске, Омске, Иркутске и других городах Сибири.

Большевики сибирских организаций РСДРП, ведя работу среди рабочих всех категорий, особое внимание уделяли железнодорожникам[18]).

В условиях русско-японской войны они выдвинули лозунг организации всеобщей политической стачки по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог, направленной против войны и царизма. Большевики исходили при этом из того, что эта стачка явится могучим ударом по царизму[19]). Стачка должна была всколыхнуть и охватить всех сибирских рабочих. «Сибирские рабочие ждут, — говорил Красноярский комитет РСДРП рабочим мастерских и депо, — чтобы вы начали стачку сегодня по всей дороге»[20]). В свою очередь передовые рабочие-железнодорожники заявляли: «На нас, рабочих по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог, лежит священная обязанность явиться застрельщиками в этом благородном деле...»[21]).

---

[17]) Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. 245, оп. I, д. 190, л. 4.

[18]) См. «Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг.» (сб. док.), Чита, 1955 г., стр. 75.

[19]) См. «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, М., 1956, стр. 851—853.

[20]) «1905 год в Красноярске» (Сб. док.), Красноярск, 1955, стр. 16.

[21]) «Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции» (Сб. док.), Иркутск, 1955 г., стр. 51.

В тысячах листовок, в выступлениях большевистских агитаторов и обращениях комитетов РСДРП призывались рабочие всех профессий к решительной борьбе против царизма, к всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию. В кратком обзоре социал-демократической деятельности в Сибири за первую половину 1905 года говорится: «Начавшиеся повсюду волнения среди рабочих и мелких служащих давали нам возможность путем уже не только листков, а и живого слова вливать в массы политическое классовое сознание... Призыв ко всеобщей стачке служил при этом средством для объединения всех отдельно вспыхивающих протестов среди рабочей массы **как на линии, так и в городах»**[22]) (подчеркнуто мною — *А. К.*).

Застрельщиками стачечной борьбы явились железнодорожные рабочие. Вслед за рабочими Красноярска 27 января провели политическую стачку рабочие станции Тайга Сибирской железной дороги. В этот же день в Чите на митинге в железнодорожных мастерских Читинский комитет РСДРП призвал рабочих организовать забастовку, выдвинув экономические и политические требования. В резолюции, принятой на митинге рабочих (присутствовало около 1000 чел.), было записано, что рабочие борются за свержение царского самодержавия и установление демократической республики. Рабочие заявляли, что они будут готовиться к всеобщей политической стачке по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог и, выражая солидарность со всем революционным пролетариатом России, поддерживая свои требования, объявляют забастовку[23]). Забастовка железнодорожных рабочих г. Читы продолжалась с 28 до 31 января и увенчалась частичным успехом рабочих. Но главное ее достижение — дальнейшее сплочение рабочих вокруг Читинского комитета РСДРП, рост авторитета партийной организации среди масс[24]).

Под руководством большевиков Читинского комитета РСДРП в феврале—апреле был проведен ряд экономических и политических забастовок. Так, 21 февраля началась забастовка протеста против репрессий царизма, в защиту арестованных накануне товарищей. Забастовка продолжалась до 25 февраля. Требования рабочих были частично удовлетворены. Не удалось освободить лишь одного из передовых рабочих — П. Киселева. Забастовки читинских железнодорожников состоялись также с 15 по 22 марта и с 5 по 7 апреля 1905 года[25]). Наряду с экономическими требованиями рабочие выдвигали политические требования, поддерживая призыв большевиков к всеобщей политической стачке против царизма и войны. Такого же характера забастовки железнодорожников были организованы в Омске, Нижнеудинске, Иркутске, Слюдянке и других городах Сибири[26]).

Характерной чертой стачечной борьбы явилось переплетение политических стачек с экономическими стачками. Это поднимало на борьбу и отсталые слои рабочих. В Сибири, как и по всей стране, в начале 1905 года даже среди металлистов, железнодорожников было «немало таких слоев, которых надо было «раскачать» и которые начинали дви-

---

[22]) «Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905—1907 гг.» (Документы и материалы). Новосибирск, 1958 г., стр. 111.

[23]) Иркутский областной партийный архив (ИОПА), ф. 300, оп. I, д. 136, л. I.

[24]) См. «Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг.» (Сб. док.), Чита, 1955 г., стр. 13—14.

[25]) Там же, стр. 14—15; также «Революционное движение в России весной и летом 1905 года. (Документы и материалы)», Часть первая, М., 1957 г., стр. 149—150.

[26]) Красноярский краевой партийный архив (ККПА), ф. 64, оп. I, д. 76, л. I; ГАТО, ф. 215, оп. 8, д. 303, л. 31.

жение с предъявления чисто экономических требований»[27]). Так на этой почве с 20 по 22 января бастовали рабочие депо ст. Зима. Часть из них (машинисты и слесари) не выходила на работу с 20 января по 4 февраля[28]). С 20 января и почти по 1 февраля в Красноярске, Нижнеудинске, на станциях Иланская, Зима, Иннокентьевская и др. не выходило на работу от одной трети до половины рабочих[29]).

Выборные и уполномоченные от рабочих, а иногда отдельные группы рабочих в заявлениях в управление железной дороги требовали 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, выплаты квартирных, мобилизационных и т. д. Например, 85 машинистов депо ст. Тайга требовали увеличить заработную плату на 30%, упразднить штрафы, обеспечить свободу собраний[30]). Машинисты и их помощники, кочегары, смазчики и осмотрщики депо ст. Боготол в своей «петиции» требовали от управления дороги повышения зарплаты, выплаты квартирных, мобилизационных. Вместе с тем они требовали свободы собраний для выяснения своих нужд и учреждения кассы взаимопомощи, требовали не подвергать их делегатов административной ответственности. Рабочие заявляли, что «если в течение месяца управление Сибирской железной дороги не даст нам никакого ясного и точного ответа на указанные пункты, то свободу действий оставляем за собой...»[31]).

В январе—феврале 1905 года в управление Сибирской железной дороги были предъявлены требования от железнодорожных рабочих Томска, Омска, станции Тайга, Зима, Обь, Иланская, от телеграфистов Красноярска, Томска, Омска, Иннокентьевской, Половина, от служащих управления Сибирской железной дороги, от рабочих и служащих Петропавловска, Кургана и других[32]). Большинство требований рабочих администрацией было отвергнуто[33]).

Возмущение рабочих росло. Они переходили к более организованным формам борьбы: к стачкам, демонстрациям и т. д. Тесная связь экономической и политической борьбы способствовала вовлечению в революционное движение широких масс, придавала ему большой размах.

Борьба железнодорожных рабочих оказывала влияние на рабочих других предприятий. Так, вслед за выступлением железнодорожников в марте—апреле в Омске прошли экономические стачки рабочих на заводе Рандрупа, табачной фабрике Серебрякова, лакокрасочном заводе «Довборы»[34]). С 26 февраля по 10 марта продолжалась забастовка рабочих типографий, а затем забастовка приказчиков г. Иркутска[35]). В начале мая 1905 г. в Томске произошло несколько забастовок рабочих (на механическом заводе и др.)[36]). Бастовали рабочие и в других городах Сибири.

Широкий размах революционного движения и угроза всеобщей политической стачки заставили царское правительство пойти на введение

---

[27]) В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 380.
[28]) ГАТО, ф. 215, оп. 9, д. 17, лл. 118—123—131.
[29]) Там же, лл. 48, 56—58, 62—66.
[30]) Там же, оп. 8, д. 303, лл. 67, 68.
[31]) Там же, л. 51.
[32]) Там же, д. 303, лл. 2—9, а также оп. 9, д. 17, л. 41.
[33]) Там же.
[34]) См. «Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905—1907 гг.» (Сб. док.), Омск, 1956 г., стр. 8.
[35]) См. «Начало первой русской революции. (Документы и материалы)», М., 1955, стр. 743, 760, 764.
[36]) См. Г. В. Трухин и В. С. Флеров, Революционные события 1905—1907 годов в Томске. Отдельный оттиск, Томск, 1955 г., стр. 37.

на железных дорогах 9-часового рабочего дня, обещание выплаты мобилизационных и т. п., чтобы отвлечь рабочих от революционного движения. На деле же царское правительство и не думало об улучшении положения железнодорожников[37]).

Большевики разоблачили эти попытки подачками отвлечь рабочих от революционной борьбы. Читинские большевики разъясняли рабочим, что царское правительство «боится готовящейся всеобщей стачки по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог, оно хочет этим «расписанным пряником» заставить их замолчать»[38]). Большевики призывали рабочих и служащих не писать «петиции», а теснее сплотиться под знаменем РСДРП и организовать всеобщую политическую стачку, которая поможет народному восстанию против царизма. Томским комитетом РСДРП была издана листовка «Ко всем железнодорожным рабочим», в которой разъяснялось, что «...главная наша борьба не в том, чтобы повысить плату, укоротить рабочий день, — а покончить с самовластием царя и установить самовластие народа...»[39]).

Опираясь на стихийный подъем масс, большевики добивались превращения стихийных и разрозненных выступлений в организованные политические выступления рабочих против царизма и буржуазии. Они на опыте масс учили их сплоченности и организованности.

Стачки в Красноярске, Чите, Иркутске, Нижнеудинске и других городах, проведенные зимой и весной 1905 года, несмотря на их разрозненный характер, служили делу воспитания и организации рабочих, делу подготовки их к новым боям. В Иркутске и некоторых других городах весной была сделана попытка организации всеобщей стачки. Однако она не удалась[40]). Не было еще крепких связей между рабочими различных предприятий, городов и станций. Значительная часть рабочих еще не была втянута в стачечную борьбу. Большой вред революционному движению в Сибири наносила оппортунистическая тактика меньшевиков, захват ими в июне 1905 г. большинства в комитете Сибирского союза РСДРП. Меньшевики шли на сделку с буржуазией, стремились к свертыванию революции, стачечную борьбу рабочих рассматривали как средство давления на царское правительство, способное принести победу.

Большевики сибирских организаций РСДРП, руководствуясь решениями III съезда партии и указаниями В. И. Ленина, решительно разоблачали меньшевиков, расширяли работу на местах, среди железнодорожников, угольщиков и других рабочих. Под их влиянием железнодорожные рабочие летом 1905 г. выступили с обращениями ко всем рабочим Сибирской и Забайкальской железных дорог об укреплении связи между собой и организации всеобщей политической стачки. С такими обращениями выступили рабочие г. Томска во время общегородской стачки в июле 1905 г., железнодорожники Красноярска, Омска, станций Обь, Иннокентьевская и других[41]). Например, рабочие Красноярска предлагали своим товарищам обсудить вопрос о всеобщей стачке на общих собраниях, избрать депутатов и послать их к соседним рабочим, установить с ними тесную связь. Рабочие ст. Обь (ныне — Новосибирск) писали: «Пусть соседние товарищи обсудят наш план, наше решение;

---

[37]) См. «Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг.» (Сб. док.), Чита, 1955 г., стр. 58.

[38]) См. там же, стр. 58—59.

[39]) См. Г. В. Трухин и В. С. Флеров, Революционные события 1905—1907 годов в Томске. Отдельный оттиск, Томск, 1955 г., стр. 33.

[40]) ИОПА, ф. 300, оп. 1, д. 112, л. 1.

[41]) Новосибирский областной партийный архив (НОПА), ф. 5, оп. 2, д. 140, л. 16; так же ГАОО, ф. 270, оп. 1, д. 115, л. 466.

пусть и к нам пошлют своих выборных для совещания,—так депо за депо, мастерские за мастерскими подадим друг другу руки, скрепим железную цепь, сдружимся — и тогда наша всеобщая стачка прогремит на весь мир»[42]).

Обращения рабочих были напечатаны в листовках Красноярского, Читинского, Омского и других комитетов РСДРП и широко распространены по всей Сибири[43]). В Чите, Красноярске, Нижнеудинске и других городах большевиками были проведены нелегальные собрания железнодорожных рабочих с обсуждением вопроса о ходе революционного движения и мерах подготовки всеобщей стачки.

Под влиянием роста революционного движения в стране и работы большевиков, проводивших в жизнь ленинскую линию III съезда партии, стачечная борьба сибирских рабочих летом 1905 года поднимается на новую ступень.

Начавшаяся 21 июля 1905 года экономическая стачка рабочих мастерских и депо г. Читы под руководством большевиков быстро переросла в политическую стачку, направленную против войны, царизма и булыгинской думы. Вслед за читинскими железнодорожниками забастовали рабочие станций Мозгон, Хилок, Борзя, Оловянная, Слюдянка, рабочие станций и депо Верхнеудинска и Иркутска. Местные царские власти и железнодорожная администрация пытались обещаниями удовлетворить некоторые требования и репрессиями подавить стачку в самом ее начале. В Красноярске жандармы и полиция стреляли в рабочих, собравшихся на массовку. В Чите, Омске и некоторых других городах были проведены аресты передовых рабочих-железнодорожников. Однако остановить забастовку им не удалось. Забастовали железнодорожные рабочие Красноярска, Боготола, станций Иланская, Тайга, Курган, Петропавловска, Омска.

Массовая политическая стачка волной прокатилась по всей линии Забайкальской и Сибирской железных дорог. И хотя она не переросла во всеобщую стачку,—выступления рабочих происходили не одновременно, — значение ее для революционного движения в Сибири велико. Она теснее сплотила сибирских рабочих, дала им опыт массовых политических выступлений, вскрыла недостатки в организации рабочих (недостаточную связь между рабочими, социал-демократическими организациями отдельных городов, станций и т. д.).

В ходе стачки в Чите, Иркутске, Омске и на станции Тайга были созданы рабочими первые стачечные комитеты, игравшие активную роль в организации стачки. В Чите, Верхнеудинске, Иркутске, на ряде станций Забайкальской железной дороги были организованы профессиональные союзы рабочих мастерских и депо, объединившиеся на съезде в Чите в профессиональный союз рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги[44]). Этот съезд организованных рабочих Забайкальской железной дороги, созванный Читинским комитетом РСДРП в конце августа 1905 года, обсудил вопросы: о всеобщей политической стачке, об отношении к государственной (булыгинской) думе, о профессиональных союзах и другие. На съезде были приняты решения о расширении и улучшении социал-демократической работы среди железно-

---

[42]) «Большевики во главе всероссийской политической стачки в октябре 1905 года» (Сб. док.), М. 1955 г., стр. 367—368.

[43]) НОПА, ф. 5, оп. 2, д. 149, л. 7.

[44]) См. «Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг.» (Сб. док.), Чита, 1955 г., стр. 15—16, 71—72; «1905 Материалы и документы. Стачечное движение», (Сб.), М.—Л., 1925 г., стр. 482—490.

дорожников, выработаны общие требования рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги[45]).

Читинский съезд организованных рабочих и августовская стачка железнодорожников явились важным этапом на пути к всеобщей октябрьской политической стачке.

Всероссийская октябрьская политическая стачка, начатая железнодорожниками Москвы и Петербурга, охватила больше 40 железных дорог, в стачку была вовлечена почти вся 750-тысячная армия железнодорожников[46]), а общее число ее участников превышало два миллиона человек.

13 октября 1905 г. выступлением железнодорожных рабочих Красноярска, Тайги, Томска началась всеобщая политическая стачка в Сибири. 14 октября забастовали рабочие Читы, Верхнеудинска, Иркутска, а к 17 октября стачкой были охвачены почти все города, станции и рабочие поселки Сибири. Вместе с железнодорожниками в стачку активно включались рабочие городских предприятий.

В Красноярске, Чите, Томске и других городах делегаты от железнодорожных рабочих приходили на фабрики, в учреждения и поднимали рабочих и служащих на всеобщую стачку. В железнодорожных мастерских и депо почти ежедневно проходили митинги и собрания, привлекавшие внимание широких масс рабочих, служащих, солдат, учащихся. По инициативе железнодорожников, поддержанной большевиками, были организованы поездки рабочих делегаций по линии сибирских железных дорог на составленных самими рабочими поездах. Рабочие делегации были направлены, например, со станции Тайга в Томск, на ст. Обь, Мариинск и другие. В Омск приезжали делегаты от рабочих Каинска, Петропавловска, Кургана и Челябинска. Рабочие делегации приезжали в Красноярск, Читу и другие города и сыграли большую роль в организации всеобщей политической стачки.

В ходе стачки революционным творчеством рабочих во многих городах Сибири были созданы стачечные комитеты (Чита, Зима, Тайга, Обь, Омск и др.). В Красноярске под руководством большевиков была создана «Выборная комиссия рабочих г. Красноярска». Активную роль в организации стачечных комитетов и их работе играли железнодорожники. Они составляли и большинство членов стачечных комитетов[47]).

На лицемерный царский манифест 17 октября и черносотенные погромы железнодорожники Сибири, как и все рабочие, руководимые большевиками, ответили усилением борьбы, созданием боевых дружин, вооружением. Боевые дружины были организованы при стачечных комитетах в Красноярске, Чите, Иркутске, Нижнеудинске, Новониколаевске, на станциях Тайга, Зима, Иннокентьевская, Верхнеудинск и других. В Чите, например, в октябре 1905 года боевая дружина насчитывала около 2000 человек. Костяком и основной частью боевых дружин являлись рабочие железнодорожных мастерских и депо[48]).

Разоблачая царских генералов и чиновников, стремившихся затормозить начавшуюся с 10 октября эвакуацию солдат с Востока и направить их на рабочих, стачечные комитеты развертывали борьбу за рево-

---

[45]) См. «Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг.» (Сб. док.), Чита, 1955 г., стр. 79—97.

[46]) См. П. М. Пушкарева, Железнодорожники России—активные участники октябрьской политической стачки 1905 года, «Вопросы истории», № 12, 1958 г., стр. 159.

[47]) Подробнее об октябрьской стачке и стачечных комитетах см. нашу статью «Большевики во главе всеобщей октябрьской политической стачки 1905 года в Сибири», в кн. «50 лет первой русской революции», Томск, 1958 г., стр. 61—88.

[48]) См. М. К. Ветошкин, «Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание 1905—1906 гг.», Чита, 1949 г., стр. 198.

люционную эвакуацию солдат на родину с оружием в руках. Железнодорожники разъясняли солдатам, кто их задерживает, и призывали включаться в борьбу, устанавливали контроль за работой железнодорожных станций и депо, телеграфа и телефона, добивались ускорения движения эшелонов с солдатами.

Всеобщая октябрьская политическая стачка (закончившаяся в Сибири в основном к 24 октября) имела огромное значение в подготовке масс к вооруженному восстанию, оказала большое влияние на крестьян, служащих. Начавшаяся 15 ноября 1905 года массовая политическая стачка почтово-телеграфных работников охватила все города и железнодорожные станции Сибири. В Чите, Красноярске, Иркутске и некоторых других городах были созданы стачечные комитеты работников почты и телеграфа[49]). Стачка эта слилась с политическими стачками рабочих Сибири, организованными большевиками в ноябре—декабре 1905 года.

Ноябрьско-декабрьские стачки рабочих Сибири явились последними в 1905 году массовыми политическими стачками, переросшими в Чите и Красноярске в вооруженное восстание. В. И. Ленин указывал, что «железнодорожная забастовка **есть** восстание, это несомненно после декабря»[50]). Забастовавшие железнодорожники неминуемо сталкивались с вооруженными силами царского правительства.

В Сибири стачечная борьба железнодорожников приобрела особенно острый характер. Руководимые большевиками железнодорожники развернули борьбу за захват железной дороги в свои руки. Еще в октябрьские дни в Красноярске, на станциях Иланская, Боготол, Тайга, Обь, Омск рабочими был введен 8-часовой рабочий день, а в ноябре 1905 г. он был введен по всем станциям Сибирской и Забайкальской железных дорог[51]).

В ноябре 1905 года Выборная комиссия рабочих г. Красноярска, стачечные комитеты на станциях Зима, Иланская, Тайга, Обь и других, созданные еще в дни всеобщей октябрьской политической стачки, развернули широкую деятельность по организации бесперебойной перевозки солдат, возвращавшихся с востока, и по существу подчинили себе работу железнодорожных станций. С 5 по 29 ноября сначала в Тайге, а затем в Томске заседал первый делегатский съезд рабочих и служащих Сибирской железной дороги, на котором большевики боролись за принятие решения о захвате железной дороги в руки рабочих. Засилие меньшевиков и либерально настроенных служащих на съезде не позволило провести такого решения. Но руководимые большевиками железнодорожные рабочие на местах осуществляли эту идею на практике.

В конце ноября на Забайкальской и Китайско-Восточной железных дорогах началась новая политическая стачка как протест против приговора царского суда к казни группы рабочих и служащих Закаспийской железной дороги. Борьба за захват железных дорог в руки рабочих приняла еще больший размах. 26 ноября в Чите на общем собрании рабочих и служащих, организованном большевиками Читинского комитета РСДРП, было принято решение об организации в Чите и на других станциях смешанных комитетов (в комитеты входили представители от всех служб дороги).

---

[49]) Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 29, оп. I, д. 29, лл. 7, 71, 81, 83, 100; а также «Революционное движение в Иркутской губернии в период первой русской революции» (Сб. док.), Иркутск, 1955 г., стр. 145—146.

[50]) В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 100.

[51]) См. «50 лет первой русской революции» (Сб. ст.), Томск, 1958 г., стр. 82.

Разоблачая иркутских и других меньшевиков, отказавшихся от борьбы за захват железной дороги и шедших на сделку с администрацией дороги, большевики Читинской организации РСДРП добились создания смешанных комитетов почти на всех станциях и фактического захвата Забайкальской железной дороги в руки рабочих.

Опираясь на Совет солдатских и казачьих депутатов (созданный 22 ноября), на смешанные комитеты и боевые дружины, большевики по существу установили на некоторое время власть рабочих и крестьян и смогли провести важные революционные мероприятия в Чите, а также за ее пределами. С 7 декабря под руководством В. В. Курнатовского стала издаваться большевистская газета «Забайкальский рабочий».

В декабре в Чите и Харбине были организованы съезды представителей смешанных и стачечных комитетов. Велась большая работа по вооружению рабочих. Читинский Совет и железнодорожные комитеты фактически являлись зачатками новой, революционной власти.

Таким образом, начавшаяся в конце ноября 1905 года на Забайкальской железной дороге массовая политическая стачка переросла в вооруженное восстание, закончившееся 23 января 1906 года. В течение всего этого времени железная дорога находилась в руках рабочих и их смешанных комитетов[52]).

Декабрь явился наивысшей точкой подъема первой русской революции, когда революционное движение в Москве, а затем и в некоторых других городах переросло в вооруженное восстание. Сообщение о политической забастовке в Москве и Петербурге было получено в Сибири 8 декабря по телеграфу. В этот же день по решению Красноярского комитета РСДРП и собрания рабочих в городе была объявлена всеобщая политическая стачка. 9 декабря состоялась мощная вооруженная демонстрация, в которой приняло участие около 20000 человек[53]). С этого момента власть в городе фактически перешла к Объединенному Совету рабочих и солдат, созданному 6 декабря на основе объединения Выборной комиссии рабочих г. Красноярска и солдатского комитета 2-го железнодорожного батальона.

Под руководством большевиков (А. Рогова и др.) отрядом рабочей дружины и солдат была захвачена губернская типография, производилось разоружение жандармов и полиции и вооружение рабочих. С 10 декабря стала выходить большевистская газета «Красноярский рабочий». В этот же день «Выборная комиссия» приняла решение называться «Советом рабочих депутатов г. Красноярска». Во главе Совета стояли избранные железнодорожниками еще в Выборную комиссию члены Красноярского комитета РСДРП Рогов А. Г., Кузнецов К. В., Воронцов И. Н. Железнодорожники играли активную роль в работе Совета и во всем вооруженном восстании в Красноярске. А когда дело дошло до открытой вооруженной борьбы, железнодорожные мастерские Красноярска были превращены в крепость, в которой в течение 7 дней (с 28 декабря до 3 января 1906 г.) героически оборонялись 800 рабочих-дружинников и солдат 2-го железнодорожного батальона[54]).

В декабрьской политической стачке приняли участие рабочие и других городов и станций, хотя она там не переросла в вооруженное восста-

---

[52]) В сведениях эксплуатационного отдела управления железных дорог Министерства путей сообщения о продолжительности забастовок на железных дорогах страны этот факт замалчивается. В них говорится, что Забайкальская железная дорога бастовала в течение всего декабря, т. е. 31 день. — См. «Высший подъем революции 1905—1907 гг.» Часть первая. М. 1955 г., стр. 135.

[53]) ГАКК, ф. 32, оп. 1, д. 6, л. 14.

[54]) См. Д. Б. Груш, «Большевики Красноярска в годы первой русской революции», Красноярск, 1955 г., стр. 79—84.

ние. В Омске в день получения известия о массовой политической стачке в Москве и других городах большевиками Омского комитета РСДРП было организовано в железнодорожных мастерских собрание (более 2 тыс. чел.). По решению собрания послана телеграмма Московскому Совету рабочих депутатов: «Собрание рабочих и служащих мастерских, депо и разных служб ст. Омск выражает своим товарищам-рабочим забастовавших дорог свое полное сочувствие и заявляет свою полную готовность поддержать их своей забастовкой...»[55]).

Для руководства стачкой был создан Рабочий подкомитет при Омском комитете РСДРП. Во главе подкомитета поставлен большевик Сидоров. Рабочие подкомитеты были созданы также на станциях Курган, Челябинск и др.[56]). Рабочие подкомитеты и стачечные комитеты парализовали действия властей, революционным путем осуществляли свободу слова, собраний, вооружали рабочих, осуществляли революционную эвакуацию солдат. Не случайно поэтому администрация железных дорог слала царскому правительству сообщения о том, что дороги фактически находятся в руках революционных комитетов[57]).

В дни декабрьской политической стачки состоялись массовые митинги и демонстрации на станциях Тайга, Обь, Нижнеудинск, Верхнеудинск, в Томске, Каинске и других городах. Бастовали связисты в Иркутске, студенты и учащиеся в Томске, почти до конца декабря продолжалась политическая забастовка почтово-телеграфных работников. Всеобщая политическая стачка на Сибирской железной дороге продолжалась с 9 декабря 1905 года по 7 января 1906 года[58]).

Под влиянием политических стачек, вооруженных восстаний в Чите и Красноярске и работы большевиков в сибирской деревне в конце 1905 года резко усилилось революционное движение крестьян. Активную роль в нем играли демобилизованные солдаты, которые видели революционное движение железнодорожников, слышали слово большевиков.

Крестьянскими волнениями были охвачены почти все сибирские губернии и области. Особенно крупные размеры крестьянское движение приняло в Томской, Иркутской, Енисейской губерниях и в Забайкалье. Крестьяне не только захватывали «кабинетские» земли, рубили лес, но и изгоняли царских чиновников, в ряде мест происходили вооруженные столкновения с казаками, жандармами и полицией.

Таким образом, стачечные бои пролетариата Сибири, одним из активнейших отрядов которого являлись железнодорожники, сыграли большую роль в подъеме революционного движения, привлечении к нему широких масс трудящихся, в подготовке их к вооруженному восстанию. Царизму удалось с помощью карательных экспедиций подавить вооруженные восстания в стране и всеобщую политическую стачку железнодорожников.

Но опыт революционных боев пролетариата в 1905 году имел огромное значение для политического воспитания и организации трудящихся масс и был широко использован большевиками в последующей борьбе против царизма и капитализма.

---

[55]) «Омская организация РСДРП в первой русской революции 1905—1907 гг.» (Сб. док.), Омск, 1956 г., стр. 69.

[56]) См. там же, стр. 221, 224.

[57]) См. «Высший подъем революции 1905—1907 гг.». Часть первая, М., 1955 г., стр. 130, 133, а также «Революционное движение 1905—1907 гг. в Томской губернии» (Сб. док.), Томск, 1955 г., стр. 77—78.

[58]) См. «Высший подъем революции 1905—1907 гг.» Часть первая, М. 1955 г., стр. 135. На некоторых станциях стачка началась раньше: в Красноярске — 8 декабря, на ст. Тайга — 7 декабря 1905 года. См. «Революционное движение 1905—1907 гг. в Томской губернии» (Сб. док.), Томск, 1955 г., стр. 77.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Д. М. ЗОЛЬНИКОВ

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В 1917 ГОДУ

Стачечное движение железнодорожников, особенно всеобщая сентябрьская стачка, является одним из главных звеньев революционного рабочего движения периода подготовки Октябрьской социалистической революции. Эти стачки ускорили процесс большевизации железнодорожников, среди которых влияние меньшевиков и эсеров в первые месяцы революции было особенно сильным.

Однако в исторической литературе последних лет стачечному движению железнодорожников в 1917 году уделяется незаслуженно мало внимания.

Наша статья имеет целью проследить в общих чертах процесс стачечного движения железнодорожников указанного периода, влияние этого процесса на большевизацию железнодорожников и на возникновение благоприятных условий для социалистической революции в стране.

Социальный состав железнодорожников в 1917 г. представлял весьма пеструю картину. Рабочие мастерских и депо составляли пролетарское ядро железнодорожников; кондукторы, стрелочники, сторожа, низшие служащие — полупролетарскую прослойку; административный и инженерно-технический персонал — своеобразную рабочую аристократию. Пополнение железнодорожников выходцами из мелкобуржуазных и буржуазных слоев населения за годы войны было особенно значительным.

Волна мелкобуржуазной стихии, захлестнувшая после февральской революции общественную жизнь страны, сильное влияние оказала также и на железнодорожников, в том числе и на пролетарскую часть. Об этом свидетельствовало засилие мелкобуржуазных верхов в линейных комитетах профсоюзов рабочих и служащих железных дорог, образовавшихся в апреле и мае 1917 г. Об этом же свидетельствует засилие меньшевиков, эсеров и кадетствующих чиновников на Всероссийской апрельской конференции железнодорожников. Так, из 15 членов Исполкома железнодорожников, избранного конференцией, только 3 были представителями от рабочих[1]).

Освобождению пролетарских и полупролетарских слоев железнодорожников из-под влияния мелкобуржуазных верхов в значительной мере помогла борьба этих слоев за улучшение своего экономического положения.

Зарплата низших категорий железнодорожников была чрезвычайно низкой, намного ниже зарплаты промышленных рабочих. Мастеровые и низшие служащие, составлявшие до 95 процентов железнодорож-

---

[1]) А. М. Панкратова. Политическая борьба в российском профдвижении в 1917—1918 гг., Л., 1927, стр. 106.

ников, получали 40—75 рублей в месяц[2]). С учетом военной надбавки это составляло 70—150 рублей в месяц. Были ставки даже 15—20 рублей в месяц. Так, рабочие ст. Белополье Южной железной дороги писали в «Правде» в конце апреля месяца: «Мы, каторжане-железнодорожники, и по настоящее время зарабатываем только от 54 коп. до 1 руб. 50 коп. в день, как в старину, когда все было во много раз дешевле»[3]).

На ст. Красноярск Томской железной дороги рабочие текущего ремонта депо из-за непомерно низкой зарплаты вынуждены были брать сверхурочные работы, что увеличивало рабочий день до 13—14 часов в сутки и даже более[4]).

На апрельской конференции железнодоржников соглашатели вместе с буржуазными министрами дали клятвенные обещания, что Временное правительство сделает все для улучшения экономического положения железнодорожников.

Была создана специальная комиссия, широковещательно названная комиссией «по улучшению материального положения железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих». Позже, когда ее председателем стал Г. В. Плеханов, соглашатели для придания ей большего веса окрестили ее «плехановской».

Комиссия прозаседала несколько месяцев, определяя, кому и сколько следует прибавить жалования. Железнодорожники начали волноваться. Под давлением настойчивых требований нижних слоев железнодорожников Временное правительство после долгих колебаний выделило комиссии для распределения 220 млн. руб. на 1917 год[5]), но вскоре решило, что этого будет много, и урезало эту сумму на 30 млн. руб.

Результатом работы комиссии было введение так называемой «плехановской» надбавки, суть которой была в следующем: отменялись все военные надбавки, составлявшие 40—80 руб. в месяц, и вводилась новая надбавка в 40—100 руб. в месяц в зависимости от дороговизны жизни по разным районам. Затем шла целая система оговорок: так, переездные сторожихи, носильщики багажа, ученики, служебный медицинский и педагогический персонал получили от 25 до 50 процентов надбавок, подсобные рабочие—75 процентов надбавок[6]). Надбавка была издевательски низкой. Так, рабочие паровозных бригад получили надбавку от 3-х до 15 рублей в месяц[7]).

Чтобы успокоить железнодорожников, надбавка, при введении ее, была названа «временной мерой». Железнодорожников призывали «ждать дальнейших результатов работы комиссии»[8]).

Но обманутые железнодорожники не могли ждать. В комиссию посылались жалобы рабочих и служащих на низкую норму прибавки. 18 мая на заседании комиссии было заслушано заявление делегации Рыбинского железнодорожного узла. Комиссия обещала рыбинским железнодорожникам надбавку в 80—100 руб., а дала в 60 руб., что почти не превышало военных надбавок. «Дороговизна в Рыбинске не менее, а, пожалуй, более, чем в Петрограде, и рабочие буквально голодают», — заявила делегация железнодорожников[9]). Рабочие узла были обмануты и объявили забастовку. Их успокоили обещанием пересмотреть надбав-

---

[2]) ЦГАОР, ф. 5498, оп. 1, д. 80, л. 69.
[3]) «Правда», № 42 от 27 апреля 1917 г.
[4]) «Красноярский рабочий», № 4 от 14 марта 1917 г. (орган Красноярского комитета РСДРП).
[5]) ЦГАОР, ф. 5498, оп. 1, д. 80, л. 6.
[6]) Там же, д. 80, л. 9.
[7]) Там же, д. 45, л. 5.
[8]) Там же, д. 80, л. 21.
[9]) Там же, д. 80, л. 18.

ку. Комиссия была вынуждена увеличить надбавку до 85 рублей, но единогласно решила впредь «не принимать делегаций и представителей рабочих и служащих», мотивируя это тем, что они «отрывают комиссию от текущих дел»[10]).

В конце мая рабочие мастерских и депо Петроградского и Московского железнодорожных узлов потребовали установления минимума зарплаты в 125 руб. и максимума в 350 руб. в месяц[11]). Временное правительство отказалось удовлетворить это требование. Железнодорожники Петроградского узла решили отстаивать свое требование стачкой и назначили ее на 7 июня. Рабочие и служащие Николаевской железной дороги заявили о поддержке рабочих Петроградского узла.

Начавшуюся 7 июня забастовку рабочих Петроградского железнодорожного узла эсерам и меньшевикам из Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов удалось остановить новой комиссией и новыми обещаниями от имени Временного правительства[12]).

Отдельные стачки и выступления железнодорожников имели место и на других дорогах. 6 июня в Ростове-на-Дону рабочие и служащие главных мастерских Владикавказской железной дороги потребовали установления 8-часового рабочего дня и повышения зарплаты. 16 июня забастовали все ремонтные рабочие и мастеровые службы пути от ст. Батайск до ст. Степная Владикавказской дороги[13]). 1 июля железнодорожники ст. Тула в ультимативной форме заявили, что, если не будет увеличена зарплата, они объявят забастовку[14]). В конце мая забастовали рабочие, служащие и носильщики ст. Раевка Южно-Уральской железной дороги[15]), в июле — железнодорожники Перми[16]).

Последовательных защитников своих интересов железнодорожники нашли только в лице большевистских партийных организаций в центре и на местах. Большевики развернули среди железнодорожников, в первую очередь среди рабочих мастерских и депо, агитационную работу, систематически освещали в партийной печати их борьбу, разоблачали идеи революционного оборончества, буржуазную сущность поведения эсеров и меньшевиков, Временного правительства.

Так, центральный орган РСДРП(б) «Правда» по поводу июньского выступления петроградских железнодорожников опубликовала статью «Пожарная кишка». В этой статье разоблачались маневры правительства, признавшего на словах справедливость требований рабочих Петроградского и Московского ж.-д. узлов, но отказавшегося удовлетворить их под предлогом того, что «справедливость требует повышения зарплаты и остальным железнодорожникам, а денег на это нет». Под этим заявлением стояла и подпись министра-меньшевика Скобелева. По этому поводу «Правда» писала: «Роль «социалистов»-министров становится все более ясной: капиталисты их употребляют как пожарную кишку. Где надо уговорить рабочих, чтобы они «подождали» с экономическими требованиями, туда посылают пожарную кишку — «социалистического министра». «Правда» призвала рабочих при выборах в

---

[10]) ЦГАОР, ф. 5498, оп. 1, д. 80, л. 19.

[11]) «Правда», № 75 от 7 июня 1917 г.

[12]) См. «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Протоколы заседаний ИК и Бюро), М., 1925, стр. 165.

[13]) «Хроника событий на Дону, Кубани и в Черноморье», Ростов, 1939, стр. 40, 43.

[14]) Т. В. Шепелева, Тульская организация большевиков в борьбе за власть Советов, Тула, 1954, стр. 51.

[15]) Ф. А. Александров, Борьба за власть Советов в Башкирии, Уфа, 1951, стр. 56.

[16]) «Очерки по истории большевистских организаций на Урале», Свердловск, 1951, ч. 1, стр. 280.

районные и городскую думы Петрограда не отдавать ни одного голоса партиям соглашателей, защищающим 10 министров-капиталистов, и голосовать за большевиков[17]).

В Москве с 23 апреля по 13 мая 1917 г. в Железнодорожном районе большевики организовали 29 митингов и провели 14 районных и подрайонных партийных собраний, на которых обсуждались вопросы партийной жизни, текущего момента, читались доклады по вопросам программы и тактики партии, обсуждались вопросы экономической борьбы железнодорожников[18]).

Большевистская партийная печать разъясняла железнодорожникам соглашательскую суть «плехановской» комиссии. Так, газета красноярских большевиков «Сибирская правда» в заметке «Из хроники партийной жизни» писала: «Плехановская комиссия ничего не дала и не может дать рабочим, пуская только мыльные пузыри». Газета призвала рабочих крепить свои профсоюзы, включиться в общую борьбу пролетариата за власть Советов[19]).

Под влиянием экономической борьбы с правительством и агитации большевиков в среде железнодорожников, особенно рабочих мастерских и депо, произошел поворот в сторону большевиков.

На четырехтысячном митинге 30 мая рабочие Николаевской ж. д. потребовали «резкого изменения финансовой политики правительства в направлении энергичного прижима капиталистов и удовлетворения в первую очередь изголодавшейся железнодорожной демократии»[20]).

В связи с приостановкой забастовки 2000 рабочих Петроградского железнодорожного узла приняли резолюцию, в которой заявили, что «министры-социалисты» «ни в чем не помогают рабочим..., а мешают много. Мы им пороги обили, а толку мало, живем голодные. Мы больше к ним не пойдем. И хотя бастовать не хочется, а придется... Забастовка, начатая нами 7 июня, обсуждена и временно ликвидирована». И рабочие пришли к выводу, что «выхода иного нет, как взять все железнодорожное хозяйство и власть в руки доверенным избранникам народа... К этому думаем приступить организованно всей миллионной армией железнодорожников по примеру товарищей кронштадтцев[21]) и в их поддержке не сомневаемся»[22]).

Под воздействием большевиков майско-июньское движение среди железнодорожников привело к созданию профсоюза рабочих мастерских и депо в Петрограде и Москве. В Петрограде в состав временного президиума нового союза вошли 3 большевика, 1 межрайонец и 2 эсера. В Москве по инициативе МК РСДРП(б) был создан Железнодорожный райком РСДРП(б) и районный Железнодорожный совет, в котором с момента его основания большевики имели большинство депутатов. В составе временного правления профсоюза рабочих депо и мастерских Московского узла из 29 членов правления было 20 большевиков[23]).

В Харькове, Ростове-на-Дону, Перми, Екатеринбурге, Красноярске и в некоторых других городах среди рабочих депо и мастерских боль-

---

[17]) «Правда», № 68 от 28 мая 1917 г.

[18]) «1917 год в Москве», М., 1934, стр. 69.

[19]) «Сибирская правда», № 13 от 25 июня 1917 г. (орган районного бюро ЦК РСДРП(б) и Красноярского городского комитета РСДРП(б).

[20]) «Правда», № 70 от 1 июня 1917 г.

[21]) В середине мая Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил себя единственной местной властью. В связи в этим вынужден был уйти в отставку комиссар Временного правительства в Кронштадте.

[22]) «Правда», № 88 от 22 июня 1917 г.

[23]) А. М. Панкратова, Политическая борьба в российском профессиональном движении в 1917—1918 гг., Л., 1927, стр. 107.

шевики уже в апреле—июне 1917 г. имели преобладающее влияние. Так, в конце мая на собрании рабочих железнодорожных мастерских и депо ст. Пермь и ст. Екатеринбург были приняты большевистские резолюции, требующие перехода всей власти в руки Советов[24]).

Но в первые месяцы революции большевистским влиянием были охвачены, в основном, только рабочие депо и мастерских некоторых крупных станций и железнодорожных узлов.

В этот период Временному правительству в обстановке разгула идей революционного оборончества удалось при помощи эсеров и меньшевиков удержать железнодорожников от крупных выступлений обещаниями и комиссиями, кивками на будущий Всероссийский съезд железнодорожников, который по обещанию соглашателей должен был «все решить и все уладить».

Съезд собрался с большим запозданием и работал в Москве с 15 по 25 августа 1917 г. На съезде, как и на апрельской конференции железнодорожников, главенствовали мелкобуржуазные верхи. Среди делегатов только так называемых «лиц с распорядительными функциями власти» было 26,5 процента. Рабочие составляли 14 процентов общего числа делегатов, остальные были служащими, инженерами, юристами, врачами и т. д.[25]).

Чиновники Временного правительства в союзе с соглашателями с марта 1917 г. пропагандировали среди железнодорожников идею надклассового союза. Так, министр путей сообщения Некрасов на апрельской конференции железнодорожников заявил, что профсоюз, объединяющий правительственных чиновников и рабочих, не будет классовым, а будет выражать «коллективную» волю и явится прочной опорой Временного правительства[26]).

На съезде глашатаями идеи полугосударственного профсоюза были эсеры. Меньшевики стояли за союз с задачами только экономической борьбы. Большевики пропагандировали идею боевого пролетарского союза, связывающего экономическую борьбу с политической борьбой пролетариата. Победили эсеры, к которым примкнули меньшевики.

По своей структуре созданный съездом Всероссийский союз железнодорожников представлял следующее: во главе союза стоял избранный съездом Всероссийский исполком железнодорожников (Викжель), эсеро-меньшевистский по своему составу. Из 40 членов Викжеля 20 были эсерами и меньшевиками, 11 беспартийными, 2 межрайонцами и только 2 большевиками[27]). Местными органами являлись линейные комитеты дорог, выбираемые также «всеми»— от администрации до рабочих. На правах автономии в Союз входили отдельные профсоюзы железнодорожников, организованные по цеховому признаку: Всероссийский союз паровозных бригад, Союз кондукторских и телеграфных бригад, Союз сцепщиков и смазчиков, Союз инженеров и техников путей сообщения.

Мастеровые и рабочие не имели своего Всероссийского союза, но один из крупнейших профсоюзов рабочих—союз мастеровых и рабочих Московского узла—вошел в Викжель, а одноименный союз Петроградского узла не присоединился к Викжелю (он входил в Петроградский совет профсоюзов).

Таким образом, съезд создал полугосударственное профсоюзное объединение, разношерстное по своей структуре. Это объединение дава-

---

[24]) «Уральская правда» № 4 от 26 мая 1917 г. (орган Екатеринбургского комитета РСДРП(б).

[25]) «Известия Московского Совета рабочих депутатов», № 147 от 26 августа 1917 г.

[26]) ЦГАОР, ф. 5498, оп. 1, д. 1, л. 12.

[27]) А. М. Панкратова. «Политическая борьба в Российском профдвижении в 1917—1918 гг.», Л., 1927, стр. 108.

ло широкие возможности для подмены воли масс пролетарских слоев железнодорожников волей пролетарской верхушки. Одним из показателей полугосударственного характера профсоюза был установленный Викжелем принудительный порядок отчисления членских взносов через бухгалтерию.

Единственной заслугой съезда была выработка общего тарифа (требований норм зарплаты и условий труда). Этот тариф вскоре был предъявлен Временному правительству.

В июле и августе 1917 г. возмущение железнодорожников затягиванием решения вопроса о повышении зарплаты продолжало нарастать. Продолжение империалистической бойни, бездействие правительства в борьбе с разрухой хозяйства и саботажем капиталистов, рост дороговизны жизни, отсутствие планомерного снабжения продовольствием, одеждой и обувью, которые быстро изнашивались при работе на дорогах,—все это толкало железнодорожников на активную борьбу.

В июле угрожали стачкой рабочие Петроградских мастерских, паровозных и вагонных мастерских Московско-Казанской железной дороги[28]), а в августе назревала всероссийская стачка паровозных бригад, которая была остановлена новыми обещаниями и новой комиссией[29]). С 13 по 21 сентября бастовали мастеровые и рабочие Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. Эта стачка была остановлена все новыми и новыми обещаниями[30]).

В обстановке разгула контрреволюции после июльских событий Временное правительство от обещаний перешло к репрессиям. В начале августа оно издало закон, направленный против большевистской агитации среди железнодорожников. Рабочим «за неповиновение властям» угрожали 3-летним тюремным заключением[31]). Еще раньше было издано распоряжение о лишении прав профсоюзов железнодорожников какого-либо участия в контроле за работой администрации. Правительство разрабатывало проекты полной милитаризации железных дорог. Эти проекты были частью планов контрреволюции по удушению рабочего движения.

Вероломное поведение правительства, нарушившего все свои обещания, подняло новую волну протеста железнодорожников.

Во время своей авантюры генерал Корнилов пытался сыграть на бедственном положении железнодорожников и обещал им выплатить 100 руб. прибавки к месячному жалованию, начиная с 1 апреля, если они его поддержат[32]). Рабочие в многочисленных резолюциях с гневом отвергли это домогательство и приняли активное участие в подавлении мятежа.

После разгрома корниловщины для железнодорожников вопрос борьбы за тариф вновь выдвигается на первый план. В условиях нового революционного подъема правительству все труднее становится оттягивать принятие тарифа, а Викжелю удерживать рабочих и служащих от выступлений.

Викжель выступил не в роли организатора, а в роли глушителя рабочего движения. Он рассылал телеграммы с требованием не создавать стачкомов, не предъявлять требований без его ведома, взывал к патриотизму железнодорожников и т. п. Он пошел на штрейкбрехерство во

---

[28]) «Социал-демократ», № 103 от 9 июля 1917 г. (орган Московского комитета РСДРП(б).

[29]) «Пролетарий», № 7 от 20 августа 1917 г. (ЦО РСДРП(б).

[30]) «Известия ВЦИК», №№ 170, 175, 178 за 1917 г.

[31]) «Рабочий», № 3 от 27 августа 1917 г. (ЦО РСДРП(б).

[32]) Н. Я. Иванов, Из истории разгрома корниловщины, «Исторические записки», т. 28, 1949 г., стр. 18.

время стачки рабочих Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, вызвав со ст. Дно на ст. Рыбинск рабочих для замены бастующих. Узнав положение дел, приехавшие рабочие отказались работать, а общее делегатское собрание бастующих приняло гневную резолюцию протеста против провокации Викжеля[33]). В сентябре Викжель, подчинившись приказу Керенского, пытался ликвидировать вооруженные дружины железнодорожников[34]).

Между тем, вопрос о тарифе пошел избитой дорогой создания все новых и новых комиссий. 7 сентября ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Викжель и Всероссийский Совет профсоюзов образовали комиссию с целью воздействия на правительство, а железнодорожников снова призвали «дисциплинированно ждать решения вопроса»[35]). Спешно была создана правительственная комиссия во главе с министром труда Гвоздевым, которая обещала решить вопрос в короткий срок[36]). Комиссия Гвоздева значительно снизила ставки зарплаты, выработанные съездом железнодорожников. Но и эти ставки правительство отвергло. Игра в комиссии окончилась откровенным издевательством.

Терпению железнодорожников пришел конец. После отклонения ставок гвоздевской комиссии правительством с 18 сентября на Московско-Курской, Киевско-Воронежской, Самаро-Златоустовской и других дорогах рабочие приступили к созданию стачечных комитетов[37]).

Викжель потребовал роспуска стачкомов, но его распоряжениям уже не подчинялись. Внутри Викжеля под давлением масс растет число сторонников забастовки. Большевики—члены Викжеля от Московского союза рабочих и мастеровых—оказали давление на колеблющихся и выступили за организацию выступления. Под нарастающим давлением рабочих и служащих снизу Викжель принял решение об объявлении всеобщей стачки железнодорожников с 24 сентября. Напор снизу был настолько сильным, что, несмотря на запрещение ЦК партии эсеров голосовать членам своей партии за стачку, большинство эсеров в Викжеле голосовали за стачку.

Однако эсеро-меньшевистское большинство Викжеля старалось не допустить превращения экономической стачки в политическую и выставило только узко-экономические требования. При этом Викжель не провел предварительной организационной и агитационной работы на дорогах и пустил организацию стачки по стране на самотек.

В последний момент Временное правительство и поддерживающие его соглашатели пытались остановить стачку путем угроз и демагогии. В написанной рукой Керенского обещании к населению забастовка называлась «ударом в спину Родине». Бонапартист Керенский грозил железнодорожникам тем, что «министры путей сообщения, юстиции при содействии надлежащих властей примут надлежащие меры»[38]). Правительство разослало по всем линиям телеграммы, в которых заявило, что оно принимает «энергичные меры» к решению конфликта, требовало не начинать стачки, угрожало сторонникам стачки репрессиями[39]). Министр почт Никитин в телеграмме, разосланной по стране, назвал стачку корниловским выступлением и призвал население вы-

---

[33]) «Известия ВЦИК», № 175 от 19 сентября 1917 г.
[34]) «Революция 1917 г.». Хроника событий, т. IV, Л., 1924, стр. 217.
[35]) «Известия ВЦИК», № 166 от 9 сентября 1917 г.
[36]) Там же, № 169 от 13 сентября 1917 г.
[37]) Там же, № 176 от 20 сентября 1917 г.
[38]) ЦГАОР, ф. 3, оп. 1, д. 11, лл. 1—2.
[39]) Там же, ф. 5498, оп. 1, д. 93, лл. 1, 3.

ступить против железнодорожников[40]). Буржуазная пресса начала травлю сторонников стачки.

Правительству и буржуазии помогали соглашатели. Эсеро-меньшевистский ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов, эсеровский исполком Всероссийского союза крестьянских депутатов за подписью Дана и Брешко-Брешковской напечатал в газетах и разослал телеграммами по дорогам обращение, в котором уговаривал железнодорожников не бастовать, обещал новые переговоры с правительством[41]). Большинство Советов, где еще главенствовали соглашатели, выступили против стачки. (Ростовский, Новочеркасский[42]), Иркутский, Благовещенский[43]) и другие). Исполком Кавказских советов рабочих и крестьянских депутатов, ЦИК Кавказских ж. д., Кавказские областные комитеты партий меньшевиков и эсеров обратились с воззванием к железнодорожникам страны, в котором пугали рабочих «кровавой междоусобицей», угрожали, что против железнодорожников восстанет армия и население, призывали не начинать стачки[44]).

Однако так хорошо действовавшие ранее демагогические заявления и обещания на этот раз не оказали воздействия на большинство железнодорожников. Бедственное положение железнодорожников, резко выделявшееся в худшую сторону даже на общем фоне бедствий трудящихся страны, издевательство правительства, ничего не предпринявшего для улучшения жизни железнодорожников,—все это заставило их взяться за крайнее средство борьбы—всеобщую забастовку.

Как реагировало большинство железнодорожников на угрозы и обещания правительства, можно судить по ответам харьковских и псковских железнодорожников Керенскому. «Не мы, гражданин Керенский и Никитин, изменили родине,—говорится в телеграмме представителей железнодорожных комитетов Харьковского района,— а вы изменили своим идеалам, а Временное правительство—своим обещаниям, и теперь вновь нас не могут остановить никакие слова и никакие угрозы»[45]). «Изменниками родины не были с основания российских железных дорог, и не будем,—говорится в телеграмме псковских железнодорожников, разосланной по всем дорогам страны..—Изменяют те, кто заведомо ведет нас к гибели... Далее терпеть не можем и не будем...»[46]).

Большевики были единственной партией, которая в центре и на местах поддержала выступление железнодорожников.

Еще до стачки вождь партии В. И. Ленин, зорко следивший за назреванием революционного кризиса в стране, указывал на конфликт между железнодорожниками и правительством как на один из показателей этого кризиса. В статье «Слухи о заговоре» 18 августа он указывал на возможность выступления масс в Москве против правительства «... на почве безработицы, голода, железнодорожной стачки, разрухи и т. п.» и необходимость большевикам возглавить это движение с целью захвата власти[47]).

В связи с началом стачки ЦК РСДРП(б) 24 сентября принял, а

---

[40]) ЦГАОР, ф. 5498, оп. 1, д. 93, л. 15.

[41]) «Известия ВЦИК», № 180 от 24 сентября 1917 г.

[42]) «Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье». Ростов-на-Дону, 1939.

[43]) Центральный госархив РСФСР Дальнего Востока, ф. 3591, оп. 2, л. 93.

[44]) Госархив Томской области, ф. 214, оп. 55, д. 71, л. 53.

[45]) «Рабочий путь», № 20 от 22 сентября 1917 г. (ЦО РСДРП(б).

[46]) Госархив Томской области, ф. 214, оп. 55, д. 7, л. 74.

[47]) В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 228.

затем опубликовал воззвание к населению «На помощь железнодорожникам»[48]).

Стачка вспыхнула в условиях, когда силы социалистической революции и силы контрреволюции готовились к решительной схватке, когда буржуазия готовила новую корниловщину, а пролетариат—вооруженное восстание для захвата власти. В этих условиях подавление стачки, распространившейся на большинство дорог страны, могло послужить началом новой корниловщины. Поэтому ЦК РСДРП(б) призвал всех трудящихся поддержать железнодорожников и оградить их от травли и атак контрреволюции. ЦК призвал все большевистские партийные организации «немедленно приложить все усилия к тому, чтобы железнодорожники не оказались изолированными и подавленными»[49]). ЦК разоблачил перед населением правительство как виновника остановки дорог, так как оно не сумело и не желало предотвратить стачку, затягивая решение конфликта, усиливая дороговизну удвоением цен на хлеб, покровительствуя капиталистам-саботажникам.

Железнодорожников поддержали Петербургский, Московский, Уральский, Харьковский и другие комитеты РСДРП(б).

В Петрограде вопрос о стачке обсуждался 22 сентября 1917 г. в городской думе. Большевики предложили думе поддержать стачку и потребовать от правительства удовлетворения требований железнодорожников. Но голосами эсеров, меньшевиков и кадетов дума приняла решение «пригласить железнодорожников к терпению». Давая отчет об этом заседании, центральный орган РСДРП(б), газета «Рабочий путь» отмечала: «Пусть голодающие железнодорожники хорошо запомнят эти дебаты и знают, что партия рабочего класса была на стороне железнодорожников...»[50]).

Железнодорожников поддерживал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов[51]), Совет профсоюзов[52]), пролетариат всей столицы. Рабочие завода «Атлас-Петроград» заявили в резолюции солидарности: «И пусть те министры, которые заставили вас прибегнуть к всеобщей железнодорожной стачке, пусть помнят, что они заставляют прибегать к всеобщей стачке всего рабочего класса»[53]).

В Москве за поддержку стачки выступили Московский совет рабочих депутатов и профсоюзы, возглавляемые большевиками. Большевики Москвы имели большое влияние на железнодорожников. Они руководили Железнодоржным районным советом рабочих депутатов, профсоюзом рабочих Московского узла. Железнодорожный райком РСДРП(б) имел подрайонные комитеты РСДРП(б) и организовал 48 партийных ячеек на 10 дорогах Московского узла. Накануне стачки Железнодорожный районный Совет рабочих депутатов высказался за организацию стачки, а профсоюз рабочих узла оказал давление на Викжель в направлении организации стачки[54]).

Стачка железнодорожников явилась своеобразным показателем отношения Советов к рабочему движению и социалистической революции. Выше указывалось на отношение соглашательских Советов к стачке. Большевистские Советы дружно поддержали стачку. Резолюции под-

---

[48]) «Протоколы Центрального комитета РСДРП(б)» (август 1917—февраль 1918), М., 1958, стр. 69.

[49]) «Рабочий путь», № 19 от 24 сентября 1917 г.

[50]) Там же, № 19 от 24 сентября 1917 г.

[51]) Там же, № 21 от 27 сентября 1917 г.

[52]) ЦГАОР, ф. 5451, оп. 1, д. 19-а, л. 47.

[53]) «Рабочий путь», № 19 от 24 сентября 1917 г.

[54]) Из отчета Железнодорожного райкома РСДРП(б) г. Москвы. («Железнодорожники и революция», М., 1925, стр. 105.).

держки стачки вынесли Петроградский, Московский, Иваново-Вознесенский, Шуйский, Луганский, Краматорский, Саратовский, Царицынский, Самарский, Екатеринбургский, Красноярский и многие другие Советы. Шуйский Совет призвал рабочих в день стачки собраться на митинг под лозунгом «Долой войну! Вся власть Советам!»[55]). Краматорский Совет заявил: «Мы присоединяемся к забастовке, требуем всеобщую забастовку и требуем всю власть Советам»[56]). Канавинский Совет (Нижегородская губерния) от имени 25000 рабочих потребовал немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и перехода власти в руки Советов[57]).

Дружная поддержка большинством Советов страны стачки и выставление ими в резолюциях солидарности требования перехода власти в руки Советов означали, что стачка переросла узко-экономические рамки, определенные Викжелем, и превратилась объективно в политическую под лозунгом борьбы за власть Советов.

Сложная обстановка возникла на Томской железной дороге.

22 сентября в Томске, где находилось управление дороги и линейный комитет профсоюза железнодорожников всей дороги, состоялось заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов и линейного комитета. По предложению большевиков, влияние которых в Совете солдатских депутатов было преобладающим, было принято решение о поддержке стачки. Одновременно в решении указывалось, что «только переход всей власти в руки Советов может избавить Россию от ужасных последствий теперешней политики коалиционного министерства»[58]).

В изданной по инициативе большевиков листовке население Томска и губернии призывалось к поддержке железнодорожников. Листовка разоблачала налоговую политику правительства, охранявшую прибыли капитала и поставившую железнодорожников «в невыносимое положение»[59]). Таким образом, томские большевики через Совет рабочих и солдатских депутатов оказали моральную поддержку бастующим железнодорожникам.

Однако созданный в г. Томске главный стачком дороги оказался в руках соглашателей. Это произошло потому, что он, в основном, состоял из членов линейного комитета. Этот комитет был избран на I съезде профсоюза рабочих и служащих дороги еще в июне 1917 г. и находился под влиянием соглашателей; из 9 членов комитета только 1 был большевиком[60]). Фактически центром организации стачки на Томской ж. д. под большевистскими лозунгами стал г. Красноярск, где участковый комитет профсоюза железнодорожников с момента его образования (июнь 1917 г.) возглавляли большевики[61]).

22 сентября 1917 г. участковый комитет созвал совещание из представителей профсоюза железнодорожников, политических партий (большевиков, меньшевиков и эсеров), Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов (всего 77 человек). 73 голосами совещание осудило

---

[55]) «1917 год в Иваново-Вознесенском районе» (Хроника событий), Иваново-Вознесенск, 1927, стр. 220.

[56]) «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции на Украине» (Сборник документов), Киев, 1955, стр. 724—725.

[57]) «Интернационал», № 34 от 29 сентября 1917 г. (орган Нижегородского комитета РСДРП(б).

[58]) «Борьба за власть Советов в Томской губернии» (сборник документальных материалов), Томск, 1957, стр. 124.

[59]) ЦГАОР, ф. 5998, оп. 1, д. 94, л. 27.

[60]) «Красноярский рабочий», № 174 от 20 октября 1917 г.

[61]) См. «Сибирскую правду», № 10 от 11 июня 1917 г.

односторонность лозунгов стачки, выдвинутых Викжелем, и решило объявить главным лозунгом стачки политическое требование перехода власти в руки Советов[62]). В этот же день Красноярский Совет рабочих и солдатских депутатов обсудил и одобрил это решение. Совет решил оказать широкое содействие в организации стачки, издать воззвание к населению о причинах стачки и политических требованиях красноярских железнодорожников, учредить во время стачки контроль на городском телеграфе, принять меры к охране железной дороги[63]).

23 сентября был создан участковый стачечный комитет, которым безраздельно руководили большевики (председатель стачкома Бельбатов, товарищ председателя А. Рогов). В работе стачкома приняли участие председатель исполкома Красноярского Совета А. Окулов, председатель солдатской секции Совета С. Лазо и другие большевики.

Стачком установил контроль за телеграфом на ст. Красноярск, привлек Красную гвардию для охраны дороги и мастерских, послал комиссаров на соседние участки дороги, установил контроль за работой тех цехов, складов и служб, которые по плану стачки продолжали работу[64]). Отдельной листовкой было издано обращение к населению, в котором разъяснялась необходимость превращения экономической стачки в политическую под лозунгом «Вся власть Советам!»[65]).

По инициативе Красноярского комитета РСДРП(б) в городе и губернии была организована кампания поддержки стачки и ее лозунгов рабочими и солдатами. 22 сентября общее собрание рабочих-металлистов присоединилось к стачке и ее лозунгам[66]). 23 сентября на шеститысячном митинге рабочих и солдат г. Красноярска была принята резолюция солидарности. Эта резолюция была также принята накануне по предложению С. Лазо на трехтысячном митинге солдат Красноярского гарнизона[67]).

Во время стачки Губернский исполком Советов послал в распоряжение стачкома солдат-агитаторов, помог в организации охраны дороги, принял меры против агитации правых эсеров. Так, 25 сентября Исполком запретил посылку телефонограмм партии правых эсеров в части гарнизона о беседах, направленных против стачки. Эти беседы эсеры предлагали организовать в клубе партии и частях гарнизона[68]).

Однако главный стачком дороги отказался поддержать инициативу красноярцев—развернуть борьбу за превращение экономической стачки в политическую. Из 7 представителей профсоюзов железнодорожников в Исполнительном бюро стачкома только двое проголосовали за это требование (представители от ст. Красноярск и от ст. Иланская). За это требование проголосовали также представитель в стачкоме от Томского Совета рабочих и солдатских депутатов[69]). Соглашательское большинство главного стачкома, действуя в контакте с администрацией дороги, ограничило лозунги стачки экономическими требованиями и пустило стачку на самотек.

Это явилось одной из причин разнобоя в организации стачки. Если большинство станций (Ново-Николаевск, Тайга, Томск, Боготол, Красноярск, Иланская, Канск, Чернореченская и другие)[70]) присоединились

---

[62]) «Известия Красноярского Совета», № 150 от 26 сентября 1917 г.
[63]) Госархив Красноярского края, ф. 258, оп. 1, д. 7, л. 66.
[64]) «Известия Красноярского Совета», № 150 от 26 сентября 1917 г.
[65]) «За власть Советов». (Сборник документов), Красноярск, 1957, стр. 186—188.
[66]) «Красноярский рабочий», № 154 от 24 сентября 1917 г.
[67]) «Известия Красноярского Совета», № 150 от 26 сентября 1917 г.
[68]) Госархив Красноярского края, ф. 258, оп. 1, д. 3, л. 68.
[69]) «Красноярский рабочий», № 173 от 18 октября 1917 г.
[70]) «Известия Красноярского Совета», № 151 от 28 сентября 1917 г.

к стачке, то часть станций отказалась бастовать. На близлежащих к г. Иркутску станциях дороги (Нижнеудинск, Тайшет, Зима, Инокентьевская) эсерам и меньшевикам из Иркутского соглашательского Совета удалось путем демагогии и угроз карательными экспедициями сорвать стачку[71]). В кампании по срыву стачки особенно активное участие приняли комиссар Временного правительства по Иркутской губернии, а также комиссар труда Третьяк[72]). Ярым противником стачки выступил Красноярский отдел профсоюза инженеров и техников путей сообщения, который в резолюции, принятой на общем собрании 25 сентября, заявил, что он «категорически осуждает забастовку и готов приложить все силы на ликвидацию ее»[73]).

Красноярский стачком в ответ на штрейкбрехерские действия правых эсеров и меньшевиков пытался через телеграф подтолкнуть главный стачком дороги на более активные действия, но безрезультатно[74]). Тогда, опираясь на решение трехтысячного собрания красноярских железнодорожников, Красноярский участковый стачком взял функции стачкома дороги на себя и разослал своих представителей по участкам дороги[75]).

Стачком обратился через телеграф к рабочим дорог страны, а также к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов и руководящим органам профсоюзов столицы и провинции с просьбой поддержать требование красноярцев о превращении экономической стачки в политическую[76]), заклеймил через печать и в телеграммах, разосланных по всем дорогам страны, соглашателей из Исполкома профсоюза Кавказских железных дорог как «дезорганизаторов и врагов революции», осудил действия сторонников срыва стачки на станциях Нижнеудинск, Зима, Инокентьевская как штрейкбрехерские[77]).

Однако превратить экономическую стачку в политическую по всей дороге, несмотря на энергичные действия Красноярского стачкома, не удалось. Этому помешали пассивность главного стачкома, штрейкбрехерские действия иркутских соглашателей, а также скоротечность стачки.

Но выставление красноярскими большевиками требования перехода власти в руки Советов как лозунга стачки и их энергичные действия сыграли большую роль в политическом воспитании рабочих. По определению Н. Н. Яковлева—председателя Томского Совета солдатских депутатов, одного из выдающихся борцов за социалистическую революцию в Сибири—действия красноярских железнодорожников сыграли роль большой политической демонстрации[78]).

Бездеятельность эсеро-меньшевистских линейных комитетов по организации и проведению стачки была характерна не только для Томской железной дороги. Комитет Полесской дороги отказался примкнуть к стачке, на многих участках Кавказских дорог стачка была сорвана, а ЦИК Закавказских дорог через телеграф пытался призвать железнодорожников страны отказаться от стачки[79]).

Под давлением соглашательского Благовещенского совета ЦК же-

---

[71]) «Известия Красноярского Совета», №№ 151 и 153 от 28 и 30 сентября 1917 г.
[72]) «Красноярский рабочий», № 173 от 18 октября 1917 г.
[73]) Госархив Красноярского края, ф. 254, оп. 1, д. 3, л. 331.
[74]) Госархив Томской области, ф. 214, оп. 55, д. 7, л. 74.
[75]) «Известия Красноярского Совета», № 150 от 26 сентября 1917 г.
[76]) Там же, № 151 от 28 сентября 1917 г.
[77]) Там же, № 152 от 29 сентября 1917 г.
[78]) Госархив Красноярского края, ф. 258, оп. 1, д. 99, л. 486.
[79]) Госархив Томской области, ф. 214, оп. 55, д. 7, л. 53.

лезнодорожников Амурской дороги отменил свое уже принятое решение о присоединении к стачке, заявил о самороспуске и передал свои полномочия участковым комитетам[80]).

«Рыцарь на час», Викжель, под давлением масс на 2-й день стачки капитулировал перед правительством и 26 сентября отдал распоряжение о прекращении стачки. О капитулянстве Викжеля свидетельствуют те ставки зарплаты, которые он согласился принять. Если I съезд железнодорожников требовал установить зарплату 1 категории железнодорожников (чернорабочие и др.) мужчинам 75 руб., женщинам 50 руб., плюс доплата на дороговизну от 80 до 210 рублей (в зависимости от пояса дороговизны жизни), то Викжель согласился на ставки для этой категории мужчинам 60 рублей, женщинам 40 рублей плюс доплата на дороговизну от 40 до 100 руб.[81]).

Новые ставки ничего не дали низкооплачиваемым категориям железнодорожников[82]). Так, в Петрограде с 1 по 5 категориям железнодорожников (в основном пролетарская прослойка) зарплата была понижена; с 6 по 8 осталась прежней и лишь с 10 по 14 (административный и инженерно-технический персонал) увеличена.

Обещание правительства снабжать железнодорожников одеждой и продуктами питания из армейских интендантских складов было фикцией. Интендантство, не справлявшееся со снабжением армии, могло выделить железнодорожникам лишь жалкие крохи.

Неразрешенность конфликта, капитулянтство Викжеля и многих линейных комитетов в согласии с меньшевиками и эсерами вызвали новый взрыв возмущения железнодорожников. На некоторых дорогах вновь вспыхнули стачки (в конце сентября и начале октября бастовали рабочие Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, в октябре—чернорабочие всей железнодорожной сети Финляндии)[83]).

С протестом против новых ставок зарплаты и требованием продолжения борьбы выступили в начале октября 10000 харьковских железнодорожников[84]), екатеринбургские железнодорожники[85]) и рабочие и служащие других дорог.

Результаты стачки, последовательная защита интересов железнодорожников большевиками и их агитация во время стачки и после нее, обстановка общего революционного подъема в стране ускорили большевизацию пролетарских и полупролетарских слоев железнодорожников.

На Урале, как отмечала большевистская газета «Уральский рабочий», стачка раскрыла глаза многим железнодорожникам на политику правительства и соглашателей. «В ряды нашей партии,—сообщалось в газете,—вступают не только беспартийные, но и ярые эсеры: в том числе и недавние лидеры ж. д. эсеров»[86]).

Вятские железнодорожники, находившиеся раньше под влиянием эсеров, после стачки, 5 октября, приняли большевистскую резолюцию об империалистической войне и Временном правительстве[87]). Даже комитет Пермской железной дороги, состоявший в большинстве из эсе-

---

[80]) Центральный госархив РСФСР Дальнего Востока, ф. 3591, оп. 2, д. 1, лл. 88 90, 93—95.

[81]) ЦГАОР, ф. 5498, оп. 1, д. 80, лл. 69—70; «Известия ВЦИК», № 181 от 26 сентября 1917 г.

[82]) Железнодорожники страны по квалификации, занимаемым должностям и уровню заработной платы были разбиты на 14 категорий.

[83]) «Рабочий путь», № 37 от 15 октября 1917 г.

[84]) «Известия Юга», № 180 от 13 октября 1917 г.

[85]) «Уральский рабочий», № 12 от 1 октября 1917 г.

[86]) Там же, № 12 от 1 октября 1917 г.

[87]) Там же, № 19 от 18 октября 1917 г.

ров и меньшевиков, под давлением общего настроения рабочих заявил о поддержке лозунга «Вся власть Советам!»[88]).

На Томской железной дороге большевики использовали результаты стачки для разоблачения соглашателей и для подготовки и проведения 2-го съезда профсоюза рабочих и служащих дороги под большевистскими лозунгами. Красноярский комитет РСДРП(б) и участковый комитет железнодорожников в октябре месяце послали агитаторов по линии. Агитаторы-большевики (Я. Боград, А. Померанцева, Староверов и др.) провели агитацию среди железнодорожников станций Тайга, Тайшет, Нижнеудинск, Зима, Инокентьевская и др.[89]).

О переходе большинства рабочих и служащих дороги на сторону большевиков свидетельствуют выборы делегатов на II съезд профсоюза дороги и результаты этого съезда, работавшего 25—27 октября 1917 г. В Красноярске из 25 избранных делегатов 20 были большевиками, в Ачинске большинство делегатов также были большевиками; железнодорожники ст. Тайга избрали 2 большевиков и 3 левых эсеров[90]) (на I съезд были избраны меньшевики и эсеры); в Томске победил список левого блока (3 большевика, 1 левый эсер, 1 беспартийный)[91]). Съезд прошел под большевистскими лозунгами, высказался за переход власти в руки Советов. Из 15 мест во вновь избранном линейном комитете дороги 9 мест принадлежало большевикам[92]).

Ускорение процесса большевизации железнодорожников было характерно и для других дорог.

Забастовка вызвала большие трения внутри Всероссийского союза железнодорожников. Как отмечалось в информационном письме № 3 за 1917 г. Всероссийского совета профсоюзов, в результате стачки и введения нового тарифа «рабочие и мастеровые, паровозные бригады и ряд других категорий поднимали вопрос, оставаться или нет в Викжеле»[93]). Так, правление профсоюза паровозных бригад 28 сентября в письме в ВСПС ставило вопрос о выходе из Викжеля и вхождении в ВСПС.[94]).

Брожение внутри Всероссийского профсоюза железнодорожников, вызванное капитулянтством Викжеля, привело к созданию в Москве оргбюро из представителей Союза железнодорожных рабочих Московского узла, Союза Петроградского узла, Викжель и ВСПС с целью организации конференции рабочих и мастеровых железных дорог всей страны[95]). Оргбюро подготовило конференцию, которая состоялась в декабре 1917 г. Она прошла под большевистскими лозунгами, организовала большевистское ядро на II Всероссийском съезде железнодорожников и подготовила почву для создания действительно рабочего большевистского Всероссийского профсоюза железнодорожников.

Таким образом, всеобщая стачка железнодорожников, явившаяся одним из показателей назревшего революционного кризиса осенью 1917 г., ускорила большевизацию профсоюзов железнодорожников, внесла разложение в полугосударственный профсоюз и помогла политическому размежеванию железнодорожников.

---

[88]) ЦГАОР, ф. 6, оп. 2, д. 358, л. 14.
[89]) «Красноярский рабочий», №№ 173 и 181 от 18 и 28 октября 1917 г.
[90]) Там же, № 177 от 24 октября 1917 г.
[91]) Там же, № 179 от 26 октября 1917 г.
[92]) Там же, № 213 от 8 декабря 1917 г. I съезд, состоявшийся в июне 1917 г., прошел под лозунгами соглашательской политики меньшевиков и эсеров. См. «Сибирская правда», № 13 от 25 июня 1917 г.
[93]) ЦГАОР, ф. 5451, оп. 1, д. 34, л. 19.
[94]) Там же, д. 118, л. 2.
[95]) Там же, д. 34, л. 20.

В. И. Ленин, анализируя этот процесс, указывал в «Письме к товарищам» 17 октября, что жизнь почтово-телеграфного и железнодорожного союза в это время характеризовалась «... выделением пролетарских элементов массы от мелкобуржуазных и буржуазных верхов...»[96]). Вывод В. И. Ленина подтверждается не только вышеуказанными фактами, но и заявлением самого Викжеля, который в октябрьские дни вынужден был признать, что «мастерские почти сплошь настроены большевистски»[97]).

В. И. Ленин, имея в виду недовольство низкооплачиваемых пролетарских слоев железнодорожников новым тарифом и капитулянтством Викжеля, указывал на это недовольство как на благоприятное условие для взятия власти рабочим классом.

Зиновьев и Каменев против взятия власти пролетариатом выставляли факт наличия во главе железнодорожников соглашательского Викжеля, доказывали, что у большевиков нет связи с железнодорожниками.

Опровергая этот довод, В. И. Ленин писал: «Дело вовсе не в том, чтобы обязательно запастись заранее «связями» с тем или иным союзом, дело в том, что только победа пролетарского и крестьянского восстания может удовлетворить массы в армиях железнодорожников и почтово-телеграфных служащих»[98]). Так оценивал вождь Коммунистической партии значение движения железнодорожников для победы социалистической революции.

Всеобщая стачка и движение железнодорожников после стачки, охватившие большинство железнодорожников страны, способствовали дезорганизации правительственного аппарата, усилили растерянность и колебания правящих верхов и этим облегчали борьбу пролетариата за политическую власть.

Итак, всеобщая сентябрьская стачка железнодорожников была одной из самых массовых стачек пролетариата 1917 года. Вместе с другими событиями и факторами она была показателем назревшего общего революционного кризиса осени 1917 г. Стачка вызвала широкий отклик в стране, способствовала усилению общего революционного накала настроений и действий трудящихся, так как бедственное положение и требования железнодорожников были понятны и близки широким слоям народа.

Большевики умело использовали стачку для разоблачения Временного правительства, соглашательской политики меньшевиков и эсеров, для усиления борьбы пролетариата за свержение власти буржуазии. Стачка ускорила большевизацию железнодорожников, политическое размежевание пролетарских слоев от мелкобуржуазных и буржуазных верхов внутри Всероссийского профсоюза железнодорожников и переход пролетарских слоев на сторону социалистической революции.

Стачка и ее последствия усилили колебания и растерянность правящих верхов, способствовали созданию благоприятной обстановки для победы Октябрьской социалистической революции.

---

[96]) В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 176.
[97]) ЦГАОР, ф. 5451, оп. 1, д. 119, л. 9.
[98]) В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 176.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Б. В. ИВАНОВ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА

В подготовке социалистического преобразования сельского хозяйства страны особую роль занимает сельскохозяйственная кооперация. Развитие сельскохозяйственной кооперации, объединявшей крестьян на основе их хозяйственной деятельности, было важнейшим звеном в строительстве социализма в деревне.

В условиях товарного производства сельскохозяйственная кооперация, обобществляя рыночные связи деревни по сбыту сельскохозяйственной продукции и приобретению орудий и машин, объединяя функции обращения крестьянских хозяйств, экономически подготовляла обобществление производственных процессов сельского хозяйства. Коммунистическая партия и Советское государство через систему сельскохозяйственной кооперации подчиняли развитие мелкотоварного производства единоличного крестьянского хозяйства интересам построения социализма.

Различные формы сельскохозяйственной кооперации, объединяя крестьян вначале в сфере товарооборота, на почве удовлетворения производственных потребностей единоличных хозяйств (сбыт продукции, организации кредитования, снабжения орудиями и средствами производства), а затем и в области производства (совместная переработка продукции единоличных хозяйств, общий труд, совместное использование тракторов и сельскохозяйственных машин и т. п.), служили теми переходными организационно-хозяйственными ступенями, которые прошло советское крестьянство на пути к колхозам.

Значение сельскохозяйственной кооперации возрастало еще и потому, что она обслуживала не только своих членов, но и всю деревню в целом. Все организованное кредитование крестьянских хозяйств проходило через систему сельскохозяйственной кредитной кооперации. Она играла ведущую роль и в снабжении деревни средствами производства.

Если в центральной России, а также в Сибири выделение сельскохозяйственной кооперации в самостоятельную систему произошло в конце 1921 года по декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 16 августа 1921 года, то на Дальнем Востоке, сельскохозяйственная кооперация выделилась из системы потребительской кооперации только в конце 1924 года. Причиной этого было общее отставание советского строительства на Дальнем Востоке, в силу затянувшейся до ноября 1922 года гражданской войны и интервенции.

Выделение сельскохозяйственной кооперации из системы потребительской на Дальнем Востоке началось после решения XIII съезда партии «О разграничении функций потребительской и производственной кооперации» и постановления СНК СССР от 22 июля 1924 года

«О возврате имущества сельскохозяйственной, промысловой и кредитной кооперации». Необходимость строительства самостоятельной системы сельскохозяйственной кооперации на Дальнем Востоке вытекала из ее роста и укрепления. Положение секций и отделений внутри потребительской кооперации уже служило тормозом в развитии сельскохозяйственной кооперации Дальнего Востока.

В октябре-ноябре 1924 года в Дальневосточной области создаются районные союзы сельскохозяйственной кредитной и промысловой кооперации (райсельсоюзы)—Приморский, Амурский и Забайкальский. В конце декабря райсельсоюзы объединились в одном кооперативном центре—Дальневосточном областном союзе сельскохозяйственной кредитной и промысловой кооперации—Дальсельсоюзе[1]).

Состояние сети сельскохозяйственной кооперации к моменту возникновения Дальсельсоюза отражает табл. 1[2]).

Таблица 1

Губернии	В количестве		Кооперированных хозяйств (в процентах)
	кооперативов	членов	
Приморская	187	10582	12,9
Амурская	131	14207	27,2
Забайкальская	133	11180	13,7
Всего по ДВО	451	35969	16,7

В 1925 году сельскохозяйственная кооперация Дальнего Востока главные свои силы сосредотачивала на организации и укреплении хозяйственной работы существующих кооперативов. Однако в это же время шел рост и самой сети сельскохозяйственной кооперации. Рост сельскохозяйственной кооперации ДВО к первому октября 1925 года показывает табл. 2[3]).

Таблица 2

Губернии	В количестве		Кооперированных хозяйств (в процентах)
	кооперативов	членов	
Приморская	267	22326	27,0
Амурская	142	20714	40,0
Забайкальская	160	21405	26,0
Всего по ДВО	569	64445	29,0

Таким образом, менее чем за год общая сеть сельскохозяйственных кооперативов Дальнего Востока выросла на 118 единиц. Число членов выросло на 28 476, а кооперированность крестьянских хозяйств увеличилась с 16,7 до 29,0 процентов.

[1]) Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока, (ЦГАДВ), ф. 2434, оп. 1, д. 4, л. 188.
[2]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 19, л. 72.
[3]) Там же, д. 4, л. 188.

В число 569 кооперативов на 1 октября 1925 года входили:

1) колхозы (земледельческие артели, коммуны, товарищества по совместной обработке земли)—231 с 5680 членами;

2) кредитные и сельскохозяйственные кредитные товарищества—151 с 47964 членами;

3) товарищества по переработке сельскохозяйственных продуктов (маслобойные, мельничные, маслодельные)—92 с 8593 членами;

4) производственно-подсобные (пчеловодные, машинные, мелиоративные, животноводческие)—95 с 2208 членами[4]).

Приведенные данные показывают, что количественно первое место среди различных форм сельскохозяйственной кооперации занимали колхозы—40,6 процента, но по числу членов первое место занимали сельскохозяйственные кредитные кооперативы (более 60 процентов всех членов).

В числе колхозов было 178 земледельческих артелей, 38 сельскохозяйственных коммун и 15 товариществ по совместной обработке земли[5]).

Преобладание земледельческих артелей показывает, что уже в ранней стадии колхозного строительства артель являлась наиболее понятной и доступной формой производственного кооперирования крестьянских хозяйств.

Начав свою деятельность с ничтожными материальными ресурсами, при отсутствии опыта, сельскохозяйственная кооперация ДВО к концу 1925 года достигла значительных результатов. Была создана прочная база в лице союзных объединений и большой сети первичных кооперативных ячеек. В отчете Дальсельсоюза отмечалось, что сельскохозяйственные кооперативы «... в значительной мере охватили сбыт продукции сельского хозяйства и промыслов и снабдили кооперированное население потребным ему хозяйственным инвентарем»[6]).

Руководя работой райсельсоюзов и низовых кооперативов, Дальсельсоюз обращал внимание правлений кооперативов на необходимость чуткого подхода к крестьянству.

В циркулярном письме кооперативным организациям ДВО «Задачи строительства сельскохозяйственной кооперации» (октябрь 1925 г.)[7]) правление Дальсельсоюза указывало, что главное в работе сельскохозяйственного кооператива—добиться к нему полного доверия крестьянства. Не надо забывать, напоминалось в письме, что крестьянин, вступая в сельскохозяйственный кооператив, участвует в нем не только паем, но и большей частью всем своим хозяйством. Сельскохозяйственному кооперативу он вверяет в виде вкладов свои сбережения, доверяет сбыт продукции своего хозяйства. В письме подчеркивалось, что достигнуть доверия крестьянина к кооперативу можно только при условии, если он будет чувствовать себя хозяином своего кооператива, будет вполне доверять его руководителям. Правление Дальсельсоюза категорически указывало, что участие в сельскохозяйственном кооперативе должно быть совершенно добровольным и органы управления сельскохозяйственного кооператива должны выбираться самими членами кооператива.

В 1926 году развитие сельскохозяйственной кооперации Дальневосточного края проходило под знаком организационного укрепления

---

[4]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 4, л. 188.
[5]) Там же, д. 4, л. 190.
[6]) Там же, д. 4, л. 222.
[7]) Там же, д. 12, л. 9.

и развертывания кооперативной работы по сбыту сельскохозяйственной продукции и производственному снабжению деревни.

Состояние сельскохозяйственной кооперации ДВК к октябрю 1926 года отражает табл. 3.[8]).

Таблица 3

Организации	Количество		Кооперированные хозяйства (в процентах)
	кооперативов	членов	
Приморский райсельсоюз	333	20422	33,6
Амурсельсоюз	185	30345	51,0
Забайкальский райсельсоюз	160	28915	37,2
Хабаровское отд.	51	8845	47,4
Итого по ДВК	729	88527	42,3

К концу 1926 года в общем товарном обороте края Дальневосточная сельскохозяйственная кооперация занимала следующее место: по хлебофуражу—32 процента, по мясу—31,7 процента, пушнине—13,2 процента, меду—18,2 процента и маслу—80 процентов. По снабженческим операциям сельскохозяйственными машинами кооперативная система охватывала 30 процентов оборота[9]).

Таким образом, итоги двухлетней работы сельскохозяйственной кооперации Дальневосточного края показали ее жизненную силу в деле вовлечения крестьянского хозяйства в русло строительства социализма на селе. В среднем процент кооперированности крестьянских хозяйств системой сельскохозяйственной кооперации Дальнего Востока был значительно выше, чем средняя цифра кооперированности крестьянских хозяйств по СССР[10]).

Одним из важнейших вопросов борьбы Коммунистической партии и Советского государства за осуществление ленинского кооперативного плана был вопрос о классовой направленности работы советской кооперации вообще и сельскохозяйственной в особенности.

Основными условиями возникновения и деятельности советской кооперации, кооперации качественно нового типа, явились, во-первых, наличие диктатуры пролетариата, экономическая поддержка кооперации и руководство ее работой со стороны Коммунистической партии и Советского государства. Вторым условием было образование социалистического сектора в крупной промышленности — ведущей отрасли народного хозяйства страны. Наконец, третьей основой социалистической направленности работы кооперации был бедняцко-середняцкий состав ее членов, ибо социальный состав всякой организации является одним из основных факторов, определяющих классовый характер и классовую направленность ее работы.

Коммунистическая партия ставила перед советской кооперацией задачу кооперирования бедняцко-середняцкой массы деревни. Советская кооперация оказывала экономическую помощь в первую очередь бедняцким и середняцким хозяйствам, избавляла их от кабальной эксплуа-

---

[8]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 65, л. 33.
[9]) Там же, лл. 35, 36.
[10]) Там же, оп. 3, д. 24, л. 82.

тации со стороны деревенского кулака, ростовщика и частного посредника-скупщика, давала им возможность укрепить и развивать свое хозяйство. Сельскохозяйственная кооперация была, таким образом, одним из важнейших рычагов регулирования Советским государством социальных процессов в деревне переходного периода.

Основные принципы регулирования социального состава сельскохозяйственной кооперации и обеспечения классовой направленности ее работы были разработаны в решениях XIV партийной конференции. «Для обеспечения же руководящего влияния в кооперации за большинством крестьянства,—говорилось в резолюции «О кооперации»,—кооперативные организации всех видов должны внести в свои уставы ограничения, гарантирующие недопущение в правления обществ явно кулацких элементов.

Работа партии и всякого рода организаций бедноты и середняков (комитеты взаимопомощи и т. п.) должна вестись в таком направлении, чтобы обеспечить интересы маломощных и середняцких слоев населения»[11]).

Центральный комитет партии в постановлении «О сельскохозяйственной кооперации» от 19 августа 1926 года особенно подчеркнул первостепенную важность задачи обеспечения бедняцко-середняцкого социального состава кооперативных организаций, конкретно указав пути и меры решения этой задачи. Парторганизации, работавшие в системе сельскохозяйственной кооперации, обязывались этим постановлением «со всем вниманием следить за социальным составом кооперации и ее кадров, за изменением этого состава и в особенности за хозяйственным удельным весом различных слоев крестьянства в работе кооперации и за динамикой этого удельного веса, в целях регулирования этих процессов в соответствии с задачей партии в деревне»[12]).

Постановление ЦК ВКП(б) от 19 августа 1926 года послужило программой борьбы за коренное улучшение всей работы сельскохозяйственной кооперации и прежде всего за усиление кооперирования и хозяйственного обслуживания бедняцко-середняцких масс крестьянства.

Систематическая работа по кооперированию бедноты и оказанию ей материальной помощи системой сельскохозяйственной кооперации начала практически проводиться на Дальнем Востоке в 1925 году, т. е. в первый год образования сельскохозяйственной кооперации.

Основными мероприятиями в области кооперирования бедноты было предоставление ей сельскохозяйственными кооперативами рассрочки при внесении паевого взноса от 6 до 12 месяцев.

К 1927 году из 110160 бедняцких хозяйств было кооперировано 53207 хозяйств[13]).

Табл. 4 показывает кооперирование крестьянского населения по группам к середине 1927 года[14]).

Таблица 4

Группы	Распределение всех хозяйств в 1924/25 году (в процентах)	Из них кооперировано к средине 1927 г. (в %)
Бедняков	51	48,3
Середняков	39,7	51,1
Зажиточных	9,3	40,5

[11]) «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, изд. 7, стр. 27.
[12]) «Известия ЦК ВКП(б)», № 35—36 (156—157), 1926 г., стр. 3.
[13]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 114, л. 223.
[14]) Там же.

Наличие 40 процентов всего кулачества Дальнего Востока в сельскохозяйственной кооперации нисколько не противоречило решениям партии. Обеспечивая подавляющее большинство в составе и руководстве сельскохозяйственной кооперации за бедняками и середняками, Коммунистическая партия и Советское государство стремились использовать сельскохозяйственную кооперацию и как форму контроля и регулирования как мелкого сельскохозяйственного производства, так и товарного оборота в стране. Именно это имела в виду XIV партконференция, которая постановила: «В целях наибольшего охвата со стороны кооперации всех процессов хозяйственной жизни деревни необходимо предоставить всем слоям населения, занимающимся сельским хозяйством, право участия в кооперации»[15]).

В целях расширения работы по кооперированию бедноты в 1926 году во время проведения отчетно-перевыборных собраний по сельскохозяйственным кредитным товариществам была проведена впервые на Дальнем Востоке кампания по созданию фонда кооперирования бедноты путем отчисления 5—10 процентов из полученных кооперативами прибылей.

Немаловажную роль в деле привлечения бедноты в сельскохозяйственную кооперацию играл фонд кредитования бедноты. В начале 1926 года Дальсельсоюз поставил перед Далькрайисполкомом вопрос об ассигновании средств в фонд кредитования бедноты по бюджету. В марте 1926 года средства эти были отпущены Дальсельбанку в размере 150 тысяч рублей. Уже на 1 октября 1926 года фонд кредитования бедноты составлял 276 112 рублей, а на 1 октября 1927 года он увеличился до 378954 рублей. К этому времени из общей суммы фонда было раскредитовано бедноте 309731 рубль, или 81,9 процента[16]). Фонды кооперирования и кредитования бедноты усиливали вовлечение бедняцких и маломощных хозяйств в члены сельскохозяйственной кооперации, укрепляли ее бедняцко-середняцкий состав.

Кроме денежной помощи сельскохозяйственная кооперация Дальневосточного края оказывала бедноте и материальную поддержку. Благодаря предоставлению льгот по товарам снабжения, только в одном 1925/26 хозяйственном году беднота получила 27 тракторов и семенного зерна на сумму 112600 рублей[17]).

За 1926/27 хозяйственный год стоимость снабженческих товаров, выданных по льготам бедноте, достигла свыше 350000 рублей[18]).

Из других мер, проводимых райсельсоюзами и низовыми кооперативами Дальнего Востока в оказании помощи бедноте, необходимо отметить: а) первоочередность снабжения средствами производства; б) льготное и внеочередное обслуживание бедняцких хозяйств агрикультурными, производственными предприятиями; в) предоставление бедноте подсобных заработков.

Большая работа проводилась партийными и советскими органами Дальнего Востока в период отчетно-выборных кампаний сельскохозяйственной кооперации по укреплению правлений и ревизионных комиссий бедняцко-середняцким составом.

Например, перевыборы правления и ревизионных комиссий, проходившие в конце 1926—начале 1927 года, дали по ДВК следующие результаты. В органы управления и контроля вошло бедняков—43 процента, середняков — 47, зажиточных — 10 процентов[19]). В выборах

[15]) «КПСС в резолюциях и решениях...», ч. II, изд. 7, стр. 27.
[16]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 114, л. 225.
[17]) Там же, л. 226.
[18]) Там же, л. 226.
[19]) Там же, л. 227.

в органы управления и контроля сельскохозяйственных кооперативов, проходивших в конце 1925 года, прошло бедняков—52 процента, середняков—27 процентов, зажиточных—21 процент[20]).

Как видно, блок бедняков и середняков на выборах 1926 года был подавляющим. Из 98 кооперативов, в правления которых было выбрано 313 человек, беспартийных было 251 (80,2 процента), членов и кандидатов ВКП(б)—55 или 17,6 процента и членов ВЛКСМ—7 или 2,2 процента[21]).

Таким образом, обеспечение и укрепление бедняцко-середняцкого состава членов кооперации как важнейшего условия социалистической направленности всей ее работы явились одной из основных задач Коммунистической партии при подготовке преобразования деревни.

Высокая степень кооперирования кредитных и снабженческо-сбытовых операций крестьянских хозяйств сельскохозяйственной кооперацией в конце восстановительного периода явилась важнейшей экономической предпосылкой обобществления орудий и средств сельскохозяйственного производства, коллективизации единоличных хозяйств.

Успехи кооперирования крестьян в сельскохозяйственной кооперации к концу восстановительного периода послужили той основой, на которой росло и развивалось колхозное строительство.

Учитывая это, ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О сельскохозяйственной кооперации» от 19 августа 1926 года указывал: «Обращая особое внимание на необходимость усиления работы по обслуживанию бедняцких хозяйств всеми видами кооперации, в частности сельскохозяйственной кредитной, ЦК считает важнейшей задачей в этой области усиление работы по производственному кооперированию и коллективизации беднейших хозяйств в особенности, простейших объединений (машинные, тракторные товарищества, товарищества по общественной обработке земли, артели и т. п.)»[22]).

16 марта 1927 года ВЦИК и СНК СССР издали постановление «О коллективных хозяйствах». Это постановление внесло в коллективное строительство систему и определенные методы.

Строительство колхозов (коммун, сельскохозяйственных артелей и товариществ по совместной обработке земли) на Дальнем Востоке имеет свою историю и началось еще в 1918 году. Организационно колхозы входили в систему сельскохозяйственной кооперации и ею обслуживались. В 1927 году в Дальневосточном крае насчитывалось уже 350 колхозов, которые объединяли свыше 5000 крестьянских хозяйств[23]).

В строительстве колхозов наряду с определенными достижениями имелся и ряд недостатков. В общем они сводились к недостаточному организационному и агрономическому обслуживанию колхозов со стороны сельскохозяйственной кооперации и земорганов, слабому охвату их хозяйственной работы, к неудовлетворительному состоянию их землеустройства, к недостаточному кредитованию и целому ряду организационных недочетов: слабой постановке учета хозяйства и результатов труда и распределения, слабой заинтересованности членов в повышении производительности труда.

Постановление ВЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 года вело к устранению этих недостатков.

Во исполнение этого постановления правление Дальсельсоюза разослало кооперативным организациям Дальнего Востока циркуляр-

[20]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 50, л. 314.
[21]) Там же, л. 313.
[22]) «Известия ЦК ВКП(б)», № 35—36 (156—157), 1926 г., стр. 3.
[23]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 114, л. 246.

ное письмо «О практических мероприятиях по проведению постановления ВЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 года»[24]).

В письме указывалось на необходимость:

1) широкого распространения постановления среди членов коллективов;

2) информирования о налоговых и прочих льготах для колхозов;

3) уточнения социального состава колхозов и принятия мер к немедленной ликвидации лжеколхозов;

4) вовлечения колхозов в хозяйственный оборот союзов сельскохозяйственной кооперации;

5) усиления машинизации колхозов, в первую очередь стремясь поднять товарность их хозяйства;

6) добиваться ассигнований из госбюджета на содержание объединений колхозов.

6—9 июня 1927 года состоялось краевое организационно-оперативное совещание Дальсельсоюза по вопросу о строительстве колхозов. В резолюции этого совещания указывалось на необходимость «твердого усвоения всеми работниками сельскохозяйственной кооперации, что организационное и хозяйственное обслуживание колхозов является задачей важнейшей и первоочередной»[25]).

Совещание наметило ряд организационных мер в строительстве колхозов: организацию совещаний по делам колхозов. Всемерное усиление подотделов колхозов при сельскохозяйственной кооперации необходимым штатом инструкторов, созыв районных и краевого съездов колхозов для полного проведения в жизнь вопросов колхозного строительства[26]).

11—13 октября 1927 года состоялось первое Дальневосточное краевое совещание представителей колхозов, которое решило важные вопросы колхозного строительства: 1) роль и задачи колхозов в развитии сельского хозяйства; 2) состояние колхозов ДВК и методы их обслуживания и кредитования; 3) формы внутреннего построения колхозов[27]).

Совещание постановило организовать при Дальсельсоюзе краевую колхозную секцию по организационному и агрономическо-производственному руководству и обслуживанию колхозов, именуя ее «Далькол-хоз». Созданной секции приступить к организации колхозных секций при райсельсоюзах.

В телефонограмме пленуму Далькрайисполкома, первое Дальневосточное краевое совещание представителей колхозов заверяло: «В столь ответственный момент реконструкции сельского хозяйства и развития колхозного строительства в ДВК за счет наибольшего вовлечения в орбиту коллективного движения бедняцких и середняцких слоев деревни мы даем обещание пленуму ДКИ принять все меры к улучшению нашей работы по строительству кооперативного социалистического хозяйства в деревне»[28]).

Первое Дальневосточное краевое совещание представителей колхозов, решив конкретные вопросы строительства колхозов в Дальневосточном крае, внесло плановость в реконструкцию сельского хозяйства на социалистических началах.

20 октября 1927 года Народный Комиссариат земледелия изданием циркуляра «О землеустройстве колхозов и облегчении условий выделения земельных участков для вновь организующихся коллективных хо-

[24]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 50, лл. 80, 81.
[25]) Там же, оп. 4, д. 17, л. 9.
[26]) Там же, д. 17, л. 9.
[27]) Там же, д. 14, л. 108.
[28]) Там же, д. 14, л. 119.

зяйств» решил один из больных вопросов колхозного строительства, вопрос о землеустройстве. Особенно важно указание циркуляра на то, что расходы по землеустройству будут проводиться не за счет колхозов, как это было раньше, а за счет государства.

К 10-летию Великой Октябрьской социалистической революции количество колхозов достигло внушительной цифры. К этому времени по стране насчитывалось уже до 20000 колхозов, которые поставляли на рынок свыше 30000000 пудов товарной продукции[29]).

Организуясь преимущественно из бедняцко-середняцкого элемента, колхозы являлись базой дальнейшего развития социалистического переустройства сельского хозяйства.

Прошедший в декабре 1927 года XV съезд партии, названный съездом коллективизации, подводя итог кооперативному строительству, вместе с тем указал, что в настоящий период объединение и преобразование индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы является основной задачей партии в деревне.

Решения XV съезда партии о коллективизации подняли на новый этап строительство социализма в деревне, явились итогом длительной борьбы партии за претворение в жизнь ленинского кооперативного плана.

---

[29]) ЦГАДВ, ф. 2434, оп. 1, д. 114, л. 246.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Э. Д. ПАВЛОВА

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОДГОТОВКЕ РЕЗЕРВОВ ДЛЯ ФРОНТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Навязанная советской стране война потребовала величайшего напряжения всех сил народа, потребовала огромных людских резервов, владеющих современным оружием, стойких, выносливых, готовых немедленно после сформирования вступить в бой. С первых дней Отечественной войны Коммунистическая партия призвала советских людей изучать военное дело, развернула подготовку бойцов. Следуя указаниям партии, ЦК ВЛКСМ в постановлении от 22 июня 1941 года потребовал от всех комсомольских организаций удесятеренной бдительности, сплоченности, дисциплины, организованности. «Каждая комсомольская организация,—говорилось в постановлении,—должна иметь своих стрелков, парашютистов, пулеметчиков, шоферов, санитаров, радистов, пожарников, бойцов противовоздушной обороны и т. д.»[1]). Партия и комсомол руководствовались указанием В. И. Ленина, данным в годы гражданской войны: «Усиленная военная подготовка для серьезной войны требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе»[2]).

Осуществляя задачу создания постоянных массовых резервов для фронта, ГКО в сентябре 1941 года принял постановление «О всеобщем обязательном военном обучении граждан СССР», по которому все мужчины от 16 до 50 лет без отрыва от производства должны были получить военные знания. Партия указала, что дело обязательного военного обучения будет успешным лишь тогда, когда «проведение этого важнейшего мероприятия будет окружено всеобщей общественной поддержкой»[3]).

Решением от 19 сентября 1941 года ЦК ВЛКСМ обязал комсомольские организации в каждом городе, районе, на предприятиях и в учреждениях оборудовать военные кабинеты или уголки военной работы, а каждого комсомольца занять ведущую роль в освоении военного дела, в организации и проведении военизированных походов, военных игр и бесед на военные темы.

Комсомольские организации Новосибирской области действительно стали душой военной подготовки. Уже в начале ноября 1941 года бюро обкома ВЛКСМ отметило, что комсомольские организации Новосибирска оказали существенную помощь военкоматам в постановке всеобщего военного обучения. Городские РК ВЛКСМ установили строгий конт-

---

[1]) «Комсомольский работник», 1945 г., № 9, стр. 24.
[2]) В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 327.
[3]) «Правда», № 259 от 18 сентября 1941 г.

роль за посещаемостью и успеваемостью комсомольцев-бойцов, в большинстве пунктов оборудовали военные уголки, изготовили наглядные пособия.

Ипподромский РК ВЛКСМ прикрепил к подразделениям Всевобуча дружинниц в качестве санинструкторов. Готовясь к зимним занятиям, комсомольцы собрали около 1000 пар лыж, отремонтировали инвентарь на всех лыжных базах. К 5 декабря 1941 года комсомольцы Новосибирска изготовили своими руками 3160 учебных винтовок, 3960 ручных гранат, 1248 малых саперных лопат, 17 танков, 21 миномет и много других наглядных пособий для военных занятий[4]). Немедленно включились в создание материальной базы для Всевобуча комсомольцы многих районов области, в том числе Томского, Куйбышевского, Михайловского и других.

Партия требовала воспитание бойцов Всевобуча проводить в духе строжайшей воинской дисциплины, учить в суровых условиях, максимально приближенных к боевой действительности, все обучение строить на опыте Отечественной войны. Этим требованиям вполне отвечала работа комсомольско-молодежных спецподразделений, готовивших снайперов, автоматчиков, станковых и ручных пулеметчиков, минометчиков, истребителей танков, саперов-подрывников и других бойцов. За 6 месяцев 1942 года Новосибирская областная комсомольская организация направила в военно-учебные заведения и части Советской Армии 3581 комсомольца, подготовленного в спецподразделениях. А из 56 комсомольцев, направленных в партизанские отряды, 40 человек овладели тремя военными специальностями[5]). Хорошо готовились боевые резервы в Черепановском, Барабинском, Тогучинском, Легостаевском районах, где РК ВЛКСМ оказывали большую помощь военкоматам, выделили лучших комсомольцев замполитруками подразделений, систематически проводили политико-воспитательную работу среди бойцов. Примером заботливого отношения к подготовке бойцов в спецподразделениях является работа Куйбышевского РК ВЛКСМ города Томска. В решении от 23 июня 1943 года бюро райкома отметило серьезные недостатки в проведении политико-воспитательной работы в спецподразделениях района. Бюро наметило конкретные меры для улучшения подготовки военных специалистов, а через месяц проверило выполнение решения и вновь заслушало отчеты политруков. Помощь и контроль со стороны РК дали свои результаты: вдвое выросло количество комсомольцев в спецподразделениях, регулярно стали проводиться беседы и доклады о героях Отечественной войны, о русских полководцах, развернулось соревнование между бойцами за лучшее овладение военными знаниями[6]). За 4 года Отечественной войны при непосредственном участии комсомольских организаций в области закончили работу 7 очередей спецподразделений Всевобуча. В них было подготовлено около 70000 бойцов различных военных специальностей. Много сделали комсомольские организации в подразделениях Всевобуча и среди допризывников по укреплению рядов ВЛКСМ, вовлечению в них лучшей части молодежи. Например, Томский ГК ВЛКСМ организовал на приписном пункте дежурство комсомольского актива. С молодыми призывниками проводились беседы по истории комсомола, об уставе и программе ВЛКСМ, о международном положении. На пункте регулярно выпускались «Боевые листки», ставились концерты художественной самодеятельности. Итогом такой работы явилось массовое вступление призыв-

---

[4]) «Советская Сибирь», № 288 от 5 декабря 1941 г.
[5]) Новосибирский областной партийный архив (НОПА), ф. 198, оп. 1, д. 303, л. 10.
[6]) Томский областной партийный архив (ТОПА), ф. 1221, оп. 1, д. 339, л. 89.

ников в ряды ВЛКСМ[7]). В 1944 году среди молодежи, призванной в Советскую Армию, половину составляли комсомольцы, а по некоторым районам области количество комсомольцев доходило до 80 процентов от общего числа призывников. А Убинский, Каргатский, Сузунский РК ВЛКСМ добились, что спецподразделения стали полностью комсомольскими.

Многие комсомольские организации окружили призывников, особенно не имеющих семей и родителей, теплой заботой, хорошо организовали проводы в Советскую Армию, добились обеспечения их одеждой, обувью, дали наказ с честью защищать Родину. Комсомольские организации помнили и выполняли приказ Верховного главнокомандующего И. В. Сталина: «Необходимо, чтобы в нашей стране ни на минуту не ослабевала подготовка резервов на помощь фронту, необходимо, чтобы все новые и новые войсковые части шли на фронт ковать победу над озверелым врагом»[8]).

Большую работу проводили комсомольские организации по обучению военным специальностям девушек. С первых дней войны партия потребовала немедленного развертывания курсов медсестер, создания сандружин, подготовки через Всевобуч девушек-снайперов, радисток, телеграфисток, телефонисток. В районах области по инициативе РК ВЛКСМ прошли собрания женской молодежи с выступлениями участниц войны. Тут же началась запись в кружки и секции для военной учебы. В Куйбышевском, Новосибирском, Кемеровском и Чулымском районах начали военное обучение до 500 девушек. За 3 года Отечественной войны в Новосибирской области было подготовлено 5143 медсестры, 1024 сандружинницы, 519 санинструкторов[9]).

Большое внимание Коммунистическая партия и работающий под ее руководством комсомол уделяли подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне. «Каждый взрослый человек обязан участвовать в обороне, в защите предприятий, учреждений, домов. Он должен делать это с такой же беззаветной преданностью, с такой же отвагой, как сражаются наши бойцы на фронте, отстаивая каждую пядь советской земли»—требовала газета «Правда»[10]). Постановление СНК СССР от 2 июля 1941 года обязало организации Осоавиахима обучить ПВХО все население страны. Непосредственное участие в этой работе приняли комсомольские организации. Новосибирский обком ВЛКСМ выделил более 1000 лучших комсомольцев-инструкторов, каждый из которых подготовил по нормам ПВХО не менее 200 человек населения. Комитеты ВЛКСМ организовали консультационные пункты, выставки, походы в противогазах, показ фильмов по ПВХО и МПВО, лекции по радио. На 15 мая 1945 года по Новосибирской области к противовоздушной и противохимической обороне было подготовлено более 100000 комсомольцев и молодежи[11]).

Новосибирская областная комсомольская организация в течение всей войны неустанно занималась физическим воспитанием молодежи. Проверкой выносливости молодежи, ее готовности действовать в боевой

---

[7]) «Красное Знамя», № 170 от 22 августа 1943 г.

[8]) И. В. Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1949 г., стр. 80.

[9]) Архив ЦК ВЛКСМ, «Отчет о работе Новосибирской областной комсомольской организации в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», стр. 136.

[10]) «Правда», № 181 от 2 июля 1941 г.

[11]) Архив ЦК ВЛКСМ, «Отчет о работе Новосибирской областной комсомольской организации в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», стр. 135.

обстановке были профсоюзно-комсомольские кроссы. Из года в год проведение кроссов в области становилось все более массовым. По итогам летнего кросса 1942 года, в котором участвовало более 315000 молодежи, Новосибирская областная комсомольская организация была награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. В летнем же кроссе 1943 года участвовало уже свыше 400000 юношей и девушек. Немаловажное значение в воспитании силы и ловкости имели разного рода военно-спортивные соревнования: по преодолению полосы препятствий, переползанию, плаванию, водным переправам и т. д. В таких соревнованиях только в июле — сентябре 1942 года участвовало около 60000 молодежи.

Бюро обкома ВЛКСМ отмечало, что там, где РК ВЛКСМ отказались от старых традиций тепличности в проведении военно-спортивных мероприятий, провели соревнования несмотря на грязь и холод, организовали широкую агитмассовую работу, там и количество участников больше, и результаты лучше, например, в г. Анжеро-Судженске, на ст. Тайга, в Сузунском, Болотнинском районах, в Кировском районе г. Томска. Военно-физкультурная работа постоянно была в центре внимания комсомольских организаций. Так, Томский ГК ВЛКСМ в течение 1943 года из 33 заседаний бюро на 13 рассматривал вопросы улучшения военно-физкультурной работы среди молодежи. Не случайно комсомольцы Томска во многих спортивных соревнованиях выходили на первые места по области[12]).

Предметом особой заботы комсомольских организаций была лыжная подготовка молодежи. ЦК ВЛКСМ обязал все комсомольские организации добиться, чтобы все комсомольцы и молодежь овладели этим важнейшим видом спорта, пройдя обязательное обучение по 20—30-часовой программе. Комсомольские организации области, готовясь к первой военной зиме, оборудовали лыжные базы, заготовили инвентарь, развернули тренировки. В дни лыжного кросса в честь 24-й годовщины Советской Армии хорошую лыжную подготовку показала молодежь Новосибирска, Томска, а также Нарымского округа, Гурьевского и Куйбышевского районов, что было отмечено «Комсомольской правдой»[13]).

Но итоги лыжного кросса 1943 года по Новосибирской области были неудовлетворительными. ЦК ВЛКСМ отметил, что Новосибирская комсомольская организация ослабила агитационно-массовую работу, не систематически руководила обучением молодежи военно-лыжному делу, отнеслась к кроссу, как к преходящей кампании. Это серьезное замечание ЦК ВЛКСМ заставило новосибирских комсомольцев усилить работу по лыжной подготовке. Бюро обкома ВЛКСМ, РК ВЛКСМ стали чаще рассматривать вопросы физкультуры и спорта, больше вникать в проведение военно-лыжных мероприятий. Так, в январе 1944 года бюро обкома резко осудило работу Кожевниковского РК ВЛКСМ, проявившего безответственность в проведении лыжных соревнований среди молодежи района. Одновременно были определены пути улучшения руководства лыжной подготовкой со стороны комсомольских организаций по всей области. Зимой 1944—1945 годов проведены были разнообразные соревнования по лыжам среди городской и сельской молодежи, областная звездно-лыжная эстафета. Работа комсомольских организаций по подготовке лыжников имела огромное значение. Сотни комсомольско-молодежных отрядов лыжников направила Новосибирская область на фронт. Немало молодых сибиряков-лыжников стали геро-

---

[12]) ТОПА, ф. 1221, оп. 1, д. 334, л. 32.
[13]) «Комсомольская правда», № 37 от 15 февраля 1942 г.

ями Отечественной войны. Всего за годы войны 20—30-часовую программу лыжной подготовки прошли по области более 366 комсомольцев и молодежи[14]).

Новосибирский комсомол посылал в годы войны своих воспитанников во все фронтовые формирования. Комсомольцы-сибиряки своим активным участием в подготовке резервов для фронта подтвердили еще раз, насколько прав был В. И. Ленин, говоря: «Мы знаем, что есть десятки, сотни тысяч резервов рабоче-крестьянской молодежи, которые идут к нам тем более широко, с тем большим самоотвержением, чем нам труднее»[15]).

---

[14]) Архив ЦК ВЛКСМ, «Отчет о работе Новосибирской областной комсомольской организации в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.», стр. 138.

[15]) В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 111.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

А. А. ЕЛФИМОВ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ КРАЕВОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ПЛАНИРОВАНИЮ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед Сибирью путь к индустриальному развитию, к расцвету науки и культуры.

Глядя далеко в будущее, В. И. Ленин, видел, как велико значение Сибири для судеб Советского государства. Еще в 1918 г. он выдвинул идею создания мощного Урало-Кузнецкого комбината.

Претворение в жизнь этих предначертаний В. И. Ленина с особой полнотой началось в годы первой пятилетки.

15 мая 1930 г. ЦК ВКП(б) принял историческое решение о создании второй угольно-металлургической базы на востоке СССР. XVI съезд партии (26 июня—13 июля 1930 г.), одобрив это решение ЦК, подтвердил, что «жизненно-необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»[1]). Вместе с тем XVI съезд ВКП(б) признал необходимым в качестве важнейших условий решения проблемы Урало-Кузнецкого комбината усиление научно-исследовательской работы и расширение дела подготовки специалистов на Урале и в Сибири.

Решение комплексной проблемы строительства Урало-Кузнецкого комбината выдвигало применение самых разнообразных форм научного обслуживания и создание различного профиля научно-исследовательских учреждений. Но сложным и трудным был путь реализации лозунга Коммунистической партии: «Науку на службу практике» в условиях Сибири. Отсутствие серьезной научной базы и удаленность от научных центров страны, острый недостаток научных кадров и сопротивление части старой научной интеллигенции—все это обостряло борьбу за привлечение науки к обслуживанию нужд строительства Урало-Кузбасса. Действительно, к началу пятилетки Западная Сибирь имела всего 7 научных учреждений[2]). Из них не было ни одного учреждения, которое занималось бы научно-исследовательскими работами в промышленности. Фактически эта работа велась только заводскими лабораториями, число которых в 1928 г. не превышало 15[3]).

---

[1]) «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7, 1953 г., стр. 587.

[2]) Новосибирский областной партийный архив (НОПА), ф. 3, оп. 13, д. 45, лл. 89—90.

[3]) Новосибирский областной государственный архив (НОГА), ф. 12, оп. 2, д. 62, л. 4.

Не соответствовало быстрым темпам социалистической индустриализации Сибири состояние геолого-разведочных работ. «Чрезвычайно слабая известность природных богатств и экономики края,—отмечалось в резолюции пленума Сибирского краевого комитета ВКП(б) 5 ноября 1929 г.,—является колоссальным тормозом для широкого использования производительных сил края»[4]). К 1929 г. только 11% всей территории Сибири было занесено на геологическую карту. А детальной геологической съемке подверглось всего 3,4% площади края[5]). Особенно медленно шла разведка по определению запасов угольных месторождений. В Кузбассе для производства глубокого бурения имелось только 2 станка. В 1927—1928 гг. тресту «Кузбассуголь» было ассигновано на проведение разведок всего 77 тыс. руб.[6]).

Руководящим центром геологических исследований Сибири был Сибирский геологический комитет (с 1929 г.—геолого-разведочное управление). Но до начала первой пятилетки его деятельность ограничивалась снаряжением по 10—12 небольших поисковых партий в год.

В научной жизни Сибири в первые годы советской власти и в восстановительный период заметное место занимали различные научные общества. Одно из них носило довольно громкое название: «Общество изучения производительных сил Сибири» (ОИС). Но как справедливо отмечала партийная печать, это общество изучало не производительные силы Сибири, а ...купеческие могилы[7]). ОИС занималось исключительно вопросами археологии и этнографии. То же самое относится и к деятельности краеведческих обществ.

Ряд крупных успехов имели ученые Сибирского технологического института[8]) и Томского государственного университета[9]). Однако научно-исследовательская работа сибирских высших учебных заведений была слабо увязана с потребностями социалистической индустриализации Сибири.

Следовательно, состояние научно-исследовательской работы в Сибири не соответствовало требованиям задач первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, составной частью которого являлось начало создания Урало-Кузнецкого комбината. Выдвинутая Коммунистической партией задача—в минимальный срок догнать, а затем превзойти уровень промышленного развития главных капиталистических стран,—потребовала всемерного внедрения в социалистическое производство последних достижений науки и техники. Для осуществления этой задачи, указывалось в постановлении июльского Пленума ЦК ВКП(б) (1928 г.), «необходима теснейшая связь науки, техники и производства, необходимо решительное приближение научной работы к разреше-

---

[4]) Центральный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (архив ИМЛ), ф. 17, оп. 21, д. 3086, л. 55.

[5]) НОГА, ф. 12, оп. 2, д. 62, л. 1.

[6]) «Жизнь Сибири», 1929 г., № 2—3, стр. 26.

[7]) «Советская Сибирь» (Новосибирск) от 17 января 1931 г.

[8]) Особенно значителен вклад ученых Сибирского технологического института в геологических исследованиях природных богатств Сибири (успешная деятельность профессоров М. А. Усова, М. К. Коровина и др.), а также в научно-исследовательской работе по цветной металлургии. До начала первой пятилетки группой ученых института во главе с профессором Мостовичем были проведены важные работы по флотации медных руд Сибири. (См. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), ф. 5446, оп. 10, д. 267, л. 84).

[9]) Успехи научных исследований в области физики в Томском госуниверситете были отмечены на IV съезде физиков (сентябрь 1924 г.). В 1925 г. Наркомпрос РСФСР присудил университету первую премию за научные работы, проводимые в физической лаборатории под руководством профессора В. Д. Кузнецова (см. «Красное Знамя». Томск, от 6 марта 1927 г.).

нию задач, стоящих перед промышленностью, транспортом и сельским хозяйством»[10]).

Развертывая работу по перестройке и улучшению деятельности научных учреждений в годы первой пятилетки, партия и правительство обращали особое внимание на усиление научного обслуживания важнейших отраслей производства и новых промышленных районов страны. В постановлении СНК СССР «Об организации научно-исследовательской работы для нужд промышленности» (7 августа 1928 г.) предлагалось ВСНХ СССР разработать «пятилетний план развития и строительства институтов, предусматривающий районирование институтов с приближением их к источникам сырья и производственным базам, в частности—организацию филиалов существующих институтов в Союзных республиках и крупнейших областях»[11]). В целях широкого развертывания научно-исследовательских работ в металлургической промышленности СНК СССР в своем постановлении «Об организации Всесоюзного института металлов» (1928 г.) обязал ВСНХ СССР организовать институт черных металлов в Ленинграде с филиалами в Москве, на Урале, Украине и в Сибири[12]). О необходимости создания сети научно-исследовательских химических институтов говорилось в постановлении СНК СССР «О мероприятиях по химизации народного хозяйства СССР» (апрель 1928 г.)[13].

В начале пятилетки правительством были приняты меры по созданию научно-исследовательских институтов и в других отраслях производства.

Исключительно большое значение в приближении науки к производству имело решение ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г., в котором указывалось, что «в целях приближения деятельности научно-исследовательских институтов к практическим задачам производства объединениям передаются научно-исследовательские институты, занимающиеся вопросами, относящимися преимущественно к данной отрасли промышленности»[14]). На основании этого постановления в ведение ВСНХ СССР было передано большое количество отраслевых институтов. Тем самым повышалась ответственность хозяйственных объединений за работу научных учреждений и за внедрение законченных исследований в производство. С этого времени образование новых институтов промышленности осуществлялось непосредственно ВСНХ СССР.

В итоге реализации решений партии и правительства по усилению научно-исследовательской работы в промышленности на востоке страны начался бурный процесс создания новых очагов науки. К концу первой пятилетки в Западной Сибири имелось 39 научных учреждений[15]). В том числе насчитывалось 15 научно-исследовательских институтов промышленности (теплотехнический, угольный, металлов, химический, прикладной минералогии и др.)[16]).

Широкое развитие получила высшая школа. В 1928 г. вся Сибирь имела 5 вузов, в которых обучалось 4925 студентов. К концу пятилет-

---

[10]) «КПСС в резолюциях...», ч. II, изд. 7, 1953 г., стр. 518.

[11]) «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», М., 1957 г., стр. 853.

[12]) ЦГАОР, ф. 5446, оп. 10, д. 2153а, л. 1.

[13]) «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1957 г., стр. 815—819.

[14]) «Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения», М., 1931 г., стр. 314.

[15]) НОПА, ф. 3, оп. 113, д. 45, л. 89—90.

[16]) «Наука на социалистической стройке Западной Сибири», Новосибирск, 1932 г., стр. 114—115.

ки только в Западно-Сибирском крае было уже 24 вуза и втуза с 15000 студентов[17]).

В 1933 г. во всех научно-учебных заведениях Западной Сибири работало около 2 тыс. научных работников (вместо 450 в 1928 г.). Только в одних научно-исследовательских учреждениях было занято около 900 человек[18]).

Успех в деле развертывания сети научных учреждений, вузов и втузов, а также в решении проблемы подготовки научных кадров в значительной степени был обеспечен благодаря кипучей деятельности партийных организаций Западной Сибири[19]).

Вопросы усиления роли науки в производстве не сходили с повестки дня партийных конференций, собраний, съездов Советов в течение всех лет периода первой пятилетки. В партийных решениях, в резолюциях съездов Советов определялись меры и средства, необходимые для развертывания широкого фронта научных исследований на территории Западной Сибири.

Одним из основных звеньев в борьбе краевой партийной организации за повышение роли науки в производстве являлась ее организаторская деятельность по планированию научно-исследовательской работы.

Планирование научных исследований исключало параллелизм в работе научных учреждений, обеспечивало разработку актуальных проблем, облегчало учет и проверку исполнений плановых заданий, а также улучшало дело руководства наукой. Кроме того, планирование открывало большие возможности для широкого и быстрого внедрения в производство законченных научных работ. Поэтому многие недостатки в деятельности научных учреждений страны тем и объяснялись, что до первой пятилетки научно-исследовательская работа не планировалась. СНК СССР в постановлении «Об организации научно-исследовательской работы для нужд промышленности» поручил ВСНХ СССР разработать пятилетний план научной работы в соответствии с пятилетним планом развития промышленности, указав на разработку целого ряда важнейших научных проблем[20]).

Эти же задачи были поставлены перед Наркомпросом РСФСР, ВСНХ СССР и другими ведомствами в решении ЦК ВКП(б) от 27 мая 1927 г. «В связи с итогами 2 Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений»[21]). На основе этих директивных указаний ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР разработали инструкцию о порядке и задачах планирования научно-исследовательской работы[22]).

Реализация решений партии и правительства по планированию научных исследований осуществлялась западносибирской краевой партийной организацией по двум основным направлениям: 1) разработка директивных указаний и руководство деятельностью плановых и хозяйственных органов, учебных и научных учреждений по составлению и проведению в жизнь планов научно-исследовательской работы; 2) организаторская и политико-массовая деятельность партийных организаций

---

[17]) НОПА, ф. 3, оп. 113, д. 45, л. 89.

[18]) Там же, л. 90.

[19]) См. А. А. Елфимов, Из истории деятельности партийных организаций Урала и Сибири по развитию научно-исследовательской работы и подготовке научных кадров в годы первой пятилетки. «Труды Томского электромеханического института инженеров ж. д. транспорта», работы кафедры марксизма-ленинизма, том XXVI, 1958 г.

[20]) «Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам», 1957 г., стр. 852—853.

[21]) «Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения», 1931 г., стр. 311.

[22]) ЦГАОР, ф. 5451, оп. 12, д. 606, л. 35.

по вовлечению научной интеллигенции в работу по планированию науки.

Определяя задачи научно-исследовательской работы, краевой комитет ВКП(б) обращал особое внимание на изучение природных богатств Сибири. «Неизученность края,—отмечалось в решении бюро краевого комитета партии 5 июля 1929 г.,—диктует необходимость предусмотреть в контрольных цифрах (на 1929/30 г.—*А. Е.*) такой объем мероприятий по научно-исследовательским работам, который обеспечивал бы безболезненную реализацию программы развития народного хозяйства, намеченной пятилетним планом»[23]).

Бюро указало, что в контрольных цифрах необходимо учесть проведение геологических исследований в важнейших экономических районах края (Кузнецкий, Минусинско-Абаканский, Иркутский каменноугольные и железорудные бассейны). Пленум краевого комитета ВКП(б), состоявшийся в начале ноября 1929 г., обсуждал вопрос о пятилетнем плане развития народного хозяйства Сибири. В директивах пленума по составлению плана проведения геологоразведочных работ говорилось, что «в течение этого пятилетия должны быть максимально широко развернуты научно-исследовательские работы, чтобы подготовить край к более широкой индустриализации и использованию производительных сил во второй пятилетке»[24]). Однако пленум не дал установок к разработке такого плана научно-исследовательской работы, который включал бы исследования во всех отраслях хозяйства Сибири. Это сказалось на деятельности краевых плановых органов и научно-исследовательского сектора (НИС) краевого Совета народного хозяйства[25]), которым было поручено составление контрольных цифр по научной работе. Целый ряд научных проблем, имеющих важное народнохозяйственное значение, не были включены в плановые задания.

Не нацелили на их разработку второй пленум краевого Совнархоза (1929 г.)[26]) и президиум крайисполкома[27]), обсуждавшие директивы к построению контрольных цифр на 1929—1930 гг.

Решение XVI съезда ВКП(б) о создании Урало-Кузнецкого комбината и бурный рост сети научных учреждений, вузов и втузов (особенно в 1930—1933 гг.) обязывали краевую партийную организацию проявить исключительное внимание к планированию научно-исследовательской работы в крае. Это диктовалось задачами и темпами проведения социалистической индустриализации Сибири.

Свыше двух миллиардов рублей капитальных вложений отпустило Советское государство в первую пятилетку Сибирскому краю на развитие промышленности, сельского хозяйства и культуры[28]). Представление о темпах индустриализации Западной Сибири дают показатели роста капитальных вложений в промышленность по годам. В 1928/29 гг. их было вложено на сумму 21,8 млн. рублей, в 1929/30 гг.—129,9 млн. руб., а в 1931 г. — 346,6 млн. руб.[29]).

---

[23]) Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3096, л. 180.

[24]) Там же, л. 55.

[25]) НИС был образован при Сибирском краевом Совнархозе на основании решения научно-технического управления ВСНХ СССР от 12 июня 1929 г. В решении говорилось: «Для рассмотрения и утверждения планов и смет и работ по рационализации промышленности, экспертизы строительства—организовать научно-технический комитет при Сибкрайсовнархозе» (НОГА, ф. 22, оп. 2, д. 1001, л. 6.). Впоследствии научно-технический комитет был переименован в научно-исследовательский сектор (НИС).

[26]) Кемеровский областной государственный архив (КОГА), ф. 92, оп. 1, д. 8, л. 91.

[27]) Там же, д. 7, л. 16.

[28]) «Советская Сибирь», от 23 июня 1930 г.

[29]) НОПА, ф. 3, оп. 113, д. 28, л. 4.

Только за три года пятилетки валовая продукция промышленности в Западной Сибири увеличилась почти в 6 раз. Уже в 1931 г. было выполнено задание пятилетнего плана по добыче каменного угля. За три года было построено 60 новых промышленных предприятий и шахт[30]. В начале 1932 г. первая домна Кузнецкого металлургического комбината дала свой первый чугун. А к концу года завершилось строительство первой очереди металлургического гиганта.

Обеспечение высоких темпов индустриализации и широкого размаха строительства во многом зависело от качества и темпов научно-исследовательской работы. Вместе с тем, задачи создания Урало-Кузбасса выдвигали на повестку дня решение сложных комплексных проблем. Все это нашло полное отражение в постановлениях V (июнь 1930 г.)[31], VI (январь 1932 г.)[32]) краевых партийных конференций, первого краевого съезда Советов (февраль 1931 г.)[33]) и во многих других партийных документах. Особое место в партийных директивах отводилось задачам планирования научно-исследовательской работы в крае.

Значительный шаг вперед в планировании был сделан уже в конце 1930 г. НИС краевого Совнархоза подготовил сводный план исследовательских работ отраслевых институтов Западной Сибири. Причем НИС проявил очень ценную инициативу в деле налаживания связей между Уральскими и Сибирскими научно-исследовательскими институтами, отослав этот план в НИС Уральского областного Совнархоза[34]). Тем самым было положено начало координации научной работы институтов промышленности Урала и Сибири.

Несмотря на ряд достоинств плана Сибирского НИС, он не ориентировал на разработку комплексных проблем и не исключал параллелизма в работе институтов. Кроме того, этот план в основном охватывал только обслуживание угольной и металлургической промышленности Сибири.

Рассматривая вопрос о планировании науки как одно из основных условий усиления деятельности научных учреждений по оказанию помощи производству, ЦК ВКП(б) предложил Госплану СССР созвать Всесоюзную конференцию по планированию, которая и состоялась в начале апреля 1931 г. Выступая на конференции, председатель Госплана СССР В. В. Куйбышев говорил: «Не только усилие работников отраслевых дисциплин должно иметь место для того, чтобы усилить наши темпы развития, но и комбинация этих усилий, потому что мы идем вперед в своем развитии именно путем огромных комплексных проблем, путем комбинатов (Урало-Кузбасс, Днепрострой, Донбасс). Эти комбинаты должны быть обслужены... в комплексе...»[35]). В. В. Куйбышев был инициатором создания целого ряда комплексных научных комиссий, созданных при Госплане СССР вскоре после конференции. Ему принадлежит идея организации Урало-Кузнецкой комиссии, объединявшей в своем составе видных ученых страны.

Всесоюзная конференция по планированию внесла большой вклад в дело развития связей науки с практикой социалистического строительства. После нее значительно оживилась деятельность партийных организаций по планированию науки. По их инициативе созывались собрания

---

[30]) НОПА, ф. 3, оп. 113, д. 28, л. 4.
[31]) «Советская Сибирь», от 23 июня 1930 г.
[32]) Там же, от 24 января 1932 г., НОПА, ф. 3, оп. 113, д. 30, лл. 9—26.
[33]) Там же, от 17 февраля 1931 г.
[34]) Свердловский областной государственный архив (СОГА), ф. 314, оп. 1, д. 15, л. 203—212.
[35]) В. В. Куйбышев, Статьи и речи, том. V, М., 1937 г., стр. 88—89.

и конференции научных работников, на которых широко обсуждались итоги Всесоюзной конференции по планированию.

В середине июня 1931 г. Томский городской комитет ВКП(б) созвал первую конференцию научно-исследовательских институтов г. Томска[36]). Конференция проходила под лозунгом «Все для Урало-Кузбасса». Открывая конференцию, представитель городского комитета говорил: «Научно-исследовательские работы остаются вне планирования. Основной массой научных работников планирование... давно осознано, но со стороны отдельных работников встречается еще явным или скрытым противодействием. Господствует ставка на «чистую» теорию, на техницизм, делячество, что создает параллелизм, замкнутость в собственной скорлупе»[37]).

Отчет о первом дне работы конференции газета «Красное Знамя» поместила под общим заголовком на всю полосу: «Снять колпаки с научных институтов». В резолюции «Об очередных задачах научно-исследовательской работы» конференция призвала всех ученых Томска активно включиться в обслуживание строительства Урало-Кузнецкого комбината на основе всестороннего планирования научной работы. Последний день заседания конференции был освещен в газете «Красное Знамя» под заголовком: «Научно-исследовательские институты—на передовые линии строительства социализма. Ближе к производству. Ближе к социалистической индустрии»[38]).

В истории борьбы Томской городской партийной организации за планирование науки эта конференция явилась поворотным моментом. Более того, она серьезно повлияла на ход планирования научно-исследовательской работы на территории всей Западной Сибири. В выводах по итогам конференции, представленных в краевой комитет ВКП(б), Томский горком партии поставил вопрос об усилении руководства научными учреждениями Томска со стороны краевых хозяйственных и научных организаций. Горком внес также предложение о создании оперативного планирующего органа в крае[39]). В связи с этим краевой комитет партии рекомендовал крайисполкому ускорить дело организации такого органа[40]). 17 сентября 1931 г. президиум крайисполкома утвердил «Положение о комитете по научно-исследовательским делам при Западно-Сибирском краевом исполнительном комитете». В Положении указывалось: «В целях обеспечения своевременной теоретической разработки практики социалистического строительства на основе марксистско-ленинской методологии, теоретической разработки вопросов, связанных со строительством Урало-Кузнецкого комбината, борьбы с проникновением в научно-исследовательскую работу классово-враждебной идеологии... образуется научный комитет при президиуме крайисполкома»[41]).

На комитет были возложены обязанности по общему руководству, планированию, регулированию и контролю за работой научных учреж-

---

[36]) В это время в Томске насчитывалось 9 научно-исследовательских институтов промышленности.

[37]) «Красное Знамя» от 17 июня 1931 г.

[38]) Там же, от 19 июня 1931 г.

[39]) Следует сказать, что идея создания этого органа была впервые высказана на заседании Совета ассоциации Томских научно-исследовательских институтов 16 февраля 1931 г. (См. НОГА, ф. 47, оп. 1, д. 2075, л. 13).

[40]) Президиум крайисполкома поддержал инициативу томичей. 28 апреля 1931 г. он принял решение о создании научного комитета при президиуме крайисполкома. (См. НОГА, ф. 47, оп. 1, д. 2074, л. 137). Но его организация затормозилась до октября 1931 г.

[41]) НОГА, ф. 47, оп. 1, д. 2074, л. 109.

дений и организации края, а также по рассмотрению и даче заключений по планам работ научных учреждений, координации их деятельности как между собой, так и с местными и центральными организациями. По положению в состав комитета должны входить представители краевых партийных, советских, научных и общественных организаций.

С 17 по 19 октября 1931 г. состоялся первый пленум комитета по научно-исследовательским делам крайисполкома. Пленум обсудил вопрос об организации и планировании научно-исследовательской работы в Западно-Сибирском крае и утвердил примерный проблемно-тематический план научно-исследовательских работ на 1932 г., а также избрал членов в состав комитета и его президиум. Все материалы пленума (стенограммы докладов и выступлений, резолюции, приветствия, план научной работы и др.) в начале 1932 г. были изданы отдельной книгой под названием «Наука на социалистической стройке Западной Сибири».

Анализ материалов пленума позволяет сделать вывод, что организация ученого комитета крайисполкома явилась своевременной мерой в деле привлечения науки на службу практике социалистического строительства Западной Сибири. В своем приветствии рабочим Кузнецкстроя участники пленума писали: «Научные работники Западно-Сибирского края признаются перед Вами в том, что научная работа очень далеко отстала от запросов практики социалистического строительства. Мы твердо обещаем Вам ликвидировать этот разрыв, внедрить в нашу работу социалистические формы труда... в тесном единении труда и науки, борясь под руководством Коммунистической партии и советской власти, мы имеем все необходимое для того, чтобы и на участке научной работы... догнать и перегнать... передовые капиталистические страны»[42]).

И если к концу пятилетки среди сибирских ученых уже не стало сторонников теории «чистой науки», то в этом немалая заслуга принадлежит ученому комитету крайисполкома, объединившему в своем составе значительное число передовых ученых Западной Сибири. Членами комитета являлись профессора В. Д. Кузнецов, М. А. Усов, Д. А. Стрельников, Н. В. Гутовский, И. В. Геблер, К. А. Горшенин, К. М. Гречищев и многие другие ученые. Своим примером активного участия в работе по планированию науки и развитию связи ее с производством они оказали большую помощь партийным организациям в борьбе за поворот старой научной интеллигенции к сознательному участию в социалистическом строительстве.

Выступая на Томской городской конференции содействия Урало-Кузнецкому комбинату (апрель 1932 г.), директор Сибирского физико-технического института (СФТИ) профессор В. Д. Кузнецов говорил: «Несколько времени тому назад большинство ученых, особенно старых ученых, предполагали, что может быть чистая наука..., то сейчас большинство ученых считают, что не может быть науки не партийной... Она должна быть тесно увязана с социалистическим строительством...»[43]).

Передовая часть научной интеллигенции была опорой в работе ученого комитета крайисполкома. Это особенно проявилось в деятельности секций комитета (промышленной, транспортной, сельскохозяйственной, кадров и содействия ученым), а также в работе его филиалов (в Томске и Омске), созданных в ноябре 1931 г.[44]).

---

[42]) «Наука на социалистической стройке Западной Сибири», Новосибирск, 1932 г., стр. 102.

[43]) «Красное Знамя» от 14 апреля 1932 г. В настоящее время В. Д. Кузнецов является действительным членом Академии наук СССР. В 1957 г. ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

[44]) НОГА, ф. 12, оп. 2, д. 239, л. 10.

Наибольшую активность в разработке планов научной работы проявил Томский филиал ученого комитета. Это объясняется тем, что городской комитет ВКП(б) повседневно руководил его деятельностью. Партийное руководство осуществлялось не только путем вхождения в состав филиала представителей городского комитета партии, но также в порядке постановки вопроса о нем на заседаниях бюро горкома[45]). По инициативе горкома ВКП(б) в структуре филиала было образовано шесть отраслевых групп (химическая, горно-геологическая, металлургическая, транспортная и др.), во главе которых стояли профессора В. Д. Кузнецов, А. Н. Добровидов, М. К. Коровин, В. В. Ревердатто, И. Ф. Пономарев и др.

Одной из форм работы Томского филиала ученого комитета являлся периодический созыв расширенных заседаний членов филиала совместно с представителями партийных, советских и научных организаций города. Несколько таких заседаний было посвящено обсуждению и проработке планов научно-исследовательской работы на вторую пятилетку.

В постановлении заседания филиала, проходившего 23 апреля 1932 г., было решено: «Привлечь к составлению планов работы на вторую пятилетку широкие круги рабочих, инженерно-технических работников, ученых...»[46]). На этом же заседании была организована при филиале городская комиссия по планированию научно-исследовательской работы. 23 мая 1932 г. заседание филиала обсудило и приняло на разработку во второй пятилетке ряд комплексных проблем, выдвинутых краевыми организациями (проблемы жидкого топлива, металлургии и т. д.[47]).

Рассмотрению тематических планов химических институтов и обсуждению доклада профессора И. Н. Бутакова (о тематике научно-исследовательских институтов г. Томска по вопросам энергетики) было посвящено заседание филиала комитета 20 декабря 1932 г. Руководствуясь решением бюро городского комитета ВКП(б) от 4 мая 1932 г.[48]), заседание пересмотрело тематику исследований в сторону более полного обслуживания промышленности Сибири и постановило: «Немедленно развернуть договорную кампанию с промышленными предприятиями и хозяйственными органами по обеспечению хозрасчетных тем финансовой базы»[49]).

Необходимо отметить, что роль филиалов ученого комитета в планировании научно-исследовательской работы сводилась в основном к координации и распределению тематики между научными учреждениями, ее уточнению в соответствии с теми заданиями, которые предлагали краевой ученый комитет и хозяйственные организации края. Что касается составления планов научной работы и развития связи с производством отдельными научными учреждениями, то заслуга в этом принадлежит, в первую очередь, партийным организациям.

Отметив оторванность работы некоторых научно-исследовательских институтов от запросов промышленности, бюро Томского городского комитета ВКП(б) в постановлении «Об итогах смотра научно-исследовательских институтов» (4 мая 1932 г.) отметило, что причиной этого является слабое руководство институтами со стороны партийных организа-

---

[45]) Томский областной партийный архив (ТОПА), ф. 80, оп. 1, д. 293, л. 48.
[46]) НОГА, ф. 12, оп. 2, д. 254, л. 199.
[47]) «Красное Знамя» от 29 мая 1932 г.
[48])ТОПА, ф. 80, оп. 1, д. 292, л. 160—168. Бюро горкома поручило филиалу ученого комитета организовать общественный контроль за реализацией законченных работ в производстве.
[49]) НОГА, ф. 12, оп. 2, д. 241, л. 109.

ций, которые еще недостаточно мобилизовали ученых на борьбу с защитниками теории «чистой науки», за планирование[50]). Поставив задачу перед институтами пересмотреть тематические планы на 1932 г. и включить в них более актуальные проблемы, бюро горкома вместе с тем постановило: «Перестроить работу партийных ячеек так, чтобы они могли возглавить борьбу за ликвидацию прорывов в производственных планах научно-исследовательских институтов, развернуть непримиримую борьбу за большевистскую партийность в научно-исследовательской работе»[51]).

Городской комитет партии требовал от партийных организаций вузов и научных учреждений усиления массово-политической работы среди научных работников по внесению в их сознание необходимости планирования науки. По этому вопросу бюро горкома ВКП(б) систематически заслушивало отчеты партийных ячеек. За неправильные позиции по отношению к старым кадрам ученых горком дважды обсуждал работу партийных ячеек СФТИ[52]), транспортного института и других вузов города.

Результатом организаторской и политической работы партийных организаций явился успех многих научных учреждений Томска не только в планировании тематики исследований, но и в обслуживании строительства Урало-Кузнецкого комбината[53]). Однако темпы внедрения законченных научных работ в производство были еще низкие. Причиной этого являлась известная косность ряда хозяйственных организаций и недостаточная активность самих научных учреждений в доведении своих достижений до реализации на практике.

Не имея прямых полномочий по оказанию давления на хозяйственные организации, ученый комитет крайисполкома не мог эффективно осуществлять дело внедрения достижений науки в строительство. Тем не менее он часто ставил этот вопрос перед краевыми партийными и советскими организациями. То же самое относится и к делу по финансированию научно-исследовательской работы. Нередки были случаи, когда хозяйственные органы края отказывались от финансирования научных учреждений. В таких случаях приходил на помощь ученый комитет. На своем заседании 15 января 1932 г. комитет принял решение, в котором говорилось: «Просить президиум крайисполкома дать хозорганизациям указания о включении по своим бюджетам необходимых на научно-исследовательскую работу средств и своевременно финансировать научно-исследовательские учреждения»[54]). С этой же просьбой комитет обратился в крайисполком 2 февраля 1932 г., обсудив на своем заседании тематический план Ленинградского университета по проведению научных исследований в Западной Сибири[55]). 4 февраля 1932 г. комитет рассматривал план научно-исследовательской работы в Сибири, представленный Академией наук СССР. Внеся ряд существенных дополнений в этот план, комитет постановил войти в ходатайство перед крайисполкомом об отпуске некоторой суммы средств из местного бюджета Академии наук[56]).

---

[50]) ТОПА, ф. 80, оп. 1, д. 292, л. 160—161.
[51]) ТОПА, ф. 80, оп. 1, д. 292, л. 166.
[52]) Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 3158, л. 147; ТОПА, ф. 80, оп. 1, д. 292, л.29.
[53]) Достижения научно-исследовательских институтов, вузов и втузов г. Томска с достаточной полнотой отражены в газете «Красное знамя» за 1932 и 1933 гг.
[54]) НОГА, ф. 12, оп. 2, д. 239, л. 25.
[55]) Там же, л. 38.
[56]) Там же, л. 39.

Это только отдельные примеры того, как ученый комитет крайисполкома создавал условия для развертывания научно-исследовательской работы в Сибири. Вполне заслужен им тот высокий авторитет, которого он достиг в годы первой пятилетки не только среди ученых Западной Сибири, но и центральных научных учреждений. Это определилось главным образом потому, что краевой комитет ВКП(б) уделял много внимания деятельности ученого комитета[57]).

Опыт в планировании и организации научно-исследовательской работы, накопленный западносибирской краевой партийной организацией за годы первой пятилетки, был широко использован в последующий период для более полного и активного привлечения науки на службу практике социалистического строительства в Западной Сибири.

---

[57]) НОПА, ф. 3, оп. 113, д. 28, л. 101.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Т. Н. ПЕТРОВА

КОММУНИСТЫ НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ — ОРГАНИЗАТОРЫ ШЕФСТВА ТРУДЯЩИХСЯ НАД ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТЬЮ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Советский народ под руководством Коммунистической партии выдержал трудный экзамен в годы Великой Отечественной войны, одержал всемирно-историческую победу. Эта победа была одержана благодаря преимуществам социалистического способа производства над капиталистическим, благодаря преимуществам советского общественного и государственного строя.

Победа советского народа в Великой Отечественной войне явилась ярким выражением морально-политического единства общества, его монолитности, дружбы и союза рабочего класса и крестьянства, животворного советского патриотизма.

Советский патриотизм в годы войны ярко проявлялся не только в массовом героизме на фронте и в трудовых подвигах, но и в таком глубоко патриотическом деле — как всенародная помощь освобожденным районам нашей Родины в восстановлении хозяйства, разрушенного немецко-фашистскими захватчиками.

Известно, что враг нанес колоссальный ущерб нашему народному хозяйству.

Летом 1942 года немецко-фашистские войска заняли 30 богатейших районов Воронежской области и правобережную часть города. Сначала немецкие войска повально грабили всех и все, потом начали жечь, уничтожать. Квартал за кварталом выжигали и взрывали варвары XX века прекрасный город Воронеж. Гитлеровские захватчики залили кровью советскую землю. Только в Воронежской области они убили и замучили 4911 мирных советских граждан, 6210 военнопленных, 4476 советских граждан угнали в немецкое рабство. За время оккупации Воронежской области немецко-фашистские войска и их сообщники отобрали у колхозов и государственных предприятий 469468 центнеров зерна, 60990 центнеров картофеля, 10465 центнеров овощей, 105022 головы крупного рогатого скота, 166753 овец и коз, 85620 свиней, 88232 лошади, 578125 штук домашней птицы и 92291 пчелосемью. Гитлеровцы разграбили у граждан 28825 голов крупного рогатого скота, 52610 овец и коз, 646020 штук домашней птицы; уничтожили 38780 жилых зданий и надворных построек.

Гитлеровские захватчики уничтожили и вывезли из Воронежской области в Германию 130809 сельскохозяйственных машин, 10650 шт. разного сельскохозяйственного инвентаря, разрушили 43840 строений

хозяйственного значения, в том числе 2008 промышленнопроизводственных зданий, 8414 жилых домов, 8641 животноводческую постройку[1]).

Немецко-фашистские захватчики сожгли и уничтожили 1382 школы, 580 клубов, театров, музеев, 24 библиотеки, 298 больниц.

В городе Воронеже немецкие войска уничтожили лучшие общественные здания, разрушили заводы, фабрики и почти весь жилищно-коммунальный фонд.

Общий объем ущерба, нанесенного оккупантами Воронежской области, определен в сумме 15283 тыс. рублей[2]).

Государственная Чрезвычайная комиссия определила стоимость ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками городу Воронежу в сумме 3 миллиардов 374 миллионов рублей[3]).

«Когда немцам пришлось уйти из Воронежа, — писал секретарь Воронежского обкома ВКП(б) тов. Тищенко,—обер-брехун Геббельс цинично хвастал, что большевикам потребуется не менее ста лет для восстановления этого города и хозяйства области. Через сто дней воронежские большевики, колхозники, рабочие, служащие — все советские люди, вернувшиеся в свои родные места, оживили мертвые города и села»[4]).

Это оказалось возможным сделать благодаря огромной помощи Советского государства и всенародной, братской поддержке советского народа.

Одно из преимуществ советской социалистической экономики ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны — это начало восстановления народного хозяйства в районах, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков еще в ходе войны. История войн и государств не знала подобных примеров. Это оказалось под силу только Советскому социалистическому государству, поставившему на очередь дня такую большую и неотложную задачу, как восстановление разрушенных врагом городов и сел, промышленности и транспорта, сельского хозяйства и культурных учреждений, в обстановке все еще продолжающейся войны.

21 августа 1943 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) вынесли постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Это историческое постановление Коммунистической партии и правительства обеспечивало районам, освобожденным от немецких захватчиков, широкую государственную помощь. О размерах этой помощи можно составить представление, если рассмотреть только для примера помощь, оказанную Воронежской области. В целях быстрейшего восстановления хозяйства и оказания помощи населению районов, освобожденных от немецкой оккупации, СНК Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановили возвратить колхозам скот, эвакуированный в восточные районы. В частности, в Воронежскую область из Тамбовской, Саратовской, Сталинградской областей и Казахской ССР должно быть возвращено более 9 тысяч голов крупного рогатого скота, более 20 тысяч овец и коз, около 4 тысяч лошадей. Постановление указывало на необходимость выделить из резервного фонда Совнаркома СССР средства на расходы, связанные с перегоном эвакуированного скота, а также отвести участки для порубки леса на строительство животноводческих построек из лесов местного значения, водоохранной зоны и государственных фондов. Пар-

[1]) «Воронежская область в Великой Отечественной войне», Воронеж, 1948, стр. 163.
[2]) Там же, стр. 164.
[3]) Там же, стр. 239.
[4]) «Правда» от 21 августа 1944 г.

тия и правительство оказали большие льготы колхозам, колхозникам и единоличникам по поставкам сельскохозяйственных продуктов государству, помогли колхозам и совхозам семенами для озимого сева 1943 года. Были приняты меры к восстановлению машинно-тракторных станций и мастерских. Так, в Воронежскую область было решено возвратить из Саратовской области две МТС с тракторным парком, оборудованием и кадрами, завезти 1000 конных плугов, 150 сенокосилок, 150 жаток и 350 сортировок, снабдить МТС запасными частями и дефицитными деталями[5]). Отгрузку автобензина в освобожденные районы требовалось производить наравне с отгрузками для Наркомата обороны.

В постановлении говорилось: «Считать неотложной задачей партийных и советских организаций Курской, Орловской, Воронежской, Калининской, Сталинградской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев — восстановление и постройку новых жилых домов из местных строительных материалов в селах, городах и рабочих поселках, освобожденных от немецкой оккупации, с тем, чтобы обеспечить размещение в пригодных для жилья помещениях колхозников, рабочих и служащих, проживающих в настоящее время в землянках и разрушенных домах» [6]).

Таково основное содержание постановления от 21 августа 1943 года, послужившего на ряд лет программой работы по восстановлению разрушенного немецко-фашистскими захватчиками хозяйства в освобожденных районах нашей Родины.

Решение о немедленном восстановлении хозяйства было сразу же подхвачено всем советским народом, принявшим активное участие в этом патриотическом деле. Не остались в стороне и трудящиеся Новосибирской области. 14 июня 1943 года в газете «Советская Сибирь» было опубликовано постановление исполнительного комитета Новосибирского областного Совета депутатов трудящихся и бюро Новосибирского обкома ВКП(б), в котором говорилось:

«Идя навстречу пожеланиям колхозников, колхозниц, рабочих, служащих и всех трудящихся Новосибирской области об оказании помощи населению районов, освобожденных от немецких оккупантов, в восстановлении сельского и городского хозяйства, облисполком и бюро обкома ВКП(б) постановляют:

1. Организовать шефство Новосибирской области над Воронежской областью, города Новосибирска над городом Воронежем...

Это шефство должно быть длительным — до полного восстановления разрушенного немецкими оккупантами хозяйства городских и сельских районов Воронежской области»[7]).

Этим постановлением предлагалось горкомам, райкомам партии, руководителям учреждений в ближайшие дни определить конкретные меры помощи подшефным городским и сельским районам Воронежской области, подчеркивалось, что это дело неотложное, дело всех трудящихся Новосибирской области.

Облисполком и обком ВКП(б) выражали твердую уверенность, что колхозники и колхозницы, рабочие и служащие, учащиеся области, обсудив на своих собраниях вопрос о шефстве над Воронежской областью, «по-братски окажут помощь населению районов, пострадавших от немецких оккупантов, и организуют дело так, чтобы эта

---

[5]) «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7, стр. 997.

[6]) Там же, стр. 1004.

[7]) «Советская Сибирь», № 146 от 14 июня 1943 г.

помощь как можно скорее пошла в подшефные районы Воронежской области»[8]).

Через день это постановление горячо одобрила VII сессия областного Совета депутатов трудящихся. На сессии выступала с призывом организовать скорейшую помощь Воронежу и области т. Веремеева (член делегации воронежцев). Она рассказала об огромных разрушениях, о нуждах ее сограждан и свою речь закончила словами: «Мы надеемся на вашу помощь, товарищи новосибирцы».

Председатель сельхозартели «Путь Сталина» М. И. Костригина сказала: «Богата наша область. Мы всем можем помочь воронежским товарищам. Колхозники нашего колхоза смогут выделить для воронежцев пару лошадей с упряжью, двух дойных коров, быка-производителя, десять овец, пять телят, пять подсвинок, два барана, 300 пудов хлеба, три тонны картофеля, два плуга, жатку, сенокосилку, посеять 20 гектаров ржи»[9]).

Другие депутаты в своих речах также поддержали решение о шефстве над Воронежской областью.

Вопрос об участии в оказании помощи городским и сельским районам Воронежской области обсуждался на заседании бюро Томского горкома ВКП(б) 19 июля 1943 года. В решении бюро записано: «Придавая исключительное значение делу восстановления разрушенных немецкими оккупантами городских и сельских районов Воронежской области и учитывая желание рабочих и служащих г. Томска принять участие в его восстановлении, как фактора, способствующего быстрейшему разгрому немецких оккупантов, бюро горкома ВКП(б) постановляет:

1. Для организации и оперативного руководства работой по оказанию систематической помощи городским и сельским районам Воронежской области... создать городскую комиссию»[10]).

Бюро горкома партии решило создать при райкомах ВКП(б) районные комиссии, а в каждой организации свои комиссии из 3-х человек. В постановлении указывалось, что на основе массово-разъяснительной работы все комиссии к 1 августа должны организовать и направить не менее 25 вагонов материалов и оборудования, необходимого для восстановления пострадавших от немецких оккупантов районов. Отделу агитации и пропаганды горкома партии было предложено провести работу, чтобы обеспечить участие большинства населения Томска в восстановлении Воронежа и его районов, шире освещать вопросы шефства по радио и в печати.

28 июля 1943 года газета «Красное Знамя» в статье «В помощь воронежцам» сообщала, что в Томске развернулось массовое движение трудящихся по оказанию помощи городу Воронежу. Так, в Вокзальном районе коллективы фабрики «Сибирь», подшипникового завода, махорочной фабрики, мукомольных заводов, фанерно-карандашного комбината и еще одного завода послали трудящимся Воронежа несколько вагонов пиломатериалов, круглого леса, шпал, махорки, спичек и электрооборудования. Кирпичный завод отправил 2 вагона кирпича, электроламповый — 10 тысяч электроламп. Один из крупных заводов Кировского района послал воронежцам различного оборудования на 200 тысяч рублей. Так поступали и другие предприятия.

Вскоре в Томск прибыла делегация трудящихся г. Воронежа. Ее представители побывали на многих предприятиях города. В цехе фрезеров на заводе режущих инструментов был проведен митинг.

---

[8]) «Советская Сибирь», № 146 от 14 июля 1943 г.
[9]) Там же, № 147 от 16 июля 1943 г.
[10]) Томский областной партийный архив, ф. 80, оп. 2, д. 463, лл. 20—21.

И когда делегаты рассказали о чудовищных злодеяниях гитлеровских войск в период оккупации Воронежа, коллектив завода режущих инструментов решил еще больше усилить свою помощь Воронежу.

Представители Воронежа выступили также на митинге коллектива подшипникового завода. Сотни людей с напряженным вниманием слушали волнующий рассказ т. Суконникова — члена делегации о жизни воронежцев, о их героической работе по восстановлению родного города. Когда он говорил о зверствах, чинимых немецкими оккупантами, у многих на глазах выступали слезы, а пальцы сжимались в кулаки. Пожилая работница-стахановка М. С. Кудиярова в своем выступлении на митинге заявила: «Мы поможем трудящимся Воронежа быстрее восстановить их родной город и залечить раны, нанесенные гитлеровскими извергами. Будем работать с удвоенной энергией, чтобы быстрее наступил час расплаты для немецко-фашистских мерзавцев за все их злодеяния»[11]).

31 июля 1943 года было опубликовано обращение XXII сессии Томского городского Совета депутатов трудящихся ко всем томичам.

«Трудящиеся Томска!

К нам в Томск приехали дорогие гости — делегаты гор. Воронежа, освобожденного Красной Армией от немецко-фашистских захватчиков... В Томске начался сбор оборудования, различных инструментов, материалов для освобожденного Воронежа. 20 вагонов с различными материалами и оборудованием уже стоят на железнодорожных путях. Это — начало нашей братской помощи воронежцам. Чтобы быстрее вступали в строй их индустриальные очаги... усилим нашу помощь воронежцам! Да здравствует братская дружба народов Советского Союза!»[12]).

Коллектив завода режущих инструментов послал трудящимся Воронежа 10 тысяч сверл, тысячу метчиков, тысячу килограммов стали, сто — свинца и много другого различного оборудования; электромеханический — вагон инструментов и предметов домашнего обихода. Количество отправляемых вещей росло с каждым днем.

Активное участие в шефстве над сельскими районами области принимали труженики сел Новосибирской области. За первые 15 дней шефства 30 сельских районов области выделили в фонд помощи Воронежской области 817 лошадей, 3603 головы крупного рогатого скота, 6907 овец, 2490 свиней, а всего 15300 голов скота. Поступило много сельскохозяйственных машин и инвентаря: 205 сеялок, 103 жатки, 150 сенокосилок, 109 конных граблей, 1242 бороны, 1174 плуга, 239 комплектов сбруи и т. д. Колхозники области сверх плана в фонд помощи освобожденным районам засеяли 5300 гектаров[13]). Первые десятки вагонов отправили в Воронежскую область трудящиеся Тогучинского, Искитимского и Черепановского районов.

Готовили к отправке эшелоны по 30—50 вагонов и колхозники Купинского, Чистоозерного, Барабинского районов. Первый эшелон провожали в Воронеж жители Новосибирска торжественно. На вокзале был митинг трудящихся, выступали и члены делегации от Воронежа. Секретарю Воронежского обкома ВКП(б) тов. Тищенко была направлена телеграмма:

«Четвертого августа, в 14 часов по московскому времени, первый эшелон в количестве 75 вагонов, груженый лесом и пиломатериалами,

---

[11]) «Красное Знамя», № 153 от 30 июля 1943 г.
[12]) Там же, № 154 от 31 июля 1943 г.
[13]) «Советская Сибирь», № 158 от 31 июля 1943 г.

цементом, станками, оборудованием, лошадьми, сельхозинвентарем и другими материальными ценностями, отправлен в город Воронеж.

Этим же эшелоном выехала к вам делегация трудящихся Новосибирской области в составе 20 человек... Эшелон ведет знатный машинист страны, лауреат Сталинской премии товарищ Лунин. Вслед за этим эшелоном в течение августа в вашу область и город Воронеж будет отправлено еще двадцать эшелонов.

Передайте трудящимся города Воронежа и Воронежской области наш сердечный братский привет.

Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Кулагин»[14]).

Новосибирский горком ВКП(б) и исполком городского Совета депутатов трудящихся послали письмо трудящимся Воронежа, в котором писали:

«Дорогие товарищи!

Мы гордились вами, когда в освобожденном Воронеже вы по кирпичику стали восстанавливать свое хозяйство, разрушенное гитлеровскими бандами.

Первомайский и [другие] районы г. Новосибирска отправили вам значительное количество паровозного, вагонного и стрелочного оборудования, а также оборудование для молочного и маслозаводов и много других материалов.

Трудящиеся Кировского района отправили в Воронеж 25 вагонов, в которых погружен лес, пиломатериалы, металл, стройматериалы, оборудование лечебных и школьных учреждений. Дзержинский район послал 17 вагонов с лесом, станками, железом, проволокой.

Пожелаем вам успеха в работе, дорогие товарищи воронежцы!

Да здравствует нерушимая дружба народов нашей страны!

Новосибирский горком ВКП(б)
Исполком Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся»[15]).

Все шире развертывалось в Новосибирске и Томске шефство отдельных предприятий над родственными предприятиями Воронежа и посылка им шефских подарков. Так, горпищеторг Новосибирска предоставил оборудование для трех воронежских магазинов, трест столовых—оборудование для столовой на тысячу мест. Медицинские работники Томска решили взять шефство над медицинскими учреждениями Воронежа. В обращении городского совещания медиков ко всем медицинским работникам Томска говорилось: «Дадим воронежцам медицинское оборудование, инструменты, медикаменты, посуду, мебель, одежду—все, что можно выделить из медучреждений и личного обихода»[16]). И действительно: мединститут выделил аппаратуру для лабораторий, медицинскую литературу, 8 новых микроскопов и комплект оборудования для амбулатории; коллектив детского тубсанатория отправил ковры, скатерти, драпировки и разную мебель для оборудования санаторной комнаты отдыха; бактериологический институт — большую партию лекарственных препаратов.

По инициативе Томского горкома партии парторганизации отдельных заводов взяли шефство над отдельными предприятиями Воронежа. Так, Томский инструментальный завод — над Воронежским газогене-

---

[14]) «Воронежская область в Великой Отечественной войне», Воронеж, 1948, стр. 201.
[15]) Там же, стр. 202—203.
стр. 202—203.
[16]) «Красное знамя», № 190 от 18 сентября 1943 г.

раторным, Томский подшипниковый завод — над мастерскими автоуправления, Военстрой—над воронежским горстройтрестом[17]).

Это шефство распространилось и на другие заводы города. Шефы оказали большую помощь воронежским предприятиям. Один только инструментальный завод, послав в сентябре большую партию инструментов, в декабре дополнительно послал несколько тысяч весьма ценных инструментов для МТС и заводов города. Завод «Республика» и база автотракторосбыта послали для своих воронежских коллег большое количество запасных частей к сельскохозяйственным машинам. И эти примеры можно было продолжить. Подводя итоги первых месяцев работы по организации шефства над Воронежем, председатель городской комиссии по оказанию помощи Воронежу, секретарь горкома партии А. И. Тирпунов писал:

«На долю томичей выпала великая честь — они полностью взяли на себя шефство над областным центром, старинным русским городом Воронежем. Лозунг воронежцев «Мы восстановим тебя, родной Воронеж!» стал лозунгом и трудящихся Томска. В августе томичи отправили 29 вагонов.

Наша помощь не должна ограничиваться эпизодической отправкой посылок. Воронежу надо обеспечить широкую постоянную помощь до полного его восстановления и расцвета. Родина не забудет патриотических дел трудящихся Томска по восстановлению Воронежа»[18]).

В сентябре трудящиеся Томска получили письмо из Воронежа, в котором Воронежский горком ВКП(б) и исполком горсовета передавали организациям и трудящимся г. Томска искреннюю и горячую благодарность за первую шефскую посылку материалов, необходимых для восстановления города. «...Но размеры наших потерь слишком велики. Вот почему горком и горисполком обращаются к вам с просьбой — усилить помощь Воронежу.

Секретарь Воронежского горкома ВКП(б)
Сохин.
Председатель исполкома Мирошниченко»[19]).

В связи с этим, чтобы мобилизовать, прежде всего, партийные массы и всех трудящихся на усиление помощи Воронежу, Томский горком ВКП(б) провел 15 сентября 1943 года объединенное заседание с горисполкомом, где подробно рассматривался вопрос «О дополнительных мерах по оказанию помощи г. Воронежу»[20]).

Было отмечено, что, хотя трудящиеся Томска и проделали уже большую работу по оказанию социалистической помощи в восстановлении г. Воронежа, есть в этой работе и недостатки.

Помощь могла быть значительно большей, если бы все коллективы, учреждения и учебные заведения города приняли в ней участие и если бы в значительно большем количестве были привлечены индивидуальные вклады томичей вещами личного обихода.

В ответ на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации» совещание кадровых рабочих промышленных предприятий города решило организовать посылку октябрьских подарков трудящимся Воронежа: материалов, инструмента, оборудования, изготовленного своим трудом в сверхурочное время, а также вещей личного обихода.

---

[17]) Томский областной партийный архив. ф. 80, оп. 2, д. 465, л. 62.
[18]) «Красное Знамя», № 190 от 18 сентября 1943 г.
[19]) Там же.
[20]) Томский областной партийный архив, ф. 80, оп. 2, д. 465, лл. 2—3.

Объединенное заседание горкома и горисполкома 15 сентября 1943 г. постановило:

«1) Одобрить инициативу совещания кадровых рабочих.

2) Направить в Воронеж до 1 ноября 1943 года 100 вагонов с подарками (Кировский район — 40 вагонов, Вокзальный — 40 вагонов, Куйбышевский — 20 вагонов)»[21]).

Призыв об усиленной помощи Воронежу нашел живейший отклик среди населения Томска. Так, трудящиеся Кировского района Томска положили начало своему октябрьскому подарку воронежцам отправкой первых 10 вагонов с разным оборудованием и материалами.

Электромеханический завод послал вагон лесоматериалов и вагон разного оборудования, кроме того, рабочие и служащие собрали и отправили воронежцам вещи, одежду, обувь и другие предметы домашнего обихода[22]).

Вагон овощей в адрес воронежцев отправили коллективы пригородного хозяйства треста столовых и бактериологического института.

Городская центральная библиотека собрала для Воронежской области 20 тысяч книг.

Томичи отправили в Воронеж лучшую агитационно-художественную бригаду артели «Художественный труд», которая с успехом провела там ряд концертов и, кроме того, принимала активное участие в восстановлении города. Отдел по делам искусств исполкома Воронежского областного Совета депутатов трудящихся вынес благодарность агитбригаде артели «Художественный труд» (руководитель Ф. И. Кулешова) за большой творческий труд, мастерство и полезную работу, проведенную бригадой среди населения Воронежской области[23]).

Усиливали свою помощь Воронежской области рабочие, служащие Новосибирска, колхозники Новосибирской области. В течение августа 1943 года было отправлено в Воронежскую область свыше 500 вагонов с различным грузом. Впереди других городских районов Новосибирска шел Кировский район, который отправил 90 вагонов. Тогучинский район отправил 59 вагонов и готовил еще 100.

200 тонн угля выделил в помощь воронежцам коллектив шахтеров Завьяловской шахты. Колхозники Барабинского района отправили 65 вагонов, вместе с сельскохозяйственными грузами они послали оборудование для кузниц, библиотеку для парткабинета, аптечки для детских домов. Всего сельскохозяйственные районы выделили на начало сентября более тысячи лошадей, более четырех с половиной тысяч голов крупного рогатого скота, 14 тысяч овец, более четырех тысяч свиней, сотни косилок, сеялок, плугов, борон и т. д. Многие из колхозников завязывали тесную связь со своими подшефными колхозами Воронежской области. Колхозники сельскохозяйственных артелей «Пролетарский труд», «Воля» и «Заветы Ильича» Мошковского района, выделив для подшефного колхоза лучших лошадей и сельхозинвентарь, в своем письме писали:

«Дорогие товарищи!

Шлем Вам из далекой Сибири братский привет и первый вклад в фонд помощи для восстановления разрушенного немецкими бандитами хозяйства. Пишите нам, дорогие друзья, в чем вы особенно нуждаетесь. Мы ничего не пожалеем, чтобы вам помочь»[24]).

---

[21]) Томский областной партийный архив, ф. 80, оп. 2, д. 465, л. 3.

[22]) «Красное Знамя», № 193 от 22 сентября 1943 г.

[23]) Там же, № 236 от 21 ноября 1943 г.

[24]) «Советская Сибирь», № 182 от 3 сентября 1943 г.

В ответ из Воронежской области шли письма, наполненные словами глубокой благодарности. Трудящиеся Коротоякского района Воронежской области писали колхозникам Черепановского и Тогучинского районов Новосибирской области:

«Мы, колхозники и колхозницы Коротоякского района Воронежской области, освобожденного от немецко-фашистских захватчиков, шлем вам, нашим шефам, пламенный колхозный привет и выражаем сердечную благодарность за оказываемую вами колхозам и колхозникам нашего района помощь.

Мы принимаем вашу помощь с большой радостью, с большой гордостью, за вас, наших друзей, протягивающих нам из далекой советской Сибири руку братской помощи. Родное вам колхозное спасибо, дорогие товарищи, за вашу братскую помощь!»[25]).

Неоднократно Новосибирская и Воронежская области посылали друг другу делегации, которые знакомились с жизнью, выясняли нужды подшефного района, воронежцы рассказывали о ходе восстановительных работ, о том, насколько реальна и значительна для них помощь сибиряков.

В письме трудящихся Воронежской области, которое подписали 240 тысяч человек, было сказано: «Большую и реальную помощь ощущаем мы со стороны вас, товарищи новосибирцы! Прибытие каждого эшелона — праздник для нас... Ваша помощь позволит нам быстрее восстановить города, села, предприятия и колхозы, позволит еще быстрее увеличить нашу помощь фронту. За крепкую прочную дружбу, товарищи новосибирцы!»[26]).

Партийные организации, выступая инициаторами всенародной помощи освобожденным районам, были ведущей и мобилизующей силой этого высокопатриотического начинания.

Чтобы сделать помощь Воронежу еще более эффективной и привлечь к участию в ней большинство томичей, Томский горком ВКП(б) 1 декабря 1943 г. на заседании бюро рассмотрел вопрос «О проведении декадника помощи г. Воронежу», который решено было организовать с 1 по 10 декабря 1943 года. Партийные организации должны были добиться, чтобы помощь в дни декадника была наиболее эффективной, чтобы значительно усилили свою работу комиссии по сбору материала и вещей для Воронежа. К 10 декабря Кировский район должен был отгрузить не менее 5 вагонов, Куйбышевский — 3 вагонов и Вокзальный — 7 вагонов. Секретари партийных организаций провели собрания рабочих и служащих, где обсуждался вопрос о необходимости полностью ликвидировать последствия хозяйничания немцев в районах, освобожденных от немецкой оккупации, мобилизовать рабочих и служащих на оказание действенной помощи Воронежу[27]).

Среди населения был организован сбор денежных средств в фонд помощи по восстановлению хозяйств в районах, освобожденных от немецкой оккупации[28]).

В дни декадника усиленной помощи Воронежу на предприятиях и заводах Томска выступали перед рабочими и служащими члены делегации воронежцев.

На инструментальном заводе выступал руководитель делегации Б. М. Харин. Он сказал: «Мы приехали вас поблагодарить за ока-

---

[25]) «Воронежская область в Великой Отечественной войне», Воронеж, 1948 стр. 204.

[26]) «Советская Сибирь», № 218 от 23 октября 1943 г.

[27]) Томский областной партийный архив, ф. 80, оп. 2, д. 465, л. 62.

[28]) Там же.

занную уже нам большую помощь, поделиться с вами о наших нуждах и просить вас оказать нам возможную и всемерную помощь для дальнейшего восстановления города». Начальники цехов и рабочие обещали в течение двух дней подготовить максимальное количество инструмента: сверл, метчиков, разверток сверх плана, чтобы помочь воронежцам в восстановлении тракторного парка.

Член делегации тов. Мешков посетил электромоторный и электромеханический заводы. Директор электромоторного завода от имени коллектива обещал подготовить к отправке 15 электромоторов, вагон лесоматериалов, вагон металлоотходов. Коллектив электромеханического завода готовил к отправке 2 вагона с разным оборудованием, режущим инструментом, металлом и 1 вагон лесоматериалов[29]).

В эти же дни было подготовлено к отправке 23 вагона с железом, резинотехническими изделиями, манометрами, проводом, осветительными и автомобильными лампами и т. д.[30]).

И в последующие дни 1943 года и месяцы 1944 года томичи продолжали оказывать большую помощь подшефной Воронежской области. Всего за время шефства они отправили туда 123 вагона с оборудованием, строительными материалами, инструментами, предметами широкого потребления[31]).

Новосибирцы за время шефства отправили воронежцам 1549 вагонов различных грузов, больше 16 тыс. голов скота, в том числе было послано 170 вагонов строительных материалов, 124 станка, около 100 тыс. предметов домашнего обихода и одежды, много сельскохозяйственного инвентаря.

Таким образом, большая помощь Советского правительства, Центрального Комитета Коммунистической партии, всенародная помощь и поддержка трудящихся Новосибирской области и других областей позволили труженикам Воронежской области восстановить хозяйство, разрушенное захватчиками.

В приветственной телеграмме в день 1 Мая 1944 года они писали в Новосибирск: «Пятнадцать месяцев большой работы принесли свои плоды. Только в Воронеже восстановлено около 6200 домов. В городе работает 13 поликлиник, 18 больниц... Уже выпускают продукцию заводы: им. Тельмана, им. Калинина, швейные фабрики, мясокомбинат, маслозавод и др. Строится и скоро войдет в строй один из крупнейших в стране Липецкий тракторный завод. Дорогие товарищи сибиряки! Из приведенных данных вы можете убедиться, что ваша помощь воронежцам не пройдет даром. В день 1 Мая нам хочется от имени всех воронежцев еще раз поблагодарить вас. за братскую помощь и заверить, что все наши силы будут отданы на полное восстановление разрушенного разбойниками хозяйства, на помощь нашей родной Красной Армии.

Воронежский обком ВКП(б)
Воронежский облисполком»[32])

К концу 1945 г. в области работало уже 632 предприятия государственной промышленности и 339 предприятий кооперативной и местной промышленности.

Организация шефства в годы Великой Отечественной войны над освобожденными районами нашей Родины являлась ярким проявлением

---

[29]) «Красное Знамя», № 245 от 4 декабря 1943 г.
[30]) Там же, № 248 от 8 декабря 1943 г.
[31]) Томский областной партийный архив, ф. 80, оп. 2, д. 833, л. 4.
[32]) «Воронежская область в Великой Отечественной войне», Воронеж, 1948, стр. 208, 209.

нерушимой дружбы русских людей и всех народов СССР, ярким проявлением крепкого морально-политического единства нашего общества, солидарности и взаимной поддержки.

Организатором и вдохновителем всенародной помощи освобожденным от гитлеровских захватчиков районам был ЦК Коммунистической партии и его многочисленные отряды на местах.

Местные, областные, городские, районные комитеты партии и советские учреждения проявили много инициативы, настойчивости в осуществлении этой важной задачи, добились того, что движение помощи приняло всенародный характер, получило всеобщую поддержку.

Не сбылись расчеты гитлеровских заправил, сознательно и планомерно осуществлявших свою программу уничтожения советского народа, хотевших стереть с лица земли наши города и села.

Исключительная забота и внимание, огромная моральная и материальная поддержка, оказанная пострадавшим районам Коммунистической партией, всем советским народом, вдохновили трудящихся освобожденных районов на самоотверженный труд. Они не только восстановили хозяйство города и села, но и сделали их лучше, красивей, благоустроенней и вместе со всем советским народом осуществляют сейчас великую программу строительства коммунизма.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

К. В. ВОЛКОВ

В. И. ЛЕНИН ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ (ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ) ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс в своих трудах определили основные, принципиальные черты экономических отношений города и деревни при капитализме. В таких работах К. Маркса и Ф. Энгельса, как «Капитал», «Немецкая идеология», «К критике политической экономии», «Анти-Дюринг», показаны основы ведущего положения машинной индустрии в системе капиталистического производства, дана общая характеристика противоположности между городом и деревней.

На основании обобщения процессов дальнейшего развития капитализма, его закономерностей на монополистической стадии В. И. Ленин творчески развил и конкретизировал принципиальные положения К. Маркса и Ф. Энгельса о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства, города и деревни в условиях капитализма.

Вопрос об экономических связях между городом и деревней и их роли в развитии капиталистического способа производства является одним из основных вопросов, исследование которого находится в центре внимания В. И. Ленина уже в его первых экономических работах.

Для ленинского анализа основных черт сущности и роли экономических связей города и деревни характерна прежде всего последовательно материалистическая, научная постановка вопроса. Проблема экономических связей выступает в учении В. И. Ленина как часть общей проблемы развития капитализма, как одна из его наиболее характерных сторон.

В статье «По поводу так называемого вопроса о рынках» В. И. Ленин вскрыл корень ошибочных воззрений либеральных народников, отрывавших обмен от производства, и, следовательно, развитие экономических связей между городом и деревней от закономерностей развития капиталистического производства.

Подобно другим западноевропейским и русским мелкобуржуазным и буржуазным экономистам, либеральные народники, «...смотря на обмен как на какую-то случайность, а не как на известную с и с т е м у х о з я й с т в а»[1]), не могли понять, что процессы развития капитализма и расширения экономических связей между городом и деревней неотделимы друг от друга.

В задачу данной статьи входит анализ положений В. И. Ленина об основах развития экономических связей между городом и деревней при капитализме и той роли, которую они, со своей стороны, играют в капиталистической эволюции промышленности и сельского хозяйства.

---

[1]) В. И. Л е н и н, Соч., т. 1, стр. 75.

***

Исходным пунктом исследования В. И. Лениным процесса отделения промышленности от сельского хозяйства и развития связей между ними служит экономическая организация феодального общества в процессе превращения его в капиталистическое. Что означает господство натурального хозяйства с точки зрения взаимоотношений промышленности и сельского хозяйства и того места в системе общественного производства, которое занимает каждое из этих крупных сфер приложения человеческого труда?

В. И. Ленин показывает, что натуральное хозяйство означает, что промышленность и земледелие находятся в непосредственной связи друг с другом, соединены в одну замкнутую, самодавлеющую хозяйственную единицу.

«Население страны с слабо развитым (или вовсе неразвитым) товарным хозяйством,— отмечает В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»,— представляется почти исключительно земледельческим; этого однако не следует понимать так, что население занимается только земледелием: это означает лишь, что население, занятое земледелием, само обрабатывает продукты земледелия, что обмен и разделение труда почти отсутствуют»[2]). Такое непосредственное соединение промышленности с земледелием показывает, что промышленность как самостоятельная сфера общественного производства еще почти не выделилась. Процесс воспроизводства в крестьянских, а также помещичьих хозяйствах выступает в период зарождения капиталистического способа производства как процесс почти независимый от всего общественного производства в силу того, что основные промышленные продукты (ткани, обувь и т. д.), а также средства производства (сельскохозяйственный инвентарь, орудия, удобрения) производятся и воспроизводятся внутри хозяйства, самим крестьянином, основным занятием которого является земледелие.

Крестьяне и владельцы феодальных поместий вступают в сношения с городом по поводу продуктов труда городских ремесленников (предметы роскоши и т. д.), которые не могут революционизирующе воздействовать на способы ведения сельского хозяйства.

Отсюда следует очень важный вывод В. И. Ленина о том, что непосредственное соединение промышленности с сельским хозяйством неизбежно ведет к преобладанию сельского хозяйства над промышленностью, главенству первого. Результатом слабого отделения промышленности от земледелия является неразвитость форм промышленности, преобладание домашней промышленности и ремесла, основанных на примитивном техническом базисе.

Развитие товарного производства (и капитализма), общим основанием которых является процесс общественного разделения труда, ведет к тому, что «семейный», по выражению К. Маркса, союз земледелия и промышленности с младенчески неразвитыми формами обоих нарушается, и от сельского хозяйства один за другим отделяются различные виды и операции по обработке продуктов земледелия, образуя самостоятельные отрасли промышленности.

«Производство продуктов промышленности в виде товаров,— пишет В. И. Ленин,— кладет первое основание отделению промышленности от земледелия и взаимному обмену между ними»[3]).

---

[2]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 18.
[3]) Там же, стр. 288.

С другой стороны, рассматривая процесс становления капитализма в промышленности, В. И. Ленин ставит в зависимость развитие форм капиталистической промышленности от степени отделения промышленности от земледелия и развития связей между ними.

На примере развития русской промышленности в пореформенный период В. И. Ленин показал, что связь промышленных предприятий с землей, с занятием земледелием играет роль фактора, отрицательно влияющего на состояние промышленности и степень развития капиталистических отношений.

В статье «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности» В. И. Ленин под этим углом зрения анализирует данные по кустарной промышленности Пермской губернии. В. И. Ленин подчеркивает то обстоятельство, что у промышленников-земледельцев наблюдаются более отсталые формы промышленности (86% всех ремесленников являются в то же время земледельцами, сочетающими занятие земледелием с промышленным промыслом).

В. И. Ленин отмечает прямую связь процесса развития капиталистических отношений с процессом отделения промышленных предприятий от земледельческих и концентрацией промышленности в руках неземледельческого населения. В группе уездов с ничтожным развитием капитализма (всего 7,2% наемных рабочих и 2,7% кустарей, работающих на скупщиков, т. е. всего 9,9% зависимых кустарей) преобладают сельские ремесленники (77,7% всех кустарей), а все кустари-земледельцы составляли 93,4%. Напротив, в уездах с наибольшим развитием капитализма (26% наемных рабочих и 27,4% зависимых от скупщиков, а всего зависимых кустарей более половины — 53,4%) процент кустарей, занимающихся земледелием, понижается с 94,3 до 57,9%[4]).

В. И. Ленин неоднократно отмечает также, что связь с землей обусловливает преобладание мелкого производства, изнемогающего в борьбе с крупным. Положение мелких, «самостоятельных» кустарей, тесно связанных с землей, жалкое, производство технически примитивно и раздроблено.

Еще Ф. Энгельс в работе «Жилищный вопрос», говоря о широком распространении кустарной промышленности в Германии, отмечал факт приниженности их положения. В. И. Ленин показывает, что в России в еще большей степени, чем в Германии, «соединение промышленности с земледелием является условием не благосостояния кустаря, а напротив — еще большего угнетения. Будучи привязан к месту, он вынужден брать какую угодно цену и потому отдает капиталисту не только сверхстоимость, а и крупную часть заработной платы...»[5]).

Развитие экономических связей между городом и деревней ведет к вытеснению примитивной крестьянской промышленности и ремесла продуктами крупной капиталистической промышленности. В. И. Ленин установил, что величина и значимость домашних промыслов и ремесла находятся в обратной пропорции со степенью и широтой развития экономических сношений с городом. Именно в факте распространения в крестьянстве Вятской губернии употребления фабричных хлопчатобумажных тканей видит В. И. Ленин основную причину падения самопрялочного промысла и домашней окраски тканей.

В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» В. И. Ленин отмечает, что в кирпичном промысле Богородского уезда благодаря проведению железной дороги стали раз-

[4]) В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 335—338.
[5]) Там же, т. 1, стр. 298.

виваться капиталистические отношения. До проведения железной дороги главную роль играла семейная форма производства, уступающая затем место работе на скупщиков и эксплуатации наемного труда. «Можно заключить, след., что связь с земледелием задерживает более отсталые формы промышленности и, наоборот, что развитие капитализма в промышленности ведет к разрыву с земледелием»[6]),—таков общий вывод В. И. Ленина.

Историческое развитие капитализма в странах Западной Европы полностью подтверждает этот вывод В. И. Ленина. В таких странах, как Италия, Германия, где буржуазные революции не смели пережитки феодализма (как во Франции) и где, следовательно, подобно России, последние были живучи и задерживали свободное перемещение крестьян, замену феодальной собственности буржуазной и т. д., наблюдалось наибольшее развитие и сохранение мелкой крестьянской промышленности.

Это видно на примере развития текстильной промышленности в капиталистических странах.

Во Франции ручное прядение и ткачество, ручное производство кружев, изготовление шелковых тканей прекратилось уже к середине XIX века. Напротив, в Италии, особенно на юге страны (Калабрия), где дольше всего сохранялись феодальные отношения, низшие формы промышленности сохранились вплоть до XX века.

В 1870 г. число крестьян в Италии, занятых прядением волокна, было примерно 300 тысяч. В 90-е годы после создания Национальной льняной и пеньковой фабрики крупная промышленность начала занимать более твердые позиции, но все же вырабатывала только 12 тыс. ц пряжи, тогда как крестьяне вырабатывали 500 тыс. ц. Следовательно, в этой отрасли промышленности Италии вплоть до начала XX века преобладало домашнее производство и мануфактура, машинное же производство развивалось медленно.

Шелковая промышленность Италии также долго оставалась связанной с земледелием. Лишь к концу XIX века фабричная форма производства уже вполне утвердилась в области производства шелковых тканей и 2069 фабрик со 174 тыс. рабочих проделывали все стадии обработки шелка.

Положительное влияние более быстрого отделения промышленности от земледелия и развития правильного экономического обмена между ними видно на развитии шерстяной и хлопчатобумажной промышленности Италии. В 1893 г. 10267 станков шерстяной промышленности были механическими и сосредоточены на крупных фабриках, продукция которых намного превышала продукцию сельских промышленников. В крупной хлопчатобумажной промышленности к концу XIX века насчитывалось 2111 тыс. веретен и 60 тыс. механических станков, в то время как в деревне было всего 14267 ручных станков[7]).

Развивая положение о влиянии развития капитализма на отделение промышленности от земледелия в труде «Развитие капитализма в России», В. И. Ленин подчеркивал, что простое абстрактное объявление отделения промышленности от земледелия свойством «капитализма» вообще далеко не достаточно для научного исследования процесса образования экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством, городом и деревней. Поэтому В. И. Ленин рассматривает и анализирует различные формы отделения промышленности от сельско-

---

[6]) В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 336.

[7]) Э. Серени, Развитие капитализма в итальянской деревне, М., 1951 г., стр. 22—24.

го хозяйства и устанавливает взаимозависимость между степенью развития экономических связей между городом и деревней и стадиями развития капитализма в промышленности.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивает необходимость различения двусторонности процесса развития капитализма в промышленности. С одной стороны, это развитие выражается в развитии мелкого товарного производства, мелких крестьянских промыслов. Это начальный процесс становления капитализма. С другой стороны, дальнейший шаг в развитии капитализма ведет к стягиванию мелких товаропроизводителей в крупные промышленные центры на базе процесса их дифференциации на мелких хозяйчиков и наемных рабочих и поглощения мелких заведений, что ведет к победе высших форм капиталистической промышленности. В этом переходе к более развитым формам капиталистической промышленности важную роль играет развитие экономических сношений между промышленными и сельскохозяйственными районами и подчинение их торговому капиталу, представителем которого выступает скупщик. На первых стадиях развития капитализма характерно овладение капиталом прежде всего сферы экономических отношений промышленности и сельского хозяйства, именно, операций по закупке сельскохозяйственного сырья и сбыта готового продукта.

Это положение В. И. Ленина является дальнейшим развитием и конкретизацией общего положения К. Маркса о торговом капитале как историческом предшественнике и условии промышленного капитала—положения, развитого В. И. Лениным применительно к вопросу о характере экономических связей между городом и деревней на различных ступенях развития капитализма.

Переход к мануфактурной стадии обусловливается (как одним из факторов) развитием и расширением экономических связей промышленности с сельскохозяйственными районами. В. И. Ленин показывает на примере ряда промыслов России, что наличие местного сырья все более и более становится необязательным для существования промыслов, сырье доставляется из других, подчас удаленных районов, что означает разрыв узких рамок торговых отношений промышленности и земледелия, ограниченных ранее лишь данной местностью.

«Наличность сырья в данной местности,— отмечает В. И. Ленин,— отнюдь не обязательна для мануфактуры и вряд ли даже обычна для нее, ибо мануфактура предполагает уже довольно широкие торговые сношения»[8]).

Переход от мелкого товарного производства к капиталистической мануфактуре и крупной машинной индустрии начинается с выделения из крестьян-промышленников зажиточных, имеющих «сбережения» и употребляющих их как капитал, монополизирующих в своих руках сношения непосредственных производителей с городским потребителем и сельскохозяйственным производителем сырья.

В. И. Ленин отмечает, что для мелкого производства характерен узкий рынок, следовательно, мелкий и раздробленный сбыт.

В. И. Ленин установил ту закономерность, что необходимость торговых сношений с городом на базе развития товарного производства приходит в столкновение с мелким характером производства. Начальной стадией разрешения этого противоречия является концентрация экономических, торговых связей с городом в руках скупщиков, организующих оптовый, крупный сбыт готовых изделий и закупку сырья. Появление скупщиков является характерной чертой мануфактурной стадии капиталистической промышленности.

---

[8]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 378.

Процесс вырастания скупщиков из мелких товаропроизводителей, указывает В. И. Ленин, является ярким подтверждением существования неразрывной связи «между товарным производством и капиталистическим сбытом»[9]).

Ленинский анализ экономической роли скупщика в историческом развитии форм капиталистической промышленности имеет большое значение для понимания роли экономических связей между городом и деревней в развитии капиталистического производства.

Уже в статье «Кустарная перепись Пермской губернии» В. И. Ленин подчеркивает, что нельзя рассматривать скупщика как нечто стоящее вне производства, независимо от того, к каким результатам в производстве ведет господство капиталистического скупщика в области обмена. Уже в силу чисто экономических преимуществ крупного, массового сбыта над сбытом мелким и раздробленным скупщик становится по существу хозяином мелкого производителя, превращая владельца мелкой мастерской в наемного рабочего, который работает из сырья заказчика-скупщика. Продукт труда такого мелкого «самостоятельного» производителя уже не принадлежит ему.

Капиталистическая работа на дому, которая является одним из отличительных признаков мануфактуры, означает дальнейший шаг в обострении капиталистических противоречий. Если при мелком товарном производстве капиталистические отношения еще слабо выражены, то в мануфактуре противоположность между владельцем средств производства и наемным рабочим все более превращается в пропасть.

В то же время В. И. Ленин показывает, что капитал скупщика не является чисто торговым капиталом (не вкладываемым в производство). Скупщик имеет свои мастерские, которые затем превращаются в капиталистические фабрики, т. е. налицо тенденция превращения скупщика в фабриканта, торгового капитала — в торгово-промышленный. Это подтверждается, в частности, развитием чеботарных и других промыслов по обработке кож Пермской губернии, где предприниматели, организуя массовую закупку материала, часть операций по обработке кож производили на фабриках, а другие операции производились кустарями на дому. «Предприниматели определяют размер производства, размеры задельной платы, виды изготовляемых товаров и качество изделий каждого вида[10]), — пишет, оценивая экономическую роль скупщиков-фабрикантов, В. И. Ленин.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин отмечает, что именно «скупщик» был непосредственным предшественником, отцом крупного фабриканта, ведущего крупное машинное производство.

Мануфактура знаменует собой крупный шаг в отделении промышленности от земледелия. В отличие от мелкого товарного производства при мануфактуре промышленность переходит из рук крестьянина в руки скупщика, сосредоточившего у себя средства производства и капитал, и «мастерового», работающего на скупщика.

Исследуя мануфактурную форму промышленности России пореформенного периода, В. И. Ленин заключает, что в России, так же как в странах Западной Европы, при мануфактуре образуется особый тип торгово-промышленного населения, сосредоточиваемого либо в городах, либо в торгово-промышленных селах.

Однако полного отделения промышленности от земледелия мануфактура произвести не может.

---

[9]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 318.
[10]) Там же, Соч., т. 2, стр. 395.

Непосредственная связь и зависимость от земледелия агентов мануфактурного промышленного производства—одно из существеннейших условий и оснований его. Вокруг неземледельческих центров сосредоточивается целая группа земледельческих деревень и сел, население которых так же занимается промыслами.

Именно эти две типичные черты — образование неземледельческих центров, с одной стороны, и наличие огромной массы оседлых наемных рабочих, прикрепленных и связанных с землей, с другой,—характеризуют экономические связи города и деревни, как особую ступень, свойственную мануфактурной стадии капиталистической эволюции.

Этот особый, переходный характер экономических связей является выражением и одним из глубоких оснований наиболее варварских, грубых приемов эксплуатации, ведет к процветанию кабалы и всяких форм личной зависимости.

Прикрепление к земле, большая степень зависимости от земледелия, «оседлость» обусловливают возможность громадного понижения цен скупщиком. Приниженность положения рабочих на дому видна на примере сундучного промысла, который является типичным примером капиталистической мануфактуры. Данные по этому промыслу показывают, что заработок рабочих в сборных мастерских выше дохода зависимых кустарей (100 руб. и 89 руб.), хотя последние, в свою очередь, эксплуатируют наемных рабочих, заработная плата которых вдвое ниже заработной платы наемных рабочих в крупных мастерских.

Одна из особенностей экономических связей промышленности (города) и сельского хозяйства (деревни) на низших стадиях развития промышленности состоит в том, что экономические отношения между городом и деревней в огромных размерах не совпадают с отношениями промышленности и сельского хозяйства в силу того, что промышленник еще остается земледельцем и отделение промышленности от земледелия не означает еще во всех случаях и в полной мере отделения промышленных предприятий от земледельческих и сосредоточение промышленности в городах.

Кроме того, поскольку городской скупщик монополизирует сбыт продуктов мелкого производителя сельской промышленности, который является лишь детальным рабочим, постольку продукт этого производителя выступает как продукт города.

Сосредоточение промышленности в крупных промышленных центрах происходит на стадии крупной машинной индустрии, в результате разорения мелких промышленников и стягивания их на крупные капиталистические фабрики.

«Полное отделение промышленности от земледелия производит только крупная машинная индустрия»[11]), — указывает В. И. Ленин.

Мануфактура является крупным шагом на пути преобразования техники. Однако это преобразование выражается главным образом в углублении разделения труда; примитивной же техники производства, характерной для мелкого товарного производства, мануфактура преобразовать не может. Поэтому техническим базисом мануфактуры остается ручная техника, примитивные способы производства.

Степень развития экономических связей промышленности с сельским хозяйством, свойственная мануфактуре, является одним из важных факторов, обусловливающих низкий уровень техники и господство примитивных способов и орудий производства, а именно: из того обстоятельства, что для мануфактуры свойственна домашняя система производства, следует, что технической основой мануфактуры является при-

[1]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 471.

митивная техника мелких промышленников, непосредственно вышедших из ремесленников и унаследовавших их ручную технику и способы и приемы работы. Кроме того, рутинную технику мануфактуры обусловливает тесная связь с землей и слабая подвижность населения.

В. И. Ленин показал, что низкий уровень развития техники, преобладание ручных орудий производства характерны для всех капиталистических стран на тех стадиях развития, когда производство находится в руках сельских промышленников, когда, следовательно, экономические связи между городом и деревней развиты недостаточно и продукты крупной капиталистической фабрики не могут вытеснить домашнее крестьянское производство с соответствующим ему уровнем техники.

В Италии, где долго сохранялось домашнее производство крестьян, еще в конце XIX века в ряде отраслей промышленности сохранилась ручная техника. В 1880 г. из 500 тыс. центнеров пряжи, которые в то время производились в Италии, за счет машинного труда было получено 100 тыс., а 400 тыс. — за счет ручного труда. Из 900 тыс. ц пеньки и льняного волокна только 85 тыс. обрабатывалось в 10 мастерских, остальное же сырье обрабатывалось на дому сотнями тысяч женщин, занимающихся этой работой в течение мертвого сезона в сельском хозяйстве. Аналогичную картину представлял процесс изготовления тканей. В мастерских насчитывалось 772 механических ткацких станка и 4852 ручных; в то же время число ручных станков у ткачей на дому превышало 70 тысяч.

Хотя мануфактура не может преобразовать технику промышленного производства, она создает условия, на базе которых технический переворот производит крупная машинная индустрия. Одним из проявлений преобразующего действия крупной машинной индустрии является полное отделение промышленности от земледелия. С другой стороны, отделение промышленности от земледелия создает условия для перехода промышленности из мануфактурной стадии на стадию машинной индустрии. Полное отделение промышленности от земледелия окончательно отрывает рабочих от земли и обеспечивает растущую промышленность рабочей силой. Кроме того, отделение промышленности от земледелия является одним из выражений специализации промышленного производства, как базы для бурного технического прогресса и совершенствования орудий производства.

На стадии крупной машинной индустрии происходит окончательное разрушение пережитков феодальных отношений, создаются условия для быстрого роста производительных сил.

***

Исследуя вопрос об экономических связях между городом и деревней и их характере при капитализме, В. И. Ленин полностью исходит из того обстоятельства, что результатом объективно совершающегося процесса отделения промышленности от земледелия и развития товарного производства является более быстрое овладение капиталом промышленности, более быстрое экономическое развитие города. Проникновение капиталистических производственных отношений и переворот во всей системе производства происходит в городе гораздо быстрее, решительнее и полнее, чем в деревне.

Капитализм сосредоточивает в городах крупную промышленность, банки, крупные капиталы, разрушает узкие рамки феодальных отношений, сковывающих развитие производительных сил.

«Города ... играют важнейшую экономическую роль при капитализме»[12]), — указывает В. И. Ленин. Непонимание необходимости первенствующего развития города, обусловленного всем ходом развития товарного производства и капитализма, и игнорирование закономерности сосредоточения центра экономической жизни в городах было одной из наиболее глубоких ошибок западноевропейских романтиков и русских народников.

В работе «К характеристике экономического романтизма» В. И. Ленин показывает, что жалобы народников на то, что рост промышленности и торговли обгоняет земледелие, свидетельствуют о полном непонимании ими сущности капиталистического хозяйства и результатов отделения промышленности от земледелия.

«Ведь рост капитализма,— пишет В. И. Ленин,— есть рост товарного хозяйства, то есть общественного разделения труда, отрывающего от земледелия один за другим вид обработки сырья, первоначально связанной с добыванием сырья, обработкой и потреблением его в одно натуральное хозяйство. Поэтому везде и всегда капитализм означает более быстрое развитие торговли и промышленности сравнительно с земледелием, более быстрый рост торгово-промышленного населения, больший вес и значение торговли и промышленности в общем строе общественного хозяйства. Иначе не может быть»[13]).

Деревня при капитализме отстает в своем развитии от капиталистического города во всех отношениях, особенно и в первую очередь она отстает в экономическом отношении. В деревне наиболее цепки, живучи и долговечны традиции старого патриархального строя, пережитки феодальной системы хозяйства, рутинность и первобытность способов и приемов ведения хозяйства и т. д. В большей или меньшей степени это было присуще всем странам, особенно России, где противоречие между капиталистически развитым городом и феодально-отсталой деревней было особенно вопиющим.

Поэтому вопрос о судьбах и путях экономического развития сельского хозяйства при капитализме всегда находился в центре внимания В. И. Ленина и получил глубокое и всестороннее развитие и обоснование.

Учение В. И. Ленина о закономерностях развития сельского хозяйства при капитализме и о той роли, которую играют в этом развитии экономические связи между городом и деревней, выковывалось в борьбе с буржуазными идеологами, оппортунистами всех мастей, пытающимися ревизовать основы учения К. Маркса о капиталистической эволюции сельского хозяйства.

Стремясь выдать особенности и сложность капиталистического развития сельского хозяйства за отсутствие и невозможность процесса капиталистической эволюции сельского хозяйства вообще, ревизионисты типа Булгакова, Герца, Маслова, Чернова, Давида и др. пытались доказать, что законы капиталистического развития, открытые К. Марксом, неприменимы к сельскому хозяйству. Они доказывали, что на сельское хозяйство не распространяются законы концентрации капитала, вытеснения мелкого производства крупным, обострения классовой борьбы. Фальсифицируя и замалчивая факты, прямо подтверждающие обратное, они утверждали, что основной и решающей силой в сельском хозяйстве является мелкое некапиталистическое производство и т. д.

В. И. Ленин показал, что весь ход исторического развития сельского хозяйства всех капиталистических стран полностью подтверждает пра-

[12]) В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 33.
[13]) Там же, т. 2, стр. 188—189.

вильность положения марксизма о том, что в общей обстановке товарного производства, частной собственности на средства производства «эволюция сельского хозяйства, несмотря на всю ее запутанность и сложность, несмотря на все разнообразие ее видов, есть тоже капиталистическая эволюция, что она порождает тоже (как и эволюция промышленности) классовую борьбу пролетариата с буржуазией...»[14]).

Следовательно, хотя процесс отделения промышленности от земледелия ведет, прежде всего и в большей степени, к изменению всего строя городской жизни, в то же время этот процесс не может не оказывать влияния на строй сельского хозяйства. В. И. Ленин указывает, что общество представляет собой единую экономическую организацию и не может быть такого положения, чтобы одна часть общественного производства развивалась и шла по капиталистическому пути, а другая находилась в статичном состоянии или развивалась в направлении, отличном по своей сути от развития капиталистического города. Сельское хозяйство также не может оставаться прежним и идет вслед за городом по тому же пути капиталистического преобразования.

«Всегда и везде при капиталистическом развитии,— подчеркивает В. И. Ленин,— земледелие остается позади торговли и промышленности, всегда оно подчинено им и эксплуатируется ими, всегда оно лишь позднее втягивается ими на стезю капиталистического производства»[15]).

В. И. Ленин, следовательно, подчеркивает, что именно городу, промышленности принадлежит роль в преобразовании сельского хозяйства. Именно городская индустрия является тем активным фактором, который толкает сельское хозяйство на путь капитализма.

Исходя из этого, в работе «Развитие капитализма в сельском хозяйстве» В. И. Ленин показывает, что гвоздем правильной постановки и разрешения вопроса о взаимоотношениях города и деревни при капитализме является вопрос о том, как капитал овладевает и подчиняет себе сельское хозяйство, как и какими путями городской капитал проникает в сельскохозяйственное производство, преобразует его на капиталистический лад, разрушая старые формы производства и собственности, создавая необходимость новых общественных отношений и классов.

Ответом на этот вопрос служит ленинское учение об экономических связях между городом и деревней, в котором В. И. Ленин вскрывает и показывает все те пути и средства, через которые капитал опутывает сельское хозяйство. Тысячами нитей город подчиняет себе деревню. Посредством их он разрушает старые устои деревенской жизни, вытягивает деревню из рутины патриархальщины на арену широкой общественной жизни. Капитализм проникает в самые отдаленные деревенские захолустья, захватывая их в водоворот предпринимательства, вдыхая дух наживы и перенося «в деревню тот торгово-промышленный уклад жизни, который выработался сначала в неземледельческих центрах»[16]).

Вполне понятно поэтому, что в ленинском учении по аграрному вопросу проблеме экономических связей города с деревней принадлежит важнейшее место.

В. И. Ленин указывает, что именно факт игнорирования народниками развития экономических связей между городом и деревней, в частности, отвлечения земледельческого населения в города, вырывает у них почву для правильного понимания роли капиталистического города от-

---

[14]) В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 105.
[15]) Там же, Соч., т. 2, стр. 189.
[16]) Там же, Соч., т. 3, стр. 475.

носительно деревни. « В теориях гг. В. В. и Н.—она о внутреннем рынке,—с иронией отмечает В. И. Ленин в своем труде «Развитие капитализма в России», — опущена сущая мелочь: отвлечение населения от земледелия к промышленности и влияние этого факта на земледелие»[17]).

В. И. Ленин показывает, что причиной зарождения процесса, создающего капиталистический строй земледелия, является развитие торгового земледелия и превращение в товар не только продукта, но и рабочей силы.

Начальным процессом развития капитализма в сельском хозяйстве является постепенное разложение натурального крестьянского и помещичьего хозяйства и превращение его в торговое, т. е. в такое хозяйство, которое вступает в разнообразные связи со своим рынком: городом.

Процесс общественного разделения труда, специализация, ведя к отделению промышленности от земледелия, вызывает необходимость обмена продуктами между промышленностью и сельским хозяйством.

В конспекте лекции «Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и России» В. И. Ленин указывает на выделение промышленности и рост городов, как фактор, требующий установления экономических связей деревни с промышленностью и вызывающий превращение натуральных хозяйств в сельском хозяйстве в торговые. Отвечая на вопрос, как растет торговое земледелие, В. И. Ленин пишет: «Основным явлением этого процесса служит быстрый рост индустриального населения и вынос предметов производства на рынок. Значит, для широкого развития товарного земледелия необходимо развитие земледельческого населения»[18]).

Развитие торгового земледелия есть в то же время процесс создания экономических связей между городом и деревней.

При господстве частной собственности на средства производства обмен между городом и деревней необходимо принимает товарную форму. Промышленность, город служит рынком для продуктов сельскохозяйственного производства и, наоборот, сельское хозяйство выступает в качестве рынка для промышленности, потребляя продукты последней. При капитализме это превращение сельского хозяйства в отрасль общественного производства, производящую сельскохозяйственные продукты в форме товаров, достигает наибольшего развития, становится типичным и массовым явлением.

Развитие рыночных экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством означало установление между ними более высокой связи по сравнению со связью, существовавшей в рамках натурального хозяйства.

«Разве товарное хозяйство не есть уже связь между производителями, связь устанавливаемая рынком?»[19]),— пишет В. И. Ленин в работе «К характеристике экономического романтизма», выступая против воззрений либеральных народников, вслед за западноевропейскими романтиками, утверждавших, что развитие товарного производства и капитализма разрушает старые связи между производителями, не ставя на их место новые.

Рассматривая процесс развития товарного земледелия и капитализма, В. И. Ленин всегда подчеркивает необходимость учета особенностей этого процесса в сельском хозяйстве, протекающего в своеобразных формах сравнительно с формами аналогичных процессов в про-

---

[17]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 19.
[18]) Там же, Соч., т. 6, стр. 307.
[19]) Там же, Соч., т. 2 стр. 192.

мышленности. Одна из особенностей развития торгового земледелия состоит в том, что, становясь торговым, сельское хозяйство остается в то же время в значительной мере полунатуральным. Постепенное втягивание сельского хозяйства в товарный оборот означает смещение торгового и неторгового земледелия, соединение различных форм производства. На рынок выносится сначала один или несколько продуктов, среди которых выделяется главный рыночный продукт.

Из этой особенности развития торгового земледелия вытекает, что капитал овладевает прежде всего главным, рыночным продуктом, т. е. проникновение капитала в сельское хозяйство тем сильнее, чем больший торговый характер носит хозяйство, и это проникновение происходит именно путем регулирования производства того продукта, который вышел за пределы хозяйства и вступил в сферу рыночной связи, идущей от деревни к городу.

В. И. Ленин отмечает, что наиболее быстро и полнее втягиваются в торговые сношения с городом так называемые «промышленные» сельскохозяйственные культуры, как-то: лен, хлопок, табак и т. д., которые меньше всего по своей натуральной форме пригодны для потребления внутри производящего их хозяйства, учитывая, что домашняя обработка сельскохозяйственного сырья все более вытесняется фабричной.

Однако процесс превращения потребительского хозяйства в торговое неизбежен для всех видов сельскохозяйственного производства. Полемизируя с народниками, В. И. Ленин доказывает, что рыночная цена имеет значение не только для торгового хозяйства, но и для потребительского, заставляя его специализироваться и переходить к торговому земледелию.

Превращение продуктов сельского хозяйства в товары и облачение экономических связей между городом и деревней в товарно-денежную форму является объективным результатом развития общественного производства. Свойственная капитализму товарно-денежная форма экономических связей деревни с городом влечет глубочайшие последствия для сельскохозяйственного производства. Развитие торговых отношений с городом является одним из важнейших факторов, обусловливающих те изменения в общественном строе земледелия, которые происходят при капитализме.

Расширение торговой экономической связи, подчинение деревни требованиям городского рынка ведут к изменениям земельной собственности. На месте феодальных поземельных отношений складываются новые, буржуазные отношения земельной собственности. Развитие торговых сношений с городом ведет к концентрации земли, основного средства производства в сельском хозяйстве, в руках зажиточной деревенской верхушки.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин устанавливает прямую зависимость роста торговых посевов от развития экономических связей с городом, промышленными районами. Это обстоятельство подчеркивает, в частности, В. И. Ленин, рассматривая причины перемещения главного центра производства зерна в 1880-х годах из среднечерноземных губерний России в степные и нижневолжские, которые являлись колониями давно заселенной центральной России.

«Широкое развитие торговых посевов, — пишет В. И. Ленин,— было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний... с центральной Россией... Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого. Промыш-

ленные губернии получали с юга хлеб, сбывая туда продукты своих фабрик...»[20]). (Подчеркнуто мной — *К. В.*).

Мобилизация крестьянской земли буржуазией для ведения торгового земледелия во всех странах, хотя и с различной интенсивностью в зависимости от конкретных социально- исторических условий, происходила как в форме купли земли, так и в форме ее аренды.

Во Франции число фермеров, полностью арендующих землю, возросло с 1892 по 1929 г. с 585,6 тыс. до 728,1 тыс., число собственников, одновременно арендаторов — с 475,8 тыс. хозяйств до 1004,6 тыс.[21]). Из всего этого числа хозяйств, прибегающих к аренде, огромная масса является хозяйствами, арендующими землю из нужды, однако небольшое число крупных капиталистических арендаторов держат в своих руках большую часть арендной земли. Этот же процесс концентрации крестьянской земли буржуазией происходил по мере развития торгового земледелия и в Италии, за счет покупки неотчуждаемых земель (находившихся во владении государства, церкви, общин, которыми пользовались крестьяне). С 1868 по 1880 г. было продано 575 тыс. га неотчужденных земель, а всего к концу ликвидации церковного землевладения (1906 г.) 940 тыс. га. Подавляющее большинство этих земель попало в руки крупной и средней буржуазии. Например, в Сицилии в 1883 г. из 92462 га ранее неотчужденных земель 48088 оказались в руках крупных землевладельцев, 37551 га — в руках средней буржуазии и только 6823 га перешли в руки крестьян, но и они в конце концов оказались сосредоточенными у крупной буржуазии[22]).

Аналогичный процесс происходил в Германии. Крестьянская буржуазия прибирала к рукам не только частнособственнические, но и общинные земли, в результате чего с 1893 по 1925 г. общая площадь общинных земель сократилась на 27,3%, в том числе пастбищ — на 56,2%[23]).

В противоположность народническим утверждениям об «уравнительности» пользования землей русским крестьянством, В. И. Ленин показал, что и в России у зажиточного крестьянства концентрируется купчая и арендная земля. По трем уездам Нижегородской губернии у 9,6% зажиточных дворов, лучше обеспеченных, притом надельной землей, в то же время было сконцентрировано 46,2% купчей земли, тогда как у 2/3 дворов неимущего крестьянства — менее четверти всей купчей земли[24]).

С 1861 по 1892 год зажиточные крестьяне приобрели земли на 300 млн. руб. Значит, отмечает В. И. Ленин, каждый год в среднем крестьяне по всей России покупали себе земли в частную собственность на 10 млн. рублей[25]).

Концентрация земли у зажиточной буржуазии свидетельствует о том, что в их руках еще в большей степени сосредоточивается сельскохозяйственное производство, которое носит ярко выраженный торговый характер.

Аренда земли служит одной из форм выражения процесса отделения земли от землевладения и землевладельца, процесса, характеризующего развитие капиталистического способа производства в сельском хозяйстве.

---

[20]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 218—219.
[21]) А. Шнеерсон, Аграрный вопрос во Франции, стр. 38.
[22]) Э. Серени, Развитие капитализма в итальянской деревне, 1955, стр. 145.
[23]) Г. Котов, Аграрные отношения и земельная реформа в Германии, 1956, стр. 60.
[24]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 92.
[25]) Там же, Соч., т. 6, стр. 343.

Вызывая и обусловливая необходимость развития арендных отношений в сельском хозяйстве, экономические связи деревни с городом, тем самым, окольным путем ведут к вытеснению старых и утверждению новых, капиталистических отношений земельной собственности.

Если расширение торговых отношений деревни с городом приводит к указанному результату через развитие системы аренды, то экономическая связь между городом и деревней в конкретной форме ипотечного кредита непосредственно выражает процесс отделения сельского предпринимателя от земли.

Развитие экономических связей деревни с городом в форме ипотечного кредита является прямым выражением отделения земли от сельского предпринимателя, поскольку залог земли в целях получения дополнительного капитала означает продажу или залог земельной ренты, т. е. отделение рентополучателя от получателя предпринимательской прибыли. Таким образом, расширение товарно-денежных отношений между городом и деревней способствует образованию и развитию капиталистических производственных отношений, упрочению буржуазных форм собственности и методов ведения хозяйства.

В. И. Ленин указывает, что подчинение сельскохозяйственных производителей рынку является фактором, обусловливающим разорение мелких крестьян, выделение из среды крестьянства буржуазной верхушки. В. И. Ленин подчеркивает, что «...именно торговое земледелие является главным фактором разложения крестьянства»[26]).

Анализ развития капитализма в сельском хозяйстве и экономических связей между городом и деревней послужил основанием В. И. Ленину для вывода о том, что капитал проникает и преобразует сельское хозяйство на капиталистической основе, независимо от тех форм землевладения, которые являются преобладающими. В противовес народникам, стремившимся доказать невозможность капиталистического расслоения крестьянства России в конце XIX века, ввиду преобладания общинной формы землепользования, В. И. Ленин показал, что с развитием экономических связей деревни с городом в среде русского общинного крестьянства происходил тот же процесс расслоения и образования внутри общины новых типов крестьянства, свойственных капиталистическому строю.

Концентрация земли, торговых посевов в руках меньшинства зажиточных крестьян вызывает необходимость применения наемного труда, батраков, так как количество земли превышает возможность зажиточных крестьянских дворов обрабатывать ее силами собственной семьи.

Кроме того, с развитием торговой экономической связи деревни с городом крестьянское хозяйство теряет свою былую устойчивость. Сельскохозяйственное производство подчиняется в своем развитии уже не внутренним потребностям хозяйства, а требованиям рынка, с его постоянными колебаниями и изменениями.

Неизбежным следствием развития торговых сношений с городом является ожесточенная конкурентная борьба, борьба за свою хозяйственную самостоятельность, что приводит к разорению мелких хозяев.

С развитием экономических связей между городом и деревней тот же процесс капиталистического развития неумолимо разрушает феодальные помещичьи хозяйства. Для капиталистического преобразования барщинной системы хозяйства характерна постепенность этого процесса, сочетание старой системы хозяйства, отработков с капиталистической

---

[26]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 236.

системой, ведением хозяйства с применением наемной рабочей силы и усовершенствованных сельскохозяйственных машин.

В «Развитии капитализма в России» В. И. Ленин проследил основные стороны процесса превращения помещичьих хозяйств в хозяйства, постепенно переходящие к капиталистическим способам и системе ведения хозяйства.

По мере втягивания помещичьих хозяйств в торговые отношения с городом возникает необходимость в переходе от отработок к наемному труду и т. д. В. И. Ленин подчеркивает неудачу Энгельгардта в его попытке применить к новому (торговому) земледелию старую систему хозяйства—отработки.

Ленинская характеристика русской отработочной системы хозяйств полностью относилась и к другим капиталистическим странам с пережитками феодализма в земледелии. Аналогичный процесс постепенного перехода помещичьих хозяйств на капиталистическую основу происходил в Германии, Италии, Венгрии.

Одной из форм отработочной системы в Италии была так называемая система «баорип», при которой для ухода за скотом применялись постоянные рабочие, на сенокосе — сезонные рабочие, а на работах по выращиванию различных культур — испольщики.

Исходя из того положения, что капитализм является результатом широкого развития товарного обращения, В. И. Ленин показывает, что экономические связи между городом и деревней способствуют не только проникновению городского капитала в сельское хозяйство, но и образованию крупного денежного капитала в руках сельских торговцев и ростовщиков.

В. И. Ленин отмечает неизбежность проникновения капитала сельских богатеев из сферы обращения в сферу сельскохозяйственного производства. Он указывал, что если бы торговый капитал не обращался на производство, то крестьянство представляло бы из себя более или менее однородное целое, различия между группами которого ничем не проявлялись бы в производстве и сводились лишь к степени имущественного обеспечения, когда среди массы приниженных крестьян выделялась бы кучка ростовщиков и торговцев.

Проникновение торгового капитала в сельскохозяйственное производство происходит постепенно и степень самостоятельного развития торгового и ростовщического капитала обратно пропорциональна степени развития капиталистического производства. Самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала наиболее процветает в условиях узости рынка, слабого еще развития торговых отношений с городом. Поэтому расширение и развитие экономических связей между городом и деревней является тем фактором, который заставляет капитал деревенских ростовщиков и торговцев обращаться на производство.

Однако из ленинского анализа экономических связей между городом и деревней при капитализме, их характера и роли в становлении капиталистического способа производства в сельском хозяйстве следует, что простая констатация развития экономических связей между городом и деревней как рыночных связей далеко не достаточна для исследования этой проблемы.

Каковы основные черты экономических связей, как капиталистических по характеру, каково место развития экономических связей между городом и деревней в той исторически-прогрессивной роли, которую играет развитие капитализма и в порождаемых им глубочайших противоречиях; почему экономические связи являются одним из важ-

нейших факторов, порождающих превосходство крупного капиталистического производства над мелким в сельском хозяйстве?

На все эти и многие другие вопросы дает ответ ленинское учение о направлениях экономических связей между городом и деревней при капитализме. При определении направлений экономических связей между городом и деревней В. И. Ленин исходит из учения К. Маркса о воспроизводстве общественного капитала, разделении совокупного общественного продукта по натуральной форме на средства производства (потребляются производительно) и средства потребления (потребляются лично).

По мере общественного разделения труда и отделения промышленности от земледелия зависимость деревни от города возрастет в огромных размерах. Лишь часть, и все уменьшающаяся часть продукта в сельском хозяйстве может обращаться на производство непосредственно и потребляться внутри хозяйства или путем внутридеревенского обмена. Производство средств производства (их орудий и т. д.), изготовляемых раньше внутри хозяйства или сельским ремесленником, все более сосредоточивается в городской промышленности, потребление естественных удобрений дополняется и заменяется употреблением искусственных удобрений, производимых в отраслях химической промышленности, большую часть предметов питания, одежды, необходимых для сельского населения, также производит город, обрабатывая сельскохозяйственное сырье. Рыночная форма экономических связей указывает только, что результатом обмена между городом и деревней является возмещение сельскохозяйственного и промышленного продукта по стоимости. Деревня потребляет продукты города. При этом существенное значение имеет натуральная форма потребляемых продуктов. В. И. Ленин показывает, что развитие товарного производства и капитализма создает внутренний рынок, который неоднороден.

«Процесс этого создания внутреннего рынка идет с двух сторон,— указывает В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России»,—с одной стороны, средства производства, от которых «освобождается» мелкий производитель, превращаются в капитал в руках нового владельца, служат для производства товаров и, следовательно, сами превращаются в товар. Таким образом, даже простое воспроизведение этих средств производства требует теперь уже покупки их (раньше эти средства производства воспроизводились большей частью в натуральном виде и отчасти изготовлялись дома), т. е. предъявляет рынок на средства производства... С другой стороны, средства существования для этого мелкого производителя становятся вещественными элементами переменного капитала... Таким образом, эти средства существования превращаются теперь также в товар, т. е. создают внутренний рынок на предметы потребления»[27]).

Из ленинского деления рынка на рынок средств производства и рынок предметов потребления следует (поскольку рынок является господствующей формой осуществления экономических связей между городом и деревней при капитализме), что развитие экономических связей, выражающих обмен продуктов города и деревни, идет по двум направлениям: по линии предметов потребления (личного потребления) и по линии средств производства (производительного потребления). При этом существенным является указание В. И. Ленина о том, что потребление средств производства совершается обращением их на производство. Необходимость характеристики экономических связей

[27]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 46.

между городом и деревней не только со стороны формы, но и со стороны направлений, по которым идет их развитие, вызывается тем, что, будучи однородны по форме, они неоднородны по значению в процессе общественного производства и воспроизводства.

В. И. Ленин особенно подчеркивает безусловную необходимость различения личного и производительного потребления для научного анализа рыночных экономических связей между городом и деревней. В. И. Ленин отмечает в своей работе «К характеристике экономического романтизма», что смешение этих понятий, непонимание существенности различия личного и производительного потребления было одной из грубейших ошибок Сисмонди и русских народников. Вскрывая корни этой ошибки, В. И. Ленин указывал, что она основана на заимствовании народниками, вслед за Сисмонди, догмы А. Смита. «...Фермеры, — писал В. И. Ленин,—являются покупателями продуктов индустрии и притом не только покупателями предметов потребления (которые прежде производились крестьянами дома или сельскими ремесленниками), а также и покупателями орудий производства, которые не могли уже оставаться прежними при замене мелкого земледелия крупным. Последнее обстоятельство стоит подчеркнуть, ибо его-то и игнорировал, особенно Сисмонди, говоривший ...о «потреблении» крестьян и фермеров так, как будто бы существовало одно только личное потребление...»[28]).

Следовательно, при анализе направлений экономических связей между городом и деревней В. И. Ленин исходит из натуральной формы продукта. Но закономерно ли привлечение и учет натуральной формы продуктов при рассмотрении вопроса об экономической связи между городом и деревней,—категории капиталистического производства, основанного на стоимости продукта? Давая на этот вопрос положительный ответ, В. И. Ленин подчеркивает, что «...безусловно необходимо различение продуктов, играющих совершенно разнородную роль в процессе общественного хозяйства»[29]). Во всем конкретном изучении экономических связей между городом и деревней В. И. Ленин строго придерживается принципа разграничения рынка средств производства (потребляются производительно) и рынка предметов потребления (потребляется лично), различения рыночных экономических связей по линии средств производства и предметов потребления.

В частности, рассматривая бюджеты крестьянских дворов в России и пользуясь при этом богатыми фактическими данными земской статистики, В. И. Ленин отмечает отсутствие зачастую правильной научной группировки этих данных, затушевывающих экономические процессы, которые происходили в русской деревне. Особенно важным для экономической характеристики типов хозяйств В. И. Ленин считал правильную классификацию статей расходов крестьянских бюджетов.

«Сборник», — пишет В. И. Ленин, — выделяет все «расходы на личные и хозяйственные нужды, кроме пищи», от расходов на содержание скота, причем в первой рубрике стоят рядом расходы, например, на освещение и на аренду. Очевидно, что это неправильно. Мы выделили личное потребление от хозяйственного («производительного»)...[30]).

Как бы не изменялось соотношение между потреблением крестьянами продуктов, полученных за счет внутридеревенского обмена и за счет обмена с городом, ленинский принцип деления и строгого

---

[28]) В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 121—122.
[29]) Там же, Соч., т. 3, стр. 30.
[30]) Там же, стр. 121.

разграничения личного и производительного потребления остается в силе.

Во всех случаях попыток буржуазных экономистов подвергнуть отрицанию или хотя бы поставить под сомнение закономерность привлечения натуральной формы продукта к экономическому анализу В. И. Ленин давал резкий отпор.

В. И. Ленин указывал, что учет натуральной формы продукта вовсе не означает подмены экономических явлений техническими явлениями, а экономического анализа — техническим, который, конечно, не свойственен политической экономии.

Так, в статье «Капитализм в сельском хозяйстве», выступая против Булгакова, утверждавшего, что К. Каутский в своей книге «Аграрный вопрос» подменяет экономический анализ техническим, В. И. Ленин отмечал, что техническое превосходство крупного производства над мелким в силу большего употребления сельскохозяйственных машин, удобрений и т. д., и, следовательно, в силу большей связи с городом по линии средств производства является превосходством экономическим.

Только при учете натуральной формы вступающих в обмен между городом и деревней продуктов можно вскрыть то значение, которое имеет каждое из указанных направлений экономических связей в процессе сельскохозяйственного производства. Связь по линии средств производства (производительного потребления) и по линии предметов потребления (личного потребления) показывает, как происходит возмещение не только стоимости, но и натуральной формы продукта, исследование же последнего обстоятельства, обязательного при рассмотрении экономических связей города с деревней, не в отрыве, а в зависимости от производства.

Более быстрый рост постоянного капитала по сравнению с переменным является законом капиталистического производства. Рост средств производства обгоняет рост предметов потребления. Развитие и конкретизация учения К. Маркса о воспроизводстве и обращении общественного капитала применительно к вопросу о направлениях экономических связей между городом и деревней позволили В. И. Ленину сделать вывод о более быстром развитии рынка производительного потребления и, следовательно, рыночной экономической связи между городом и деревней по линии средств производства. Этот вывод В. И. Ленин считал главным выводом из теории реализации К. Марксом вопроса о внутреннем рынке.

Однако В. И. Ленин показывает, что экономические связи деревни с городом опосредствуют не только обмен продуктов промышленного и сельскохозяйственного производства. Для капиталистического способа производства характерно превращение в товар не только продуктов труда, но и рабочей силы, единственного товара, которым обладает экспроприированный от средств производства мелкий производитель, ставший наемным рабочим.

Развивающаяся капиталистическая промышленность нуждается в наемном труде и создает рынок, поглощающий уходящих в город разорившихся крестьян и вытесняемых из деревни сельскохозяйственных рабочих. Поэтому с развитием капитализма складывается и развивается другое направление экономических связей между городом и деревней — связи по рабочей силе, выступающей также в рыночной, товарной форме.

Четкое разграничение различных направлений экономических связей между городом и деревней явилось тем фундаментом, на основе которого В. И. Ленин исследует относительную роль различных сторон

многообразных экономических отношений города и деревни в процессе капиталистического развития. Ленинский анализ направлений экономических связей между городом и деревней направлен на то, чтобы определить те типичные черты, которые присущи каждому из этих направлений, черты, совокупность которых позволяет вскрыть характер экономических связей в целом в условиях прогрессирующего развития товарного производства и капитализма.

Констатируя объективную необходимость превращения всего сельского хозяйства из натурального в торговое, т. е. его вступление в сношение с городом, В. И. Ленин особенно обращает внимание на то обстоятельство, что эта связь для различных типов хозяйств неодинакова. Какова эта связь, каковы ее результаты и последствия для вступающего в связь с городом сельскохозяйственного предприятия, каков, следовательно, характер этой связи — таковы вопросы, на разрешение которых направлено исследование В. И. Ленина.

Выход хозяйства на рынок обусловливает борьбу сельскохозяйственных производителей за свою хозяйственную самостоятельность. Победителем из этой борьбы выходят те хозяйства, которые под нажимом требований рынка способны повысить производительность труда, снизить себестоимость производимого на продажу продукта, расширить его производство. Город требует определенных изменений в сельскохозяйственном производстве и дает деревне материальную основу для этих изменений.

Развитие торгового земледелия получает толчок к введению более совершенных орудий, машин, изменению способа ведения хозяйства. Поэтому В. И. Ленин указывает, что торговое земледелие создает рынок для промышленности, нуждаясь в строительном материале, приборах, машинах, удобрениях и т. п., ибо «повышение производительности труда становится не только возможным, но и необходимым, как единственное средство повысить доход и удержаться в ожесточенной конкуренции»[31]).

Развитие товарного производства в сельском хозяйстве вызывает, следовательно, прежде всего связь с городом по линии средств производства.

Все развитие капитализма подтверждает быстрое развитие связи между городом и деревней по линии средств производства. В Германии с 1882 по 1895 год число машин, употребляемых в сельском хозяйстве, увеличилось с 458369 до 913391; во Франции в 1882 году насчитывалось 278896 сельскохозяйственных машин[32]). Производство всех сельскохозяйственных машин возросло в США с 312 в 1937 г. до 614 (млн. долл.) за 9 месяцев 1955 года; производство тракторов сельскохозяйственного типа увеличилось в США с 237,8 тыс. в 1937 г. до 373,6 тыс. шт. в 1955 году; в Англии за этот же период с 17,9 тыс. до 132,7 тыс. шт.; во Франции с 1938 по 1955 год — с 1,8 тыс. до 64,5 тыс. шт.[33]).

Отмечая, что прогрессивность развития употребления машин и т. д. в сельском хозяйстве признают все экономисты, В. И. Ленин подчеркивает недостаточность такого разрешения вопроса. В. И. Ленин показывает, что главное здесь заключается в том, чтобы вскрыть, какие именно типы хозяйств связаны с промышленностью, какие типы хо-

---

[31]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 179.
[32]) Там же, Соч., т. 4, стр. 95.
[33]) «Статистические показатели экономического положения капиталистических стран», 1950—1955—1956, стр. 29.

зяйств улучшают свои хозяйства, вводят сложные сельскохозяйственные машины, вносят на поля искусственные удобрения и т. д.

Определяя реальную основу возможности для сельскохозяйственных производителей введения машин и технического прогресса, В. И. Ленин показывает, что во всех странах носителем этого прогресса при капитализме может выступать только зажиточное крестьянство, буржуазия, располагающая необходимым для этого капиталом. В статье «Из экономической жизни России» В. И. Ленин указывает, что рост вкладов в сберегательные кассы лучше всего отражает рост денежного хозяйства вообще, рост денежных «сбережений» зажиточного крестьянства в особенности, знаменующего вытеснение старого крестьянина новой сельской буржуазией. В. И. Ленин отмечает, что на все 10 млн. крестьянских дворов приходилось только 640 тыс. крестьян, имевших 126 млн.руб. в сберегательных кассах (т. е. по 197 руб. на книжку). Естественно, все эти денежные средства принадлежали исключительно сельской буржуазии и именно к этим хозяйствам, делает вывод В. И. Ленин, относятся все данные, которые свидетельствуют о прогрессе в сельском хозяйстве, о распространении машин и повышении культуры сельскохозяйственного производства.

В. И. Ленин показывает, что с развитием торгового земледелия и капитализма все более, и в первую очередь, усиливается торговый характер крайних групп в крестьянстве: сельской буржуазии и деревенской бедноты. Однако торговый характер этих групп крестьянства неодинаков: первые покупают, главным образом, средства производства и, следовательно, все более с развитием специализации сельского хозяйства втягиваются в экономическую связь с городом по линии средств производства, вторые — покупают относительно больше предметов потребления.

Денежный расход на одно хозяйство, по данным, приводимым В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России», распределялся следующим образом. В низшей группе хозяйств расход на хозяйство составлял 7,66 руб., или 12,3% всех денежных расходов, в то же время в высшей группе сельских хозяйств этот расход равнялся 687,03 руб., или 71,6%. Противоположное положение отмечает В. И. Ленин, анализируя ту часть бюджета, которая расходовалась на личное потребление. Если низшая группа хозяйств расходовала на личное потребление 39,16 руб., или 62,9% всех денежных расходов, то высшая группа расходовала на эти же цели 187,83 руб., что составляет 19,6% всех денежных расходов.

Из этого следует, что относительно большую роль в хозяйствах сельской буржуазии, поставленных по-капиталистически, играет связь с городом по линии производственного потребления, использования средств производства, в то время, как бедняцкие хозяйства, мелкие хозяйства крестьян связаны с городом относительно больше по линии предметов личного потребления. «Очевидно, — пишет В. И. Ленин, — в высших группах денежный расход направлен главным образом, на производительное потребление (расходы на хозяйство), тогда как в низших — на личное потребление... Следовательно, превращение крестьянства в сельский пролетариат создает рынок главным образом на предметы потребления, в превращение его в сельскую буржуазию — создает рынок главным образом на средства производства»[34]).

---

[34]) В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 134—135.

Ясно, что в абсолютном выражении крупные хозяйства потребляют средств производства еще больше, чем мелкие, и противоположное положение различных типов хозяйств по абсолютному потреблению удобрений, использованию машин и т. д. видно еще резче.

Увеличению возможностей производительного потребления в капиталистически поставленных хозяйствах служит кредитная система. Вызванная потребностями развития капитализма кредитная форма связи между городом и деревней, наряду с непосредственным влиянием на сельское хозяйство в сторону капиталистического развития, в то же время является важнейшим фактором развития связи по линии средств производства.

Рост торгового земледелия и вызываемая им необходимость технических усовершенствований требуют дополнительных крупных капиталов для приобретения машин, семян и т. д. Кредитная связь является одним из каналов проникновения капитала в сельское хозяйство. В. И. Ленин отмечает, что кредит доступен в необходимых размерах лишь крупным хозяйствам. Кредит помогает зажиточным крестьянам ставить хозяйство по-капиталистически.

Все развитие капитализма в сельском хозяйстве подтверждает вывод В. И. Ленина о концентрации связи по линии средств производства в руках крупных капиталистических хозяйств. При этом крупные хозяйства сосредоточивают в своих руках наиболее производительные, улучшенные сельскохозяйственные машины и орудия. Крупные хозяйства отличаются наибольшим использованием удобрений, электричества и т. д.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

А. А. СЕРГЕЕВ

НОВЫЕ УСЛОВИЯ ХОЗРАСЧЕТНОЙ РАБОТЫ КОЛХОЗОВ И ОПЛАТА ТРУДА КОЛХОЗНИКОВ

Решения Партии и Правительства после 1953 года направлены на установление таких взаимоотношений между государством и колхозами, рабочим классом и крестьянством, которые в современных условиях открывают наилучшие возможности для дальнейшего резкого повышения производительности труда в сельском хозяйстве, роста материального благосостояния советского народа, всемерного развития творческой инициативы колхозного крестьянства.

Одним из важных следствий осуществления этих решений является то, что создаются условия для широкого внедрения хозяйственного расчета в колхозное производство.

Хозрасчет, предполагающий возмещение затрат доходами в стоимостной форме и требующий обеспечения определенных накоплений, является объективной экономической категорией колхозного производства. Он объективно обусловлен здесь известной обособленностью колхозов, как кооперативных предприятий, и неизбежно возникающей на этой основе товарной формой связей колхозного производства с государственным сектором народного хозяйства. Хозрасчет как объективная экономическая категория внутренне присущ колхозам на всем протяжении их истории. То обстоятельство, что эта объективная экономическая категория длительное время не находила сознательного использования в колхозной практике в виде хозрасчета как метода хозяйствования, явилось одной из важных причин сложившегося к 1953 г. серьезного отставания колхозного производства.

Очень серьезным препятствием для последовательного осуществления в колхозах хозрасчетных принципов являлись извращения и ошибки в политике цен на сельскохозяйственную продукцию, допускавшиеся в недалеком прошлом. Заготовительные цены на ряд важнейших продуктов сельского хозяйства были низкими и не возмещали затрат на их производство, не обеспечивали минимальных условий для развития общественного хозяйства колхозов.

Начиная с 1953 г., партия и правительство осуществляют целый ряд мероприятий по крутому подъему сельского хозяйства, основывающихся на все более полном использовании экономических стимулов развития колхозного производства, на широком применении товарно-денежных рычагов. Используя новые возможности, некоторые передовые колхозы страны уже ряд лет строят свою производственную деятельность на основе последовательного осуществления системы хозрасчета.

Однако, несмотря на существенное упорядочение, система заготовительных и закупочных цен продолжала страдать рядом недостатков,

тормозивших повсеместное внедрение принципов хозрасчета в колхозную практику.

Главным объективным критерием при плановом установлении цен на продукты сельского хозяйства должны быть средние, общественно необходимые затраты труда на производство того или другого вида продукции, то есть общественная стоимость этой продукции. Между тем, уровень прежних цен на ряд сельскохозяйственных продуктов устанавливался без должного учета стоимости и себестоимости, на основе случайных факторов, без серьезного научного анализа.

Серьезной помехой внедрению хозрасчета в колхозах являлась множественность цен на сельскохозяйственную продукцию. При существовавшей пестроте цен колхозы были поставлены в неравные условия реализации продукции. Колхозы получали меньшую оплату за продукцию, сдаваемую по обязательным поставкам, чем за продукцию, продаваемую в порядке закупок. Продукция, сдаваемая сверх плана в порядке контрактации, оплачивалась выше, чем сдаваемая в пределах плана. В этих условиях в каждом колхозе складывались свои средние реализационные цены на один и тот же вид продукции. Экономически крепкие колхозы имели возможность реализовать значительное количество своей продукции в порядке закупок и на колхозном рынке по более высоким ценам, чем цены поставок. Поэтому средняя цена реализации у них была выше, чем в слабых колхозах, продававших основную массу продуктов по ценам поставок. Например, колхоз «Победа» Кожевниковского района и колхоз им. Сталина Асиновского района Томской области в 1957 г. получили примерно одинаковый урожай зерновых (27 тыс. ц в колхозе «Победа» и 28 тыс. ц в колхозе им. Сталина). Товарная продукция в каждом из колхозов составила около 12 тыс. ц. Но за колхозом им. Сталина закреплено значительно больше земель сельскохозяйственного пользования. Поэтому в обязательные поставки колхоз им. Сталина сдал зерна в 3 раза больше, чем колхоз «Победа», а в закуп продал в два раза меньше. В результате колхоз «Победа» получил денежный доход от реализации зерновых 495 тыс. руб., а колхоз им. Сталина — 215 тыс. руб. Аналогичные различия в условиях реализации имелись и по другим видам продукции. Возьмем, для примера, реализацию в 1957 г. молока в колхозах «Победа», «Рассвет», им. Чапаева Кожевниковского района и «Соц. Сибирь» Асиновского района Томской области (см. табл. 1).

Таблица 1

Реализация молока в 1957 г. в четырех колхозах Томской области

Колхозы	Всего продано молока	В том числе			Общая сумма ден. поступ. от реал. мол.	Средняя цена реализации 1 т. л. мол.
		по обяз. поставкам	в закуп	в порядке колх. торговли		
„Победа"	257	65	185	7	267086	1038
„Рассвет"	976	67	106	3	152535	865
им. Чапаева	131	123	—	8	81802	624
„Соц. Сибирь"	112	95	14	3	74500	665

Экономически правильной является такая система заготовительных цен, которая не отрывается от стоимости, а следует за ее изменениями.

В сельском хозяйстве в высокоурожайные годы общественно необходимые затраты на производство продукции, а значит, и стоимость этой продукции уменьшаются, а в неурожайные годы увеличиваются. При системе же двух цен получалось так, что в высокоурожайные годы среднереализационная цена повышалась, так как увеличивалось количество продукции, продаваемой по высоким закупочным ценам, а в неурожайные годы среднереализационная цена падала, резко ухудшая и без того неблагоприятно сложившиеся для колхоза условия. В результате нарушалась устойчивость, стабильность экономического положения колхоза, без чего нельзя последовательно осуществлять хозяйственный расчет.

Отсутствие последовательных систем хозрасчета нередко приводит в колхозах к бесконтрольному, неэкономному расходованию трудодней, материальных и денежных средств. Например, в колхозах «Комсомолец», «Красное Знамя» Асиновского района в 1957 г. более половины всего пробега автотранспорта составили порожние пробеги. В колхозе «Красное Знамя» из общего количества 16 тыс. трудодней, затраченных в 1957 г. на уборке урожая, на одну только очистку зерна было израсходовано 6,2 тыс. трудодней. В этом же колхозе в новом птичнике, рассчитанном на 600 голов, в 1957 г. содержалось 200 голов, что резко увеличило себестоимость продукции птицеводства. На одни только веревки в этом колхозе в 1957 г. было израсходовано 9220 руб. Такого рода факты, конечно, были бы невозможны при последовательном осуществлении хозрасчетных принципов в работе колхоза, его бригад и ферм.

Сейчас устранены основные препятствия в системе цен для последовательного внедрения в колхозах хозрасчета. Множественность цен на сельскохозяйственную продукцию ликвидирована, все заготовки ведутся на основе единой цены, которая учитывает необходимость возмещения производственных затрат колхозов, исходя из средних зональных условий, роста производительности труда, снижения себестоимости продукции и создания необходимых накоплений для расширенного социалистического воспроизводства. Новые цены и стабильны, и подвижны, т. е. в них учитываются изменения стоимости продукции в результате изменения условий для урожайности.

В связи с введением новых цен выигрывает подавляющее большинство колхозов, так как средства на оплату сельскохозяйственной продукции, сдаваемой государству, будут теперь распределяться среди колхозов более справедливо.

Представление о выгодности для большинства колхозов новых цен дает сопоставление фактических доходов, полученных колхозами Томской области от реализации ряда видов продукции в 1957 хозяйственном году, с доходами, которые могут получить колхозы от реализации такого же количества продукции по новым ценам (см. табл. 2).

Во многих колхозах денежные поступления от основных отраслей хозяйства возрастут еще более резко, чем в среднем по области. Так, в колхозе «Память Кирова» Асиновского района денежные поступления от реализации ряда видов продукции, исчисленные по новым ценам, следующим образом отличаются от фактических денежных поступлений по ценам 1957 г. (см. табл. 3).

Выигрыш, который получит большинство колхозов от новой системы цен, при умелой организации производства с избытком покроет те расходы колхозов, которые связаны с приобретением и содержанием сельскохозяйственной техники.

Интересы дальнейшего развития колхозного производства настоятельно требуют все большего внедрения в колхозную практику принципов хозрасчета. Для этого сейчас созданы условия во всех колхозах

Таблица 2

Реализация ряда видов продукции колхозами Томской области

Наименование продукции	Товарная продукция	Фактические денежные поступления по ценам 1957 г. (т. р.)	Денежные поступления, начисленные по ценам 1958 г. (т. р.)
Зерновые и бобовые	1244989 ц	27744	78434
Молоко	46931 т. л.	43123	53624
Мясо крупн. рогат. скота	45960 ц	17844	27576
Свинина	23478 ц	21396	21608
Баранина	8009 ц	2849	4004
Шерсть	1334 ц	3275	5336

Таблица 3

Реализация ряда видов продукции в колхозе „Память Кирова" Асиновского района

Виды продукции	Фактические денежные поступления по ценам 1957 г. (т. р.)	Денежные поступления, исчисленные по ценам 1958 г. (т. р.)
Зерновые и бобовые	42,3	346,2
Молоко	101,7	198
Мясо крупн. рогат. скота	33,7	94,8
Свинина	27,1	44,2
Баранина	24,6	35,5
Шерсть	15,2	32
Яйцо	1,5	4,0

так как созданы возможности для успешной хозяйственной деятельности, для рентабельной работы всех колхозов.

Хозяйственный расчет предполагает, прежде всего, планирование и учет себестоимости продукции. Определение правильной методики ее исчисления оказалось нелегким делом в силу наличия множественности цен на сельскохозяйственную продукцию и необходимости найти правильный критерий для включения в себестоимость оплаты труда колхозников. Множественность цен теперь ликвидирована, относительно же критерия для включения в себестоимость оплаты труда колхозников продолжают существовать очень различные точки зрения, основные из которых следующие:

1) включать в себестоимость колхозной продукции внутриколхозную оценку живого труда в трудоднях;

2) включать в себестоимость колхозной продукции фактические затраты колхоза на оплату труда колхозников в денежном выражении;

3) включать в себестоимость колхозной продукции условно нормативную оценку живого труда колхозников по условиям воспроизводства рабочей силы в совхозах.

Применение первого из этих способов дает, строго говоря, не себестоимость колхозной продукции, а внутриколхозные издержки производства, так как трудодень не является стоимостной категорией. Но основное назначение исчисления себестоимости колхозной продукции связано с товарным характером колхозного производства. Поэтому исчисление трудовых затрат на производство продукции в трудоднях не может явиться достаточно хорошим орудием в борьбе за рентабельность колхозного производства.

Практическим задачам колхозов в наибольшей мере соответствует второй способ. Для колхоза, как социалистического предприятия, самым важным при определении способа исчисления себестоимости является то, чтобы снижение себестоимости находило выражение в росте реальных накоплений, которые он может использовать для реального расширения производства. Включение в себестоимость фактической оплаты труда колхозников как раз и отвечает этой задаче.

Условно нормативная оценка оплаты труда при определении себестоимости колхозной продукции, возможно, и может оказаться полезной в рамках некоторых задач общесоюзного планирования сельскохозяйственного производства, установления цен на сельскохозяйственную продукцию и т. д. В практике же хозяйственной деятельности колхозов такого рода подсчет себестоимости бесполезен. Нельзя согласиться и с теоретическим обоснованием этого способа подсчета себестоимости разными авторами, предлагающими его для широкого использования в колхозной практике. Представляется особенно важным отметить следующие моменты:

во-первых, эти авторы, хотят они этого или нет, противопоставляют распределение доходов по трудодням заработной плате работников государственного сектора. Они делают это, утверждая, что доход колхозников по трудодням выражает не только необходимый продукт, но и другое экономическое содержание[1]). Между тем, доход, распределяемый по трудодням, как раз и есть специфически колхозная форма необходимого продукта. То обстоятельство, что доход колхозников от общественного хозяйства включает часть дифференциальной ренты, плановой прибыли колхоза, только подчеркивает специфичность процесса образования необходимого продукта в колхозах. И дифференциальная рента, и прибыль, распределяемые по трудодням, здесь выступают как часть необходимого продукта колхозника. Иначе и не может быть в социалистическом предприятии, каким является колхоз. Размер необходимого продукта в колхозе складывается при решающем влиянии общенародной собственности. Поэтому он должен соответствовать уровню развития экономики в стране. Но не видеть влияния на определение этого размера внутриколхозных производственных отношений — значит механически ставить знак равенства между колхозной и государственной формами социалистической собственности;

во-вторых, эти авторы исходят из совершенно неверной теоретической предпосылки о том, что в себестоимость любой продукции включается часть вновь затраченного труда, которая создает продукт для себя. В действительности в издержки производства, в себестоимость любой продукции входит не сам создающий новую стоимость труд, а средства, фактически израсходованные на оплату этого труда[2]);

---

[1]) См., например, П. Немчинов, О денежной оценке и учете трудовых затрат в колхозах, Научные записки Киевского финансово-экономического института, 1957 г., № 6, стр. 91.

[2]) См. на этот счет в «Капитале» К. Маркса, т. III, стр. 31—33, изд. 1949 г.

в-третьих, некоторые авторы, пытаясь доказать обоснованность применения условно нормативной оценки оплаты труда в колхозах, выдвигают положение о том, что всякий труд, затраченный в одно и то же время, независимо от его различной производительности, создает равные стоимости[3]). Правильно здесь лишь то, что создаются равные индивидуальные стоимости. Но общественная стоимость любой единицы продукции одинакова, поэтому труд большей производительности создает и большую общественную стоимость;

в-четвертых, практический смысл условно нормативной оценки оплаты труда колхозников некоторые авторы видят в том, чтобы заставить руководителей колхозов при составлении плановых расчетов обязательно получить такие финансовые показатели, которые обеспечили бы выдачу на трудодень в размере не ниже дневной ставки заработной платы сельскохозяйственных рабочих зоны расположения колхоза[4]). Стремление колхозов установить оплату труда колхозников на уровне оплаты труда рабочих совхозов — явление, несомненно, прогрессивное. Но поскольку колхозы добиваются установления такого уровня оплаты труда колхозников, условно нормативная оценка оплаты трудодня становится фактической оценкой. Вместе с тем, ставить такую задачу сразу перед всеми колхозами, подчиняя ей все показатели планирования колхозного производства, то есть делать эту задачу основной одновременно для всех колхозов, без дифференцированного учета условий разных колхозов, значит впадать в утопизм, забывать положение об определяющей роли производства в единстве производства и распределения.

Использование стоимостных категорий для анализа экономической деятельности колхозов позволяет вскрыть большие неиспользованные резервы. Так, при введении хозрасчета в колхозе им. Ленина Асиновского района Томской области в 1958 г. произведенный подсчет показал, что за счет введения механизированного поения можно сэкономить 2000 трудодней, электродойки — 6000 трудодней, электрострижки овец — 700 трудодней, за счет замены покупных кормов своими, более дешевыми — 36 тыс. рублей. Встали вопросы о более рациональном использовании сельскохозяйственной техники, о целесообразности содержания ряда единиц обслуживающего персонала и т. д. Использование вскрытых резервов во многом зависит от организационных форм колхозного хозрасчета. Уже имеющийся опыт целого ряда колхозов страны говорит о том, что очень эффективным средством использования имеющихся резервов является внутриколхозный хозрасчет. Его внедрение требует во многих колхозах серьезного улучшения внутриколхозного планирования, так как плановые задания бригадам нередко устанавливаются без должного учета различий в обеспеченности рабочей силой, плодородии земли и других условий. Например, в колхозе «Рассвет» Кожевниковского района Томской области первая и вторая бригады получали примерно одинаковые плановые задания. Между тем, в первой бригаде имелось 180 трудоспособных, а во второй — только 60. Между тем, условием внутриколхозного хозрасчета является равенство возможностей выполнения плановых заданий для всех хозрасчетных участков.

Внутриколхозный хозрасчет является наиболее эффективным экономическим орудием, обеспечивающим по мере укрепления экономики колхоза переход к твердой помесячной оплате труда колхозников, со-

---

[3]) См., напр., И. Голь, Себестоимость продукции в колхозах, Научные записки Киевского ФЭИ, 1957 г., № 6, стр. 66—67.

[4]) См., напр., П. Немчинов, О денежной оценке и учете трудовых затрат в колхозах, Научные записки Киевского ФЭИ, 1957 г., № 6, стр. 98—99.

ответствующей уровню развития экономики в стране. В этой связи возникает необходимость качественного улучшения нормирования и оценки труда в колхозах. Правильной была бы такая организация нормирования и оценки колхозного труда, при которой оценка среднедневной выработки одним трудоспособным колхозником (в среднем по колхозу) не отрывалась бы от одного трудодня, то есть одним трудоднем должен оцениваться простой, обычный колхозный труд (средний по квалифицированности, тяжести и степени важности для колхоза). При этом важно учитывать, что простой труд не является неизменным. По мере культурного развития общества, по мере развития охватывающего весь народ образования виды труда, относившиеся ранее к высококвалифицированным, превращаются в простой, обычный средний труд. Это компенсирует увеличение числа специалистов, труд которых оценивается по высшим разрядам. Все это не означает, что следует отказаться от дифференциации в оплате различных видов труда по степени их важности и квалифицированности. Речь идет лишь о том, чтобы один трудодень действительно выражал среднюю по колхозу оценку труда колхозника. Исходя из сказанного, следует признать ненормально высокой, например, среднегодовую выработку одним трудоспособным по колхозам Томской области в 1957 г., равную 431 трудодню (в отдельных колхозах Томской области, например, колхозе «Рассвет» Кожевниковского района среднегодовая выработка одним трудоспособным превышала 550 трудодней). Завышенная оценка труда колхозников в трудоднях приводит к следующим отрицательным следствиям:

а) значительное число колхозов перешло или переходит на твердую помесячную оплату труда. Эти колхозы правильно считают, что оплата трудодня не должна быть большей, чем среднедневная заработная плата рабочих совхозов. Но если среднедневная выработка колхозника значительно больше одного трудодня, то его фактический доход от общественного хозяйства окажется значительно большим заработной платы рабочего совхоза;

б) одной из важных задач колхозов на современном этапе является обеспечение уровня оплаты труда колхозников, соответствующего степени развития экономики в стране. Завышенная оценка труда в трудоднях снижает вес трудодня, не позволяет правильно сопоставить уровень оплаты труда в колхозе со степенью развития экономики в стране;

в) чрезмерно высокая оценка труда в трудоднях создает неправильное представление о степени трудовой активности колхозников. Так, в колхозе «К новым победам» Шегарского района в 1956 г. средняя выработка одним трудоспособным составила 359 трудодней, между тем как 35% всех трудоспособных колхозников не выполнили установленного минимума трудодней.

Задача упорядочения оценки колхозного труда в трудоднях, конечно, не может быть решена единовременно. Ее решение предполагает укрепление колхозов, повышение устойчивости оплаты труда. Однако ее решение не следует откладывать на срок более поздний, чем введение твердой помесячной оплаты труда.

Внутриколхозный хозрасчет должен быть организован таким образом, чтобы категории «себестоимость», «прибыль» стали такими же близкими и понятными для колхозников, каким явился для них в тридцатых годах колхозный трудодень. Необходимым условием этого является тесная связь хозрасчета с оплатой труда колхозников. Степень этой связи, на наш взгляд, должна быть разной для разных колхозов. В колхозах с высоко развитым чувством коллективизма, с крепким спаянным коллективом, таких, как колхоз «Рассвет» Могилевской области, эта связь может выражаться в премировании работников хозрасчетных

участков, добившихся особенно высоких показателей. В других колхозах, характеризующихся достаточно высоким организационно-хозяйственным уровнем, осуществляющим или имеющим условия для осуществления твердой помесячной оплаты труда, эта связь может выражаться в распределении между работниками хозрасчетных участков части сверхплановой прибыли, полученной этими участками. Наконец, следует особо выделить очень значительную группу средних и слабых колхозов, для которых характерны следующие условия, либо одно из них:

1) наличие в составе членов колхоза значительного числа недавно принятых в колхоз;

2) значительная степень территориальной обособленности бригад колхоза.

Оба эти условия (особенно последнее) очень характерны, например, для большинства колхозов Томской области. Колхозы здесь, как правило, состоят из 3—4 селений, расположенных одно от другого на расстоянии от 3 до 10—12 км. В этих условиях одинаковая для всего колхоза оплата трудодня ослабляет чувство ответственности каждого колхозника за тот участок колхозного производства, на котором он работает, в экономии трудодней на их участке, так как перерасход трудодней покрывается за счет «общего котла», за счет общеколхозного фонда распределения по труду.

Лучше работающие бригады в этих условиях оказываются в невыгодном положении Это ясно видно на примере колхоза им. Сталина Асиновского района. Первая, третья и пятая бригады этого колхоза, находящиеся примерно в одинаковых производственных условиях, имели в 1956 г. следующие показатели по зерновым табл. 4).

Таблица 4

№№ бригад	Площадь сева (в га)	К-во выраб. тр. дней	К-во т/д на 100 га	Пол. урожай с га (в ц).	Затрачено т/дн на 1 ц зерна
I	588	40119	6800	20	3,4
II	384	32165	9600	9,8	10
III	420	40350	9600	18,1	5,3

Нельзя признать правильным, что работники животноводческих ферм в случае падежа скота без уважительных причин или плохого его содержания получают на трудодень столько же, сколько и другие колхозники. В таких колхозах дифференциацию оплаты труда следует распространять и на основную оплату, поставив ее размер в прямую связь с показателями хозрасчетной деятельности, прежде всего, с себестоимостью продукции, производимой бригадой или фермой. Осуществление такой системы требует строгого учета внутриколхозной переброски рабочей силы, когда колхозники одной бригады работают на полях другой. Если, например, колхозник первой бригады выработал какое-то количество трудодней во второй бригаде, то эти трудодни должны оплачиваться за счет средств, предназначенных на оплату труда членов второй бригады. Такой порядок позволит в наибольшей мере использовать трудовые резервы каждого хозрасчетного участка.

В тех слабых колхозах, где еще нет необходимых организационных и экономических условий для осуществления внутриколхозного хозрасчета, целесообразно применять дополнительное начисление или списание трудодней по результатам труда с учетом себестоимости продукции.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Л. В. АЛЯКРИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИКИ ПОЗНАНИЯ В ТРУДЕ В. И. ЛЕНИНА «РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ»

В нашей философской литературе, к сожалению, еще очень мало сделано по гносеологическому исследованию истории марксистско-ленинской теоретической мысли.

А между тем где, как не в этой истории, следует искать драгоценный опыт методологии, где, как не в ней, можно видеть действительную картину практического применения принципов марксистско-ленинской философии как метода познания действительности?

Где, как не в самом процессе решения марксизмом-ленинизмом коренных проблем революционной теории и практики, можно увидеть и понять творческую сущность его философского метода?

В обстановке культа личности существовала недооценка этого важнейшего вопроса, имел место упрощенный, абстрактно-схематический подход к изучению философского метода марксизма-ленинизма.

XX съезд КПСС разоблачил культ личности и поставил задачу ликвидации его последствий, в том числе и на философском фронте. Партия призвала к искоренению всякого догматизма в философской работе, к глубокому исследованию процессов общественного развития современности, к творческому применению и развитию метода марксистско-ленинской философии на основе практики коммунистического строительства.

Из этих задач вытекает и необходимость тщательного изучения истории теоретической мысли марксизма-ленинизма. Гносеологическое исследование того, как решались Коммунистической партией, ее коллективной мыслью и выдающимися руководителями важнейшие теоретические проблемы, возникшие из нужд революционной практики, — такое исследование имеет огромное значение для методологического вооружения наших кадров. Подчеркиваем, что с этой точки зрения важны не отдельные примеры, а именно процесс разрешения целостных теоретических проблем, так как только в подлинной ткани исследования можно увидеть и подлинную плоть его методологии.

Такое изучение позволяет увидеть философский метод марксизма-ленинизма не в абстрактно-статическом отображении, а в действии, в движении, в служении нуждам и целям революционной практики. Такое изучение позволяет увидеть в принципах этого метода подвижное и гибкое единство, движение которого определяется объектом познания, а также внутренней логикой процесса познания и условиями идейной борьбы с врагами марксизма. Такое изучение позволяет, наконец, определить и те сферы теории, в которых философский метод марксизма-ленинизма находит свое преимущественное применение в зависимости от условий исторического развития.

В свете сказанного выше обратимся к некоторым урокам, вытекающим из опыта ленинизма в период назревания первой русской революции и борьбы за создание революционной пролетарской партии в России.

В период борьбы за создание марксистской партии в России (конец 90-х годов XIX в. и начало 900-х годов) в теоретической деятельности русских марксистов на первый план вышла экономическая теория, на что указывал В. И. Ленин.

В это время практика революционного движения пролетариата в России обусловила в качестве важнейшей задачи организацию революционной партии пролетариата, а следовательно — выработку ее политической программы. Но жизненная программа партии, ее конкретные политические цели и тактика могли возникнуть только на основе знания специфики русского общества, особенностей и степени развития капитализма в России, т. е. на основе конкретного знания русской экономики. Это и давало ключ к пониманию революционных возможностей пролетариата, к определению его политики по отношению ко всем основным классам тогдашней России. А такого знания еще не было, ибо трудами плехановской группы «Освобождение труда» был установлен только самый общий и основной факт появления и развития в России капитализма. Именно поэтому проекты политической программы русских марксистов, составленные этой группой, хотя и явились в основном верным провозглашением общих программных принципов социал-демократии, но были в то же время и абстрактными, негодными в качестве боевого политического руководства революционной борьбой русского пролетариата.

Вот почему уже в одном из первых своих произведений («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?») В. И. Ленин во весь рост ставил перед русскими марксистами как важнейшую их теоретическую задачу — «*конкретное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательного развития*»[1]). Эта работа должна была дать «*цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений*»[2]) и заложить основу для выработки жизненной, конкретной боевой программы русского пролетариата и его партии.

Это означало, что экономический анализ русских общественных отношений становился преимущественной, важнейшей сферой применения философского метода марксизма в познании русской действительности и революционных возможностей пролетариата. Только в этой сфере философский метод марксизма и мог дать ключ к определению практических задач пролетарского движения и борьбы пролетарской партии в России. Эта огромная работа, как известно, была блестяще выполнена самим В. И. Лениным в его экономических трудах и прежде всего в труде «Развитие капитализма в России», что и поставило дело выработки политических основ пролетарской партии в России на твердую конкретно-научную основу.

Перед революцией 1905—1907 гг. и во время нее на первый план в деятельности пролетарских революционеров России выдвинулась, как указывал В. И. Ленин, политика. Соответственно и важнейшей теоретической задачей стало обобщение политической практики пролетариата и всех других классов русского общества, их партий. В это время В. И. Ленин провел колоссальную по глубине и разносторонности работу по изучению политического опыта борьбы классов накануне и в ходе революции. Теперь именно в этой сфере нашел свое преимущест-

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 278.
[2]) Там же.

венное применение марксистский философский метод. Такое перемещение было вызвано как объективной логикой самого общественного развития (углубление и обострение политической борьбы классов), так и потребностями самой революционной теории. Экономическое исследование выявило природу классов, общие тенденции и возможности их развития, объективные революционные возможности пролетариата. Но оно не могло определить точную степень развития этих тенденций, степень политической зрелости классов и т. п. Поэтому данные экономического исследования должны были быть дополнены и конкретизированы данными политического анализа, чтобы превратиться во всесторонне развитую конкретно-научную основу политики пролетарской партии России. На этом фундаменте и возник знаменитый труд В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» — как завершающий, в известном смысле, целый этап теоретической деятельности В. И. Ленина и дающий партии основу новой революционной теории, боевую программу ее политической деятельности.

Таким образом, мы видим, что сфера преимущественного применения философского метода марксизма меняется в зависимости от задач революционной практики, условий общественного развития, а также в связи с внутренними нуждами развития революционной теории.

Посмотрим на другую сторону этого вопроса. Ленинское указание о том, что в различные периоды исторического развития для русских марксистов (как ранее и для Маркса и Энгельса) на первый план выдвигались различные стороны марксизма как участки преимущественного развития этого учения в целом, — это указание дает основание для такого же подхода и к философии марксизма.

Обратимся к тому же историческому периоду борьбы за создание революционной пролетарской партии в России. Обосновывая изложенные выше теоретические задачи русских марксистов, В. И. Ленин особо подчеркивал огромную важность философского метода марксизма как необходимого условия успешного решения этих задач. При этом диалектический материализм как метод научного познания действительности В. И. Ленин брал тогда прежде всего со стороны материализма, говорил о **материалистическом методе** [3]) исследования общественных явлений[4]).

Такой акцент был обусловлен следующим.

Как мы уже отмечали, первым и решающим этапом познания общественных отношений России и перспектив революционной практики пролетариата должен был быть анализ материальной, экономической основы этих отношений и перспектив. Этого требовала объективная логика процесса познания, обслуживающего революционную практику пролетариата. Первостепенной была, следовательно, задача диалектико-**материалистического** анализа общественных отношений России. И эта задача решалась в борьбе с субъективизмом буржуазной и мелкобуржуазной (народнической прежде всего) социологии. Позднее народничество как главный антипод и противник марксизма в борьбе за руководство освободительным движением России в тот период, также пыталось выработать определенное представление о картине общественных отношений России. Но эта картина оказалась искаженной в призме мелкобур-

---

[3]) См. В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 248—249, 278.

[4]) Заметим, что это обстоятельство еще раз указывает на недопустимость взаимоисключающего разграничения между диалектикой и материализмом в философии марксизма-ленинизма как между методом и теорией. Обе стороны диалектического материализма, так же, как и любое из его положений, одновременно имеют значение и теории(по отношению к истории познания мира) и метода (по отношению к процессу познания мира, к задачам дальнейшего углубления и развития познания).

жуазного мировоззрения и субъективистской прежде всего. Народническая социология не имела главного для составления научного представления на этот счет, не имела основного критерия в подходе к общественным явлениям и их оценке. Она не могла выделить поэтому объективную основу общественных отношений, не могла понять их развитие как естественно-исторический процесс, не могла отделить главное от второстепенного в общественной жизни и, сваливая в кучу экономические отношения и их надстроечные формы, пришла к научному и политическому краху своей доктрины. Именно субъективизм и был той главной идеологической традицией, которую нужно было полностью преодолеть пролетарским революционерам в тех условиях для успешного решения своих исторических задач. А это означало, что марксистское мировоззрение в целом должно было быть противопоставлено субъективистской социологии прежде всего со стороны материализма, открывающего путь к научному познанию действительности. Поэтому В. И. Ленин и подчеркивал особо тогда эту сторону дела.

Обратимся теперь к некоторым вопросам применения В. И. Лениным философского метода марксизма в труде «Развитие капитализма в России».

Этот труд является блестящим примером диалектико-материалистического исследования экономической основы общественной жизни России конца XIX — начала XX вв., основы назревавшей в России революции. Он дал ключ к пониманию перспектив ее развития и революционных возможностей пролетариата. Этот труд является важнейшим компонентом[5]) в выработке В. И. Лениным новой революционной теории. В нем как раз и была дана «цельная картина нашей действительности, как определенной системы производственных отношений» — конкретно-научная картина классовой структуры России и тенденций развития этой структуры. Глубокий анализ природы классов русского общества, их места в экономическом строе общества, их роли в нем, их взаимоотношений и эволюции — такой анализ вооружил пролетарских революционеров России научным знанием перспектив их борьбы. Знание классовой структуры России благодаря этому получило свою количественную и качественную определенность, зафиксированную в итоговой таблице труда[6]).

Ставя вопрос об особенностях применения В. И. Лениным философского метода марксизма в этом исследовании, мы не должны упускать из вида (указанную выше) главную его цель, которой это применение было подчинено.

Основной научный и партийный интерес В. И. Ленина был направлен на выявление процесса формирования во всех сферах и областях экономической жизни России пролетариата — ведущей революционной силы общества, осуществителя перехода от капитализма к социализму. Для этого и был произведен анализ развития капитализма в России, этим и была определена главная цель исследования: дать цельную картину производственных отношений под углом зрения выявления революционных возможностей пролетариата и перспектив его борьбы. В этом исследовании получили блестящее применение все принципы материалистической диалектики. Это можно было бы иллюстрировать бесконечным количеством примеров. Однако дело здесь не в примерах.

---

[5]) Этот момент недостаточно учитывается в некоторых статьях и брошюрах, посвященных изложению ленинской теории социалистической революции и ограничивающих это изложение преимущественно резюмирующим трудом «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и разбором тактического острия этой теории.

[6]) См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 442.

Действительный интерес представляет анализ логической структуры ленинского труда, раскрытие внутренней логики этого исследования в целом и на отдельных его участках. К сожалению, эта задача еще ждет своего разрешения. На решение такой задачи мы не претендуем, однако в данном случае попытаемся рассмотреть этот вопрос в связи с одним конкретным участком ленинского труда: в связи с ленинским анализом крестьянской экономики, проведенным во II главе работы «Развитие капитализма в России».

Анализ крестьянской экономики представлял собой одно из основных звеньев ленинского труда. На этом участке решался вопрос о природе социальных сил, действовавших в русской деревне конца XIX — начала XX вв., о возможностях их использования в интересах революционного пролетариата, о союзниках пролетариата в предстоящей революции и перспективах ее развития. Этот анализ должен был привести к конкретной и цельной картине социально-экономических отношений внутри крестьянства, к вскрытию основных тенденций и степени развития этих отношений, к всесторонней характеристике социального состава русского крестьянства и определению доли основных социальных слоев его в общей массе крестьянства. На этой основе открывался путь к определению политики пролетариата и его партии по отношению к крестьянству в целом и к основным его социальным слоям на различных этапах революции.

Поставленная задача решалась В. И. Лениным на базе изучения данных главным образом официальной и земской статистики. Эти данные, зачастую разрозненные и произвольно подобранные, отражали самые различные формы и факты хозяйственной жизни крестьянства, представляя огромную сырую массу материала, в которой безнадежно запуталась, например, народническая социология. Материалистическая диалектика открывала путь к исследованию этого материала. Это исследование получало определенную логику развития, и каждый его этап становился необходимо обусловленным шагом на пути проникновения в сущность экономической жизни крестьянства.

Рассмотрение ленинского исследования экономики русского крестьянства в труде «Развитие капитализма в России» позволяет выделить следующие основные этапы (моменты) в процессе этого исследования:

а) определение основного критерия для анализа, «сортировки» явлений хозяйственной жизни крестьянства и экономических отношений внутри него. Данный критерий должен был выражать основу социальных отношений — отношения собственности на средства производства. Иначе говоря, речь шла здесь о сущности основания для статистических группировок;

б) определение особой специфической формы этого критерия для каждого особого сельскохозяйственного района и отрасли сельскохозяйственного производства, подвергавшихся анализу;

в) обработка на этой основе статистических данных по отдельным территориально-административным единицам и отраслям земледелия для выяснения отдельных сторон экономических отношений основных групп хозяйств;

г) «суммирование» результатов предыдущего этапа исследования, выявление существенных, закономерных явлений крестьянской экономики;

д) определение основных социальных типов сельского населения, их всесторонней экономической характеристики и распределения между ними всей массы крестьянства, выявление общих тенденций развития деревни.

Рассмотрим вкратце содержание и роль этих этапов (моментов) ленинского исследования крестьянской экономики на пути к цельной и конкретной ее картине.

Известно, что народники, пытавшиеся разрешить эту задачу, запутались в грудах статистического материала и дали совершенно искаженное, произвольное изображение состояния и жизни пореформенной деревни в соответствии со своей теорией так называемого «народного производства». С методологической стороны порочность этой теории упиралась прежде всего в отсутствие научного критерия для группировки и оценки статистических данных. Поэтому В. И. Ленин особо подчеркивал тогда, что первейшим условием научного анализа статистических данных является определение критерия, представляющего экономическую сущность общественных отношений деревни. Такой критерий не мог относиться к области землевладения или иных надстроечных форм этих отношений. Он должен характеризовать объективное отношение их участников к средствам производства, отношение собственности. Поэтому признаком этого критерия прежде всего должны являться размеры хозяйства. Подходить к анализу статистических данных и уяснению экономической характеристики крестьянства с точки зрения размера хозяйства — это требование, неуклонно проведенное в ленинском труде, характеризует здесь материализм как метод исследования.

Такой критерий создавал возможность движения познания к конкретной картине крестьянской экономики. Но предварительным условием получения этой цельной и конкретной картины должен был быть предварительный анализ экономики отдельных сельскохозяйственных районов и отраслей производства. Здесь вставала задача выделения конкретного типа хозяйства как основания для «сортировки» статистического материала, в зависимости от ведущей производственной специализации данного района или отрасли сельскохозяйственного производства.

«Признаки для различения этих типов, — писал на этот счет В. И. Ленин, — должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия, необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам «промыслов»[7]).

Таким образом, здесь вставала и требовала практического разрешения проблема диалектики сущности и явления, всеобщего и особенного, ибо всеобщее (отношения собственности) должно было быть прослежено по особенному, по проявлению этого всеобщего в особенном. Для зернового (типа) хозяйства этим особенным был посев зерновых, его размеры или рабочий скот, его количество и качество, для молочного (типа) хозяйства этим особенным являлся уже молочный скот и т. п. Такое выделение особенного как формы проявления всеобщего в зависимости от конкретных условий производства в свою очередь требовало конкретного и всестороннего подхода к каждому территориальному району, учету роли и места каждой имеющейся в ней отрасли сельскохозяйственного производства, выделения ведущей отрасли, и на

[7]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 78.

этой основе того типа хозяйства, который должен быть положен в основание группировки.

Решение этой задачи открывало путь следующему, наиболее трудоемкому этапу исследования, в ходе которого была получена всесторонняя характеристика экономических отношений по отдельным районам (уездам и губерниям) и особым отраслям сельскохозяйственного производства. Группируя статистические данные, свидетельствующие об аренде, купле земель, о крестьянских бюджетах, о найме и продаже рабочей силы, о количестве и качестве сельскохозяйственных орудий, группируя эти и другие данные по тому или иному типу хозяйства и его размерам[8]), В. И. Ленин получал конкретную характеристику в отношении указанных данных по каждому типу и для каждого размера хозяйства рассматриваемого территориального района или отрасли производства.

Приведем для примера «кусочек» этой работы, характеризующей степень и характер использования наемного труда хозяйствами зернового типа Новоузденского уезда Самарской губернии.

Таблица 1

Группа домохозяев	% домохоз. держащ. наемн. работников	% работн. муж. пола, занятых земледельческ. промыслами
Без рабочего скота	0,7	71,4
с 1 голов. раб. скота	0,6	48,7
" 2-3 " " "	1,3	20,4
" 4 " " "	4,8	8,5
" 5-10 " " "	20,3	5,0
" 10-20 " " "	62,0	3,9
" 20 и более	90,1	2,0
Всего . .	9,0	25,0[9])

Мы видим, что эта таблица фиксирует зависимость между размерами хозяйства и характером, степенью использования наемного труда. Чем крупнее хозяйство, тем более оно концентрирует куплю рабочей силы. Напротив, беднейшие хозяйства концентрируют ее продажу. Ярко выступают два полюса новых, буржуазных отношений в крестьянстве.

Этот пример показывает только крохотный участок той громадной скрупулезной работы, которую выполнил В. И. Ленин, охватив в пределах доступного статистического материала все основные сельскохозяйственные районы и отрасли производства. Этот этап его исследования направлялся прежде всего такими принципами материалистической диалектики, как конкретность истины и всесторонний подход к исследуемому явлению, рассмотрение его во всех связях и опосредствованиях. Здесь в самой ткани ленинского исследования воплотился тот принцип диалектического подхода к предметам и явлениям, который был много позднее сформулирован в словах: «Чтобы действительно знать

---

[8]) Обычно В. И. Ленин брал 5, 7, а чаще всего 6 показателей размера хозяйства. Для зернового, например, типа хозяйства это были группы: а) беспосевщиков, б) сеющих от 0 до 5 десятин, в) сеющих от 5 до 10 десятин, г) сеющих от 10 до 20 десятин, д) сеющих от 20 до 50 десятин, е) сеющих 50 и более десятин.

[9]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 65. Здесь в основание группировки положен рабочий скот.

предмет, надо охватить его, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»[10]).

В данном случае таким предметом, охваченным и изученным со всех сторон, во всех его связях и опосредствованиях являлась крестьянская экономика пореформенной России[11]), экономические отношения в русском крестьянстве конца XIX — начала XX вв. Для каждого отдельного района и отрасли сельскохозяйственного производства теперь имелась конкретная картина экономических отношений, картина, характеризующая место каждой группы крестьянства в зависимости от типа и размера хозяйства в системе этих отношений (купля-продажа земли, аренда, купля-продажа рабочей силы, степень и характер товарности хозяйства, количество и качество орудий и т. п.).

Всем этим была создана основа для следующего (и важнейшего по значению) этапа исследования: для обобщения этих данных по всему крестьянскому земледелию, по вскрытию общих для него тенденций и закономерностей экономического развития, по выявлению основных социальных типов сельского населения, их общественной роли и распространения в общей массе населения.

Так, например, сравнение и обобщение данных по различным группам крестьянских хозяйств в зависимости от их размера (по всем рассмотренным районам и типам хозяйства) дало В. И. Ленину возможность выявить следующие общие закономерности:

а) купчая земли «повсюду концентрируется зажиточными»;

б) арендуемые земли также концентрируются ими для увеличения хозяйства и его товарной производительности; в то же время сдача земли в аренду в основном практикуется малоимущими;

в) в целом происходит концентрация всех разрядов земель в руках высших групп крестьянства и обезземеливание низших групп;

г) рабочий скот, сельскохозяйственные орудия (в особенности улучшенные) и машины также концентрируются в руках зажиточных;

д) высшие группы крестьянства, как правило, практикуют наем сезонных или постоянных рабочих, в то время как источником наемной рабочей силы являются низшие группы крестьянства и т. д.[12]).

Все эти и другие явления представляли собой объективные тенденции, закономерности развития экономических отношений в крестьянстве пореформенной России, которые с разных сторон характеризовали единый процесс так называемого разложения крестьянства, т. е. капиталистической его эволюции. Теперь уже общий вывод о буржуазной природе этих отношений, вырастающих на почве товарного хозяйства и рождающих новые типы сельского населения — сельскую буржуазию и сельский пролетариат, — этот вывод выступал во всей неопровержимости его научного доказательства. Этот вывод опирался на конкретное знание рассматриваемого предмета, венчал процесс восхождения от абстрактного к конкретному, процесс движения познания от сущности менее глубокой к сущности более глубокой. Оба рассмотренные выше этапа ленинского исследования крестьянской экономики представляют собой образец практического применения того принципа диалектики, кото-

[10]) В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 79.

[11]) Следует иметь в виду, что анализ собственно крестьянской экономики служил важнейшим, но не единственным компонентом ее всестороннего познания, эта задача решалась и на других участках исследования — при рассмотрении эволюции помещичьего хозяйства, при рассмотрении всех линий капиталистического развития в народном хозяйстве страны, поскольку буржуазная эволюция крестьянства была одной из этих линий, взаимосвязанной с остальными.

[12]) См. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 107—111. Эти тенденции и закономерности отражены в сводных таблицах и в диаграмме к ним (см. В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 102—105).

рый В. И. Ленин впоследствии сформулировал в следующих словах: «...соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе»...[13]).

На последних этапах исследования, в процессе выявления закономерностей и тенденций развития крестьянской экономики, особо важное значение приобретал закон раздвоения единого и познания противоречивых частей его — важнейший принцип диалектической логики.

Действительно, решающий шаг в познании явлений — это вскрытие их сущности, их закона, тенденций их развития. Процесс восхождения познания от абстрактного к конкретному, т. е. к полному, всестороннему знанию предмета, находит свое завершение во вскрытии той существенной, необходимой, закономерной связи, которая подчиняет, определяет собою все многообразие остальных его связей и отношений, которая придает всему их бесчисленному разнообразию качественную определенность. Знание этой связи позволяет видеть источник и тенденции развития данного явления в целом. Всесторонний анализ явления («разборка отдельных частей») подготавливает этот решающий шаг познания, в процессе синтеза («суммирования») он должен найти свое осуществление. И именно на этой стадии исследования особое значение приобретает важнейший принцип материалистической диалектики, указывающий, что сущность явления может быть познана лишь как единство противоположностей, требующий отыскания этой противоположности в самой сущности явления.

В данном случае закон раздвоения единого и познания противоречивых частей его требовал вскрытия противоречий как во всех особых проявлениях экономических отношений русской деревни, так и в особенности отыскания того коренного противоречия, которое определяло сущность и тенденции развития совокупности этих отношений в целом.

И действительно, в процессе «суммирования» массы конкретного материала по основным линиям хозяйственных отношений в крестьянстве (отношения землепользования, купли-продажи рабочей силы и др.), ленинское исследование повсюду вскрывало полярность, противоречивость этих отношений.

Но все эти противоречия, с разных сторон характеризующие процесс расслоения крестьянства, имели одну общую основу, выражали отдельные стороны развития коренной противоположности двух основных типов сельского населения. Поэтому определение социальной сущности этих типов и природы их взаимоотношений представляло решающий момент всего исследования, так как открывало путь к пониманию всего многообразия экономических отношений и противоречивости их отдельных элементов как единого целого. Процесс «суммирования» показывал, что на общей почве товарного хозяйства существенным элементом экономических отношений в крестьянстве являлась купля-продажа рабочей силы. И поэтому, в соответствии с уже выработанным Марксом критерием, сущность экономических отношений русского крестьянства была определена В. И. Лениным как буржуазное производственное отношение, а основные участники этих отношений, т. е. основные типы сельского населения, были определены как сельская буржуазия и сельский пролетариат.

Теперь уже все многообразие экономических явлений в крестьянском земледелии выступало как единый процесс капиталистической эволюции крестьянства, вырабатывающий два основные типа его: сельский пролетариат и буржуазию. Все особые проявления расслоения, дифференциации крестьянства получали значение капиталистической

[13]) В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1947, стр. 193.

эволюции его, складывающейся из взаимодействия и борьбы этих двух основных и противоположных социальных типов.

И заключительная часть исследования В. И. Лениным крестьянской экономики ведется им под углом зрения этой основной противоположности. Под этим углом зрения В. И. Ленин выясняет распределение всей массы крестьянства между двумя его основными типами. Сельская буржуазия, т. е. зажиточные крестьяне, в той или иной степени прибегающие к найму рабочей силы, составляла приблизительно 20% всего крестьянства. Сельский пролетариат как «класс наемных рабочих с наделом»[14])—около 50%. Наконец, около 30% составляли беднейшие мелкие хозяева, ведущие хозяйство своим трудом. Эта группа, отличаясь наименьшей товарностью хозяйства и его крайней неустойчивостью, постепенно распадалась между двумя первыми.

В заключение исследования В. И. Ленин дает детальную экономическую характеристику основных социальных типов крестьянства.

Необходимо отметить, что итоговые таблицы В. И. Ленина, фиксирующие экономическую характеристику различных слоев крестьянства, составлены уже не по 5—7 группам хозяйств, а по двум основным группам этих хозяйств[15]) — буржуазного и пролетарского типа. Такая группировка исходит из задачи раскрытия всех основных форм их взаимоотношений. И ленинские сводные таблицы дают всестороннее доказательство полярности этих групп, различия их места в системе экономических отношений, вскрывают растущий антагонизм между ними.

Таким образом, ленинское исследование крестьянской экономики как часть исследования всей российской экономики той эпохи привело к конкретной и цельной картине экономических отношений в деревне, показало их буржуазную сущность как отношений между двумя основными типами сельского населения, показало общественную роль этих типов, тенденцию их развития, а вместе с тем и тенденции, закономерности развития экономических отношений в деревне в целом. Всем этим была заложена конкретно-научная основа для политики пролетарской партии и, в частности, для определения отношения пролетариата к крестьянству, к его различным слоям на различных этапах развития русской революции.

В целом на примере ленинского исследования крестьянской экономики ярко видно значение материалистической диалектики как аналога, а вместе с тем и метода познания действительности.

Повторяем, что в процессе этого исследования получила свое применение вся совокупность принципов философского метода марксизма как метода познания. Однако вышесказанное подтверждает положение о том, что марксизм-ленинизм есть живое учение, обращающееся к жизни, в зависимости от условий, различными своими сторонами, приобретающими в этих условиях центральное значение. И надо видеть в теории марксизма-ленинизма, и в том числе в диалектическом материализме не застывший и пронумерованный кодекс общих положений, а подвижное единство этих положений, законов, из которых в конкретных исторических условиях (и в том числе в зависимости от объекта и задач его познания) может получить преимущественное (особо важное как ключ к решению запросов практики и развитию самой теории) значение какой-либо определенный принцип, так же как и сама жизнь развертывает перед нами то одну, то другую сторону своего развития.

---

[14]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 145.
[15]) В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 102—105.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

А. И. УВАРОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ В ПИСЬМАХ В. И. ЛЕНИНА

В философском наследстве В. И. Ленина выдающееся место занимают его письма. В них В. И. Ленин выдвинул ряд положений, имеющих важное значение для понимания принципов марксистской философии. Особенно большое внимание В. И. Ленин уделял в письмах проблемам материалистической диалектики. Так же как и в других работах Б. И. Ленин и здесь развивал марксистскую диалектику в борьбе против метафизики, софистики и эклектики противников марксизма, оппортунистов и ревизионистов.

В известном письме к Инессе Арманд В. И. Ленин раскрыл сущность марксистского подхода к изучаемым явлениям. В. И. Ленин указывает: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»[1]).

Перечисленные элементы составляют основу марксистского метода мышления, они органически взаимосвязаны и предполагают друг друга. Это хорошо видно на конкретных рассуждениях В. И. Ленина. Знаменитые «Письма из далека» открываются анализом успехов февральской революции в России, которые буржуазия объявила «чудом». В. И. Ленин показывает, что падение царизма и быстрая победа революции не были случайными. Это было подготовлено всем ходом исторического развития страны. Буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян. Она раскрыла действительную природу каждого класса общества того времени, их подлинные интересы, цели и средства борьбы. Революция и последовавшая за ней контрреволюция сорвали покров святости с царской монархии, обнажили гнилость, продажность и реакционность правившей шайки. Мировая война, поражение России в ней резко усилили классовые противоречия, ускорили наступление революционного кризиса. Все эти факторы создали предпосылки для сравнительно легкой победы буржуазно-демократической революции в России. Заканчивая анализ, В. И. Ленин пишет:

«Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — так радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации **слились** вместе, и замечательно «дружно» слились, **совершенно различные потоки, совершенно разнородные** классовые интересы, **совершенно противоположные** политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 35, стр. 200.

захвату власти **в интересах продолжения империалистской войны**... Это с одной стороны. А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за **хлеб**, за **мир**, за настоящую **свободу**»[2]).

Следовательно, для того, чтобы понять сущность явления, необходимо изучить историю его подготовки и развития, учитывая при этом в первую очередь главные процессы и факты, а также условия возникновения данного явления — это и будет конкретный диалектико-материалистический подход к действительности с учетом всего опыта истории.

В «Философских тетрадях» В. И. Ленин определил место закона единства и борьбы противоположностей в системе других законов материалистической диалектики, подчеркнув, что он выражает суть марксистской диалектики. Эту же идею он проводит и в своих письмах.

В письме к А. М. Горькому, датированном 16 ноября 1909 г., В. И. Ленин отмечает, что жизнь — противоречива, она движется и развивается через противоречия; реальные противоречия многообразны, сложны и требуют всегда глубокого изучения. «Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется», — пишет В. И. Ленин[3]).

Революционеры поэтому должны строить свою стратегию и тактику, исходя из признания противоречивости общественной жизни и, более того, из расчета на развитие противоречий в буржуазном обществе. «...мы ведь возлагаем свои надежды не на задержку развития капиталистических противоречий, а на полное развитие их», — заявляет В. И. Ленин в письме к Плеханову от 4 апреля 1902 г.[4]).

Характеризуя всесторонне закон единства и борьбы противоположностей, гениальный теоретик марксизма особо останавливается на вопросе о борьбе противоположностей. Почти во всех письмах В. И. Ленин подчеркивает, что борьба противоположностей выступает главным средством преодоления и разрешения противоречий, она является источником развития и присуща всем без исключения явлениям природы, общества и мышления. В. И. Ленин был непримирим даже к малейшему отступлению от сущности марксизма, от защиты коренных интересов рабочего класса. Он не только сам страстно боролся против оппортунистов всякого рода, но и требовал этого от других марксистов. Так, в письме к А. Шляпникову, помеченном 31 октября 1914 г., В. И. Ленин писал, что задача теперь заключается в том, чтобы вести беспощадную войну с шовинизмом Каутского, Геда, Плеханова и других реформистов, которые, изменив пролетариату и своим прежним убеждениям, встали на защиту империалистической буржуазии.

Вместе с тем В. И. Ленин не абсолютизировал борьбу противоположностей. В единстве противоположностей он видел также необходимое условие развития. Борьба противоположностей не исключает единство, а напротив предполагает его. В определенных случаях борьба противоположностей выступает как существенный момент, важная ступень в достижении единства и в этом случае она может носить подчиненный характер по отношению к единству.

В 1900 году А. А. Якубова обратилась к В. И. Ленину с письмом, в котором она защищала экономизм и упрекала В. И. Ленина за борь-

---

[2]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 23, стр. 296.
[3]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 34, стр. 353.
[4]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 34, стр. 76.

бу с ним, так как это, мол, разрушает единство русской социал-демократии. В ответном письме В. И. Ленин разъясняет А. А. Якубовой что, наоборот, принципиальная идейная борьба с экономизмом поможет русской социал-демократии сплотиться на марксистской основе. «Единства уже нет, оно уже разрушено, разрушено по всей линии, — пишет В. И. Ленин. — Русский марксизм и русская социал-демократия — рассыпанные храмины, и открытая, прямая борьба — одно из необходимых условий **восстановления** единства»[5]).

В. И. Ленин требовал рассматривать противоречия конкретно, отличать существенные от несущественных, четко разграничивать противоречия роста и противоречия загнивания, разложения. Первый вид противоречий возникает на здоровой, развивающейся основе и в процессе поступательного движения такие противоречия преодолеваются с сохранением и укреплением прежней основы, так как противоположные стороны имеют общие интересы. Второй вид противоречий — противоречия загнивания, разложения — не может быть преодолен на старой базе, развитие этих противоречий приводит к гибели явления, потому что они заложены в самой сущности данного предмета и интересы противоположных сил непримиримы.

В некоторых коммунистических партиях Западной Европы в годы их становления обнаружились разногласия по ряду тактических вопросов. Этим пытались воспользоваться реформисты, которые заявляли, что компартии раздираются противоречиями и поэтому они де нежизненны. В письме «Привет итальянским, французским и немецким коммунистам» В. И. Ленин, ссылаясь на богатый революционный опыт русских коммунистов, разъяснял братским партиям, что ошибки и временные разногласия в коммунистическом движении неизбежны, они — следствие быстрого роста коммунистического движения, нехватки революционного опыта у его участников, нужно учиться преодолевать их; В. И. Ленин советовал европейским пролетариям не бояться возникающих частных противоречий и не обращать внимания на клеветнические наскоки ренегатов марксизма, которые хотели бы приписать противоречия своих реформистских партий марксистским партиям. «Разногласия внутри шейдемановцев и каутскианцев суть разногласия разлагающихся, умирающих партий, у которых остаются вожди без массы, генералы без армии, — утверждает В. И. Ленин. —...Разногласия среди коммунистов иного рода. Разницы коренной может не видеть здесь только тот, кто не хочет видеть. Это — разногласия среди представителей невероятно быстро выросшего массового движения. Это — разногласия на одной общей, прочной как камень, основной базе: на базе признания пролетарской революции, борьбы с буржуазно-демократическими иллюзиями и буржуазно-демократическим парламентаризмом, признания диктатуры пролетариата и Советской власти.

На **такой** базе разногласия не страшны: это болезнь роста, а не старческая дряхлость»[6]).

Глубокое освещение в письмах В. И. Ленина получили категории материалистической диалектики, в первую очередь такие категории, как сущность и явление, форма и содержание, возможность и действительность, причина и следствие, скачок, связь, противоречие и др.

Вопрос о категориях рассматривался В. И. Лениным уже в ранних письмах, в частности, в письме к А. Н. Потресову, направленному из Шушенского 27 июня 1899 года. Вскрывая кантианскую сущность фи-

---

[5]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 34, стр. 32.
[6]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 30, стр. 36—37.

лософских взглядов Булгакова, Струве, Туган-Барановского и других «критиков» Маркса, В. И. Ленин отмечает: «Да, еще эта идея различения «социологических» и «экономических» категорий, пущенная Струве (в № 1 «Научного обозрения») и повторяемая и П. Берлином (в «Жизни») и Туган-Барановским. По-моему, не обещает ничего кроме бессодержательнейшей и схоластичнейшей игры в дефиниции, называемой кантианцами громким именем «критики понятий» или даже «гносеологии». Я решительно не понимаю, какой смысл может иметь такое различение?? Как может быть экономическое вне социального??»[7]).

Идею разграничения «социологических» и «экономических» категорий Струве высказал в статье «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве», где он проводил мысль, что будто бы экономическая теория Маркса носит лишь общий «социологический» характер и она не имеет отношения к конкретным экономическим фактам и процессам. Фальсифицируя марксизм, Струве пытался протащить в учение Маркса идеализм и метафизику, ибо совершенно ясно, что, отделяя социальное от экономического, он выступал против материалистического понимания общественной жизни. Точно так же идеалистически и метафизически он трактует и философские категории. В представлении Струве категории—пустые абстракции, не связанные с конкретным материалом. Чтобы выхолостить, сделать их бессодержательными, «критик» Маркса дробит категории.

Ленинская точка зрения на категории вообще, тем более категории материалистической диалектики принципиально иная. Научные категории — не пустые абстракции. Они — содержательны, постольку, поскольку они возникают путем обобщения огромного количества фактов. Всякая категория, будучи наиболее общим понятием, отражает самое главное в предметах, стремясь вместе с тем охватить явление в целом, увязать ту сторону явления, которую данная категория отражает, с остальными его сторонами. Последнее придает категориям многогранность, обогащает их содержание, делает гибче, полнее, определеннее. Это одно из принципиальных отличий диалектических категорий от категорий метафизических. Метафизики в противоположность диалектике стремились всячески сузить свои категории, ограничить их, оторвать от других категорий и замкнуть их лишь в рамки той стороны предмета, которую они должны отражать, что выхолащивало и обедняло метафизические категории, делало их односторонними и ненаучными. Возражая против разделения Струве категорий на «социологические» и «экономические», В. И. Ленин, конечно, не выступал в принципе против признания категорий как первого, так и второго вида, тем более против признания определенной специфики у них. В. И. Ленин не соглашался с неокантианской идеей так называемых «чистых» социологических и «чистых» экономических категорий, так как любое общественное явление связано с экономикой, в свою очередь, любой экономический процесс вместе с тем является социальным фактором, поэтому и наши понятия должны улавливать эту взаимосвязь между ними.

Важную мысль высказал В. И. Ленин в письме к И. И. Скворцову-Степанову, написанном 2 декабря 1909 года, о категориях возможности и действительности. Касаясь вопроса о превращении возможности в действительность, В. И. Ленин подчеркивает, что не всегда возможность сразу становится действительностью, нередко этот процесс осуществляется по этапам, с охватом большого промежутка времени. Превращение

---

[7]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 34, стр. 19—20.

возможности в действительность зависит от многих обстоятельств и прежде всего от масштаба самого явления и глубины его изменений.

В годы реакции И. И. Скворцов-Степанов пришел к выводу о том, что повторение буржуазно-демократической революции невозможно и развитие России пойдет по прусскому пути. Показывая преждевременность и ошибочность данного вывода, В. И. Ленин пишет, что подобные рассуждения наруку лишь отзовистам и ликвидаторам. «Но главное, по-моему, — продолжает В. И. Ленин, — это то, что такой взгляд теоретически неверен. «Немецкие рельсы» возможны — слов нет. И мы это прямо признали в начале еще 1908 года. Но эта возможность превратится в действительность не иначе, как через ряд «общедемократических» натисков (или подъемов, или кризисов и т. п.) подобно тому, как Франция пришла к концу «общедемократических» натисков не после 1789—1793 гг., а после 1871 (т. е. после 1830, 1848 и 1871), — Германия не в 1849—1850, а также после 1871, то есть после Verfassungstreit (конституционного конфликта) 60-х годов»[8]).

Часто в философской литературе, раскрывая диалектику формы и содержания, ограничиваются характеристикой противоречия между содержанием и формой. Это, конечно, важная сторона в отношении между этими категориями. Однако для того, чтобы до конца разобраться во всей сложности взаимосвязи формы с содержанием, необходимо иметь в виду также противоречия внутри самого содержания. Противоречия внутри содержания предмета создают предпосылку и во многом определяют противоречие между его формой и содержанием. Последнее не исключает того, что противоречие между формой и содержанием обуславливается рядом других обстоятельств, в частности, влиянием внешних, случайных факторов. Форма «призвана» разрешать противоречия внутри содержания. И если она по тем или иным причинам не способна это выполнить, предмет начинает раздираться внутренними противоречиями, возникает конфликт между формой и содержанием, противоречия содержания давят на форму и в конечном счете разрушают старую форму, либо видоизменяют ее, если она в принципе соответствует своему содержанию.

Вопрос о воздействии противоречий внутри содержания явления на форму его и, наоборот, — формы на внутренние противоречия предмета В. И. Ленин ставит в «Открытом письме Председателю Совета РСДРП тов. Плеханову», которое было сначала издано отдельным листком, а потом напечатано в газете «Вперед» 30 апреля 1905 г. за подписью Центрального Комитета партии. Меньшевики после II съезда РСДРП повели раскольническую политику. Они ввергли партию в глубокий кризис, приостановив фактически ее революционную деятельность. Единственным выходом из создавшегося положения был созыв нового съезда. Но меньшевики, тянувшие партию назад, к кружковщине, противились этому и пытались сорвать съезд партии, цепляясь за некоторые несовершенные формальные моменты в уставе партии. Согласно уставу партии Плеханов, являясь Председателем Совета РСДРП, обязан был в таком случае выступить за созыв съезда. Он же, напротив, был противником созыва съезда. В письме В. И. Ленин от имени ЦК партии и в соответствии с волей партии настаивал на немедленном созыве съезда. «Наступил момент, — писал В. И. Ленин, — когда развитие внутренних противоречий нашей партийной жизни давит на те узкие и, как теперь всем нам видно, далеко несовершенные уставные рамки, которые нам дал II партийный съезд. Необходимы новые формы или

---

[8]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 34, стр. 358.

по крайней мере изменение старых, и сделать это может единственный законодатель соц.-дем. партии — партийный съезд...»[9]).

Вопреки проискам меньшевиков III съезд партии состоялся. Среди других важнейших решений на съезде был принят новый устав партии, который в то время полностью соответствовал программе и деятельности (т. е. содержанию) марксистской партии.

Центральное место среди всех философских вопросов, рассматриваемых В. И. Лениным в письмах, занимает вопрос о роли практики в познании. Этой проблемы В. И. Ленин касается в той или иной форме почти во всех своих письмах. Он постоянно подчеркивает, что практика служит основой и объективным критерием наших знаний, она движет и развивает мысль. Теория и практика должны находиться в органическом единстве. Отрыв теории от практики ведет к выхолащиванию теории, делает ее абстрактной и малосодержательной, а практику, в свою очередь, — слепой и бесперспективной.

Марксист, указывает В. И. Ленин, теоретические и политические выводы должен делать на основе лишь достоверных фактов. «Марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей, — писал В. И. Ленин к Н. Д. Кикнадзе в ноябре 1916 г. — Марксист должен в посылки своей политики ставить **только** точно и бесспорно доказанные **факты»**[10]).

Теория развивается в соответствии с развитием практики[11]). Это и делает познание историческим по своей природе.

Тесная связь теории с практикой в известной степени даже ограничивает, сдерживает последнюю, не позволяя порой сделать определенные выводы в том случае, если практика не накопила достаточного количества фактов. Когда группа арестованных социал-демократов в начале 1905 года обратилась к В. И. Ленину за советом о том, как вести себя на суде, в связи с тем, что царское правительство издало новый закон о «политических преступлениях», В. И. Ленин ответил в «Письме Е. Д. Стасовой и товарищам в Московской тюрьме», что конкретных рекомендаций он дать пока не может, ограничится лишь общими указаниями, так как опыта еще недостаточно для окончательных суждений по этому вопросу. Письмо В. И. Ленин заключает словами: «Надо дождаться некоторых указаний опыта. А при выработке этого опыта товарищам придется в массе случаев руководиться взвешиванием конкретных обстоятельств и **инстинктом революционера»**[12]).

Отсюда, однако, не следует, что В. И. Ленин не дооценивал разум и преклонялся перед практикой. Наоборот, великий стратег пролетарской революции придавал исключительное значение теории, но не всякой теории, а революционной теории, которая постоянно обновляется, развивается, впитывая в себя положительный опыт. Единство теории и практики революционного класса служит важнейшим условием истинности всякой теории. В конечном счете истинной теорией оказывается только та, которая прямо или косвенно опирается на практику прогрессивного класса. Связь мышления с революционной практикой и придает прежде всего познанию активное начало. Первейшей задачей съездов марксистской партии В. И. Ленин считал обобщение положительного опыта, накопленного партией в разных сферах ее деятельности, с тем, чтобы, руководствуясь выводами, полученными из практики, еще глубже и шире воздействовать на действительность, революционным обра-

---

[9]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 8, стр. 307.
[10]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 35, стр. 193.
[11]) См. письмо И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г. В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 16.
[12]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 8, стр. 52.

зом преобразовывать мир. Во время подготовки IX съезда КПСС В. И. Ленин от имени ЦК направил партийным организациям специальное письмо, в котором разъяснялись задачи, стоявшие перед съездом. Указывая на то, что центральным пунктом повестки дня съезда должен быть вопрос о хозяйственном строительстве, В. И. Ленин писал: «Надо идти вперед, надо смотреть вперед, надо принести на съезд продуманный и внимательно, общим трудом, общими усилиями всех членов партии переработанный практический опыт хозяйственного строительства»[13]). Только это, подчеркивал В. И. Ленин, даст возможность преодолеть разруху, порожденную войной.

На многочисленных примерах В. И. Ленин показывает в письмах, что марксисты и противники марксизма принципиально по-разному понимают практику и по-разному используют ее в своих рассуждениях. Идеологи буржуазии, а также ревизионисты и оппортунисты выхватывают отдельные фактики, абсолютизируют их, закономерное подменяют случайным, свои субъективные впечатления выдают за объективную реальность и на этой основе строят теории и доказательства. Марксисты анализируют практику всесторонне, глубоко, беря ее во всем объеме, в развитии, в противоречии, выделяя в практике главные процессы, решающие факторы. Только такой диалектико-материалистический подход к общественной практике дает возможность делать правильные выводы из опыта и применять практику как объективный критерий истины. Особое значение В. И. Ленин придает тому, чтобы рассматривать практику в движении, развитии, как процесс. В связи с этим, В. И. Ленин в «Письме к товарищам», написанном в конце октября 1917 года, назвал марксистский критерий истины «критерием движения». В данном письме В. И. Ленин с исключительной яркостью раскрывает качественную разницу в понимании практики со стороны марксистов и немарксистов. Письмо содержит критику В. И. Лениным доводов Зиновьева и Каменева, которые накануне Октябрьской революции выступили против вооруженного восстания и против социалистической революции. Они ссылались на то, что якобы народ не готов к революции и он не пойдет за большевиками, что буржуазия сильна, что вооруженное восстание будет подавлено и это повредит международной пролетарской революции, что «в массах нет рвущегося на улицу настроения» и т. п. «Когда люди дадут буржуазии запугать себя, тогда, естественно, все предметы и явления окрашиваются для них в желтый цвет, — пишет В. И. Ленин по поводу этих утверждений штрейкбрехеров революции... — Они марксистский критерий движения подменяют интеллигентски-импрессионистским, на место политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении...»[14].

В своих письмах В. И. Ленин рассматривает также некоторые проблемы диалектической логики. Формальная логика не признает такого логического способа доказательства как сравнение. В. И. Ленин же широко использует сравнение как доказательство. Например, книга «Материализм и эмпириокритицизм» во многом построена на принципе сравнения теории познания махизма и диалектического материализма. Применяет В. И. Ленин сравнение в качестве доказательства и в письмах. В историческом письме «Марксизм и восстание», написанном в сентябре 1917 года, В. И. Ленин, призывая партию к организации вооруженного восстания, отмечал: «Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда обязательно для

[13]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 30, стр. 379.
[14]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 26, стр. 178.

партии признать восстание поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями»[15]).

В. И. Ленин указывал, что в июле восстание было бы ошибкой, так как за большевиками тогда еще не шло большинство народа, большинство пролетариата, поэтому, захватив власть, ее нельзя было бы удержать. К сентябрю 1917 года обстановка в стране в корне изменилась. Создались объективные предпосылки для свержения Временного правительства вооруженным путем и установления диктатуры пролетариата, потому что большинство рабочих, большинство народа пошло за коммунистами. Жизнь полностью подтвердила гениальное ленинское предвидение.

Используя сравнение как способ доказательства, В. И. Ленин сопоставляет не случайные предметы, а берет одинаковые события, однородные факты, сравнивая их по существенным признакам, анализируя эти события всесторонне.

---

[15]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 26, стр. 5.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Ф. А. СЕЛИВАНОВ

КАК ВОЗНИКАЮТ ЛОЖНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Становление новых понятий, суждений и т. д. происходит не вне связи с другими суждениями, умозаключениями, понятиями.

Некоторые суждения возникают на основе восприятий: человек высказывает суждение о воспринимаемом, не умозаключая. В таких случаях кажется, что суждение никакого отношения к другим мыслям не имеет. В действительности же самые простейшие суждения опосредствованы предшествующим опытом, мыслительной деятельностью. Чтобы сказать, например, что этот стол черный, надо знать, что такое черный цвет, отличать стол от других предметов мебели и т. д.

В умозаключении же связь мыслей такова, что она дает новую мысль. В акте умозаключения мысль (суждение) вытекает из посылок, имеющих общее звено. Истинность вывода здесь непосредственно зависит от истинности посылок. Бывают, конечно, случаи получения верной мысли из ложных посылок, но многие новые заблуждения возникают именно потому, что в основе рассуждения лежала какая-то ложная мысль.

Ф. Энгельс писал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности...»[1]).

Неверные взгляды могут быть восприняты человеком от других людей и влиять затем на оценку им явлений, событий, поступков. В капиталистических странах школа, церковь, печать и радио насаждают идеализм, религиозные верования, буржуазные предрассудки. Некоторые неверные воззрения могут быть «унаследованы» от родителей.

При наличии ложной посылки мышление «сработает» так же как и при истинной: вывод неизбежно будет сделан, поскольку у мыслей есть общее, связующее звено.

Ложные выводы могут, став посылками в других умозаключениях, породить новые заблуждения.

Единственный ли это путь возникновения ложных выводов? К утвердительному ответу на этот вопрос склонялся в русской логике Н. Я. Грот, автор книги «К вопросу о реформе логики». Он считал, что в неверных заключениях «виновато» одно: ошибочность или недостаточность наблюдений. Н. Я. Гроту не удалось доказать свое положение, да он и не мог его доказать: факты свидетельствуют о том, что ложный вывод может быть получен из истинных посылок.

Случаи получения ложного заключения из истинных посылок некоторые логики-идеалисты рассматривают как результат нарушения законов мышления. Английский логик С. Джевонс, например, писал:

---

[1]) Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 317.

«Законы мышления часто называют необходимыми законами, т. е. такими, неповиновение которым невозможно. Однако же, разве мы не видим на деле, что эти законы часто не исполняются?»[2]).

Логические законы мышления имеют необходимый характер, они возникли у человека в процессе его практики под влиянием повторения типов воздействия, т. е. законы мышления имеют объективное содержание. Логические законы не нарушаются в процессе умозаключения. Так называемое «учетверение терминов» не опровергает это положение, а, наоборот, подтверждает. При анализе этой ошибки может показаться, что при «учетверении терминов» в умозаключении связываются посылки, не имеющие последующего звена. Однако это не так.

Ф. Энгельс в статье «К жилищному вопросу» рассказывает следующий анекдот. Один старый майор приказал позвать своего вольноопределяющегося: — Послушайте! Вы, говорят, доктор, — заходите же ко мне время от времени; когда имеешь жену и семерых детей, всегда найдется, кого полечить. Вольноопределяющийся: — Виноват, господин майор, я доктор философии! Майор: Это для меня безразлично, доктор есть доктор.

Майор рассуждал так: доктор может лечить, вольноопределяющийся — доктор, следовательно, он может лечить. Майор знал только один вид докторов — врачей, для него всякий доктор есть доктор (врач). Средний термин в посылках этого умозаключения тождественен самому себе. Неверный вывод возник потому, что майор имел лишь понятие о докторе как враче. Первая посылка верна лишь относительно докторов врачей, но неверна по отношению, например, к доктору философии. N в действительности не являлся доктором в понимании майора.

Рассмотрим также рассуждение Ломброзо в книге «Гений и безумие»: безумный человек — ненормален, но и гений — это тоже необычайный, следовательно, ненормальный человек, поэтому гений и безумец — идентичные понятия. В этом умозаключении средний термин тождественен самому себе в посылках (ненормальный — отклоняющийся от обычного). Ошибка здесь также обусловлена не нарушением закона тождества, а тем, что Ломброзо, в частности, не посчитался с многозначностью слова «ненормальный». В суждении: «безумец—ненормален»— Ломброзо заменяет действительное значение слова «ненормален» другим значением, что привело к отождествлению нетождественного, к ложному заключению.

Такая возможность отождествления нетождественного, отклонения от нормы, вытекающей из закона тождества, есть, ибо существует полисемия слов. Во многих остротах эта возможность используется, и чем неожиданнее отождествление, тем эффектнее острота. В этих случаях есть логическая ошибка — отклонение от нормы, вытекающей из закона тождества, являющегося одним из условий достижения истинного вывода. Отклонение от нормы состоит в том, что отождествляется то, что в действительности нетождественно (N — не врач; гений не является ненормальным и т. д.).

Возможность возникновения ложных выводов в умозаключениях содержится в самом мышлении, ибо некоторые формы связей истинных мыслей могут дать как верное заключение, так и неверное. Аналогия, имеющая форму:

А присущи признаки а, в, с.

В присущи признаки а, в, с, d,

ведет лишь к вероятному выводу о принадлежности признака предмету

---

[2]) Стенли Джевонс, Основы науки. Трактат о логике и научном методе, С. Петербург, 1881, стр. 7.

А. Немало верных суждений было получено людьми именно по этой форме умозаключения, но и некоторые заблуждения возникли также из аналогий.

Одним из видов умозаключений, связь истинных посылок в котором может дать как верную, так и неверную мысль (в разных случаях, конечно), является категорический силлогизм, в котором средний термин не распределен ни в одной из посылок.

Джек Лондон в рассказе «Польза сомнений» повествует о следующем случае. Картер Уотсон, автор книг о рабочем классе и обитателях трущоб, зашел в бар «Вандом». Владелец бара Пэтси Хоран был зол на весь мир.

«Но Картер Уотсон не знал этого. Пока он двигался по коридорчику, угрюмый взгляд Пэтси Хорана случайно упал на обложку журнала, который Картер держал под мышкой. Пэтси не знал Картера Уотсона, не знал и того, что под мышкой у него иллюстрированный журнал. Томимый хандрою Пэтси решил, что незнакомец принадлежит к разряду тех назойливых субъектов, которые портят и уродуют стены его помещения, наклеивая на них или прикалывая кнопками рекламы. Раскрашенная обложка журнала показалась ему такого рода рекламой. С этого и началась история. Пэтси с ножом и вилкой кинулся к Картеру Уотсону.

— Вон отсюда! — взревел Пэтси. — Знаю твои штуки!

Картер Уотсон опешил».

Выводы владельца «Вандома», что у незнакомца под мышкой реклама и что незнакомец — расклейщик реклам, были неверными. Первый вывод Пэтси Хоран сделал из истинных посылок. В рассказе Джека Лондона говорится, что Пэтси принял журнал, имеющий раскрашенную обложку, за рекламу. Пэтси знал, что рекламы обычно ярко раскрашены. То, что держал под мышкой незнакомец, имело этот признак. Оба эти суждения верны, а вывод ложен: у Картера был журнал, а не реклама.

Были ли основания для какого-нибудь вывода из названных посылок? Если схематизировать процесс умозаключения Пэтси, то его можно представить так:

Класс А имеет признак а.

В имеет этот признак.

Следовательно, В входит в А.

В посылках этого категорического силлогизма средний термин не распределен. Д. П. Горский в своей «Логике» говорит: «Итак, если средний термин является не распределенным в обеих посылках, то никакого заключения из этих посылок сделать нельзя»[3]).

С такой формулировкой согласиться нельзя. Ошибка Пэтси состоит не в том, что он сделал вывод: он не мог не сделать его, ибо из посылок, имеющих связующее звено, вывод с неизбежностью следовал. Но заключение является лишь вероятным суждением, так как посылки являются достаточным основанием для предположения, но не для достоверного вывода. Пэтси Хоран ошибся, приняв свой вывод за достоверный, а ошибся потому, что «был зол на весь мир».

Владелец «Вандома» совершил отход от логической нормы, вытекающей, в частности, из закона достоточного основания. Логическая ошибка здесь есть. Мы не можем согласиться с мнением В. Н. Мороза, высказанным им в книге «Насущные вопросы логики»: «К счастью для человечества, никто (за исключением ненормальных) не делает логи-

---

[3]) Д. П. Горский, «Логика», 1958, стр. 166.

ческих ошибок в прямом смысле слова как в силлогизмах, так и в других формах движения мысли...»[4]).

В. Н. Мороз считает, что люди превосходно могут обходиться без «правил мышления», что учение о формальном критерии истинности ложно. Это ошибочное мнение. Оно вытекает из другого неправильного утверждения В. Н. Мороза, сходного с утверждением Н. Я. Грота, что причина ошибок — незнание, т. е. ложность посылок. В. Н. Мороз не хочет замечать случаев возникновения из истинных посылок ложных выводов. Логические правила потому и нужны, что они показывают, когда может возникнуть ошибочное заключение.

Форма категорического силлогизма с нераспределенным средним термином в истинных посылках содержит возможность получения ложного вывода, но это не дает оснований утверждать, что форма эта «ошибочна», «неправильна», что заключать по ней нельзя. Следователь совершил бы ошибку, если бы не сделал вывода из следующих посылок. Известно, что у каменщиков и штукатуров, работавших долгое время при постройке и ремонте домов и вынужденных ходить по узким доскам лесов наблюдается привычка ставить ступни ног параллельно друг другу с неразвернутыми носками. Следы ног преступника шли параллельно друг другу, а не с развернутыми в стороны носками.

Эти посылки дают основание предполагать, что преступник — каменщик или штукатур. Это суждение требует еще проверки.

В весьма трудное положение попали бы врачи, если бы они отказались делать выводы, когда средний термин не распределен в посылках силлогизма. Ведь врач, ставя диагноз, судит о характере заболевания по симптомам, которые в большинстве случаев не являются отличительными. Если врач свой диагноз сочтет за окончательный и не требующий проверки, он может ошибиться. Характерен в этом отношении следующий пример. В. И. Менделеев в юности был тяжело болен, и врачи приговорили его к смерти. Считали, что у него последняя степень чахотки: время от времени у него горлом шла кровь. Тогдашние врачи долго не могли распознать истинной причины этих кровотечений. А их вызывал совсем не смертельный и при известных условиях даже не очень опасный порок сердечного клапана.

Человеческому уму свойственно заключать по следствию о причине, т. е. идти от утверждения следствия к утверждению основания. Известно, что такой ход мыслей не гарантирует истинности вывода, поскольку одно и тоже следствие может быть вызвано разными носителями причины. Но было бы неправильно считать, что в таких случаях нельзя делать вообще вывода. Часть таких выводов оказываются истинными. Если бы этого не было, люди бы никогда не мыслили, идя от следствия к основанию. Но такой ход мысли может привести к ложному заключению.

В одном из своих романов Б. Прус рассказывает о следующем случае. Участник неудавшегося восстания, спасаясь от преследователей, проявляет мужество, изобретательность и, уже чувствуя себя в безопасности, заходит в деревню и располагается на чердаке хаты на отдых. Вдруг он видит, что в деревню въезжает отряд кавалеристов, из тех, что преследовали восставших. Двое из них спешиваются, подбегают к хате и стучат в дверь. Все ясно — кто-то его выдал, они пришли за ним. Он вынимает револьвер и стреляет себе в лоб. Кавалеристы, достучавшись, попросили у хозяйки воды, напились и побежали к своим. Выстрела никто и не расслышал.

---

[4]) В. Н. Мороз, Насущные вопросы логики, изд. САГУ, Ташкент, 1955, стр. 33.

Вывод участника восстания был неверен, хотя основания для предположения были. Герой романа имел право предполагать, насторожиться, подозревать, что кавалеристы явились за ним. Известно, что если преследователи хотят взять преследуемого и знают, где он находится, они приходят туда, где спрятался преследуемый. В данном случае было именно это: преследователи явились туда, где находился участник восстания. Человек более твердого характера подождал бы пускать себе пулю в лоб: достоверного вывода из этих посылок сделать было нельзя. Рассуждение идет по такой схеме:

Если А есть В, то С есть Д.

С есть Д.

Вероятно, А есть В.

Некоторые гипотезы возникают в результате умозаключений по этой форме. Она имеет право стоять в ряду с такими формами умозаключений, как та аналогия, которая упоминалась выше, как популярная индукция, тоже могущая при истинности посылок дать ложный вывод, который называется «поспешным обобщением». Этот список можно дополнить и другими формами, в частности той, которую называют ошибкой «post hoc, ergo propter hoc».

Никакой ошибки нет в том, что человек мыслит по этим формам, хотя они и могут привести к ложному выводу. Ошибка заключается в том, что вывод, требующий проверки, принимается за достоверный, т. е. такой, истинность которого не подлежит сомнению.

Причина того, почему вероятный вывод принимается за достоверный находится вне этих форм, хотя возможность этого—в них.

Умозаключает человек, имеющий определенные интересы, желания, эмоции и страсти, черты характера. Психика человека определяется социальными условиями, что обусловливает, прежде всего, тот интерес, который может тормозить или содействовать достижению истины.

Формальная логика, изучая условия, при которых из посылок следует истинный вывод, и условия, при которых может заключение быть ложным, вносит свой вклад в изучение гносеологических корней заблуждений.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Ф. А. СЕЛИВАНОВ

ФРАНЦУЗСКИЙ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ БЮФФОН

В трудах французского натуралиста Бюффона ярко проявились тенденции развития науки середины и второй половины XVIII века.

Естествознание и философия в этот период сделали крупный шаг вперед. В методологическом отношении это выразилось в том, что в господствовавшем тогда метафизическом мировоззрении начали возникать бреши.

Астрономия, геология и, пока еще робко, биология стали расшатывать господство метафизического взгляда на природу. Идея развития начинает проникать в естествознание и философию все более и более. Конечно, и до этого времени в науке были диалектические обобщения. Чистой от диалектики науки никогда не существовало. Однако диалектические соображения таких ученых XVII века, как, например, Стено, или таких философов, как, например, Лейбниц, находились в тесном переплетении с их теологическими и метафизическими вглядами.

В середине же восемнадцатого века была пробита в господствующем метафизическом мировоззрении первая значительная брешь. Сделал это философ И. Кант. В 1755 году вышла в свет его «Всеобщая естественная история и теория неба», представившая солнечную систему как нечто ставшее во времени без всякого первотолчка.

Оценивая значение космогонической гипотезы И. Канта, Ф. Энгельс писал в «Диалектике природы», что из нее следовал вывод, что чем-то ставшим должны были быть также теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние земли, ее растения и животные, и она должна иметь историю не только в пространстве, но и во времени.

Известно, что таких четких и решительных выводов естествоиспытатели не сделали сразу же, но естествознание шло к таким выводам. Конкретные данные астрономии, геологии, биологии требовали нового осмысления. Ломоносов в России, а Бюффон во Франции положили в естествознании начало этому осмыслению.

Жорж Луи Леклерк Бюффон родился более чем два с половиной столетия назад — в 1707 году в г. Монбаре (Франция).

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, его отдали в Дижонский колледж. Там он обратил на себя внимание большими способностями, трудолюбием и страстью к занятиям математикой. Это увлечение математикой не прошло бесследно, оно оказало влияние на взгляды Бюффона и проявилось в его произведениях.

После окончания колледжа Бюффон отправился из Парижа в Италию. Ее ландшафты произвели на Бюффона неизгладимое впечатление. Может быть тогда и появилось у него желание приняться за изучение причин, создавших современный рельеф земли.

Бюффон побывал и в Англии, где усовершенствовал свои знания английского языка. Вернувшись в Париж, он перевел на французский язык теорию флюксий Ньютона и «Статику растений» Гальса. Так же, как и Вольтер, он становится горячим поклонником Ньютона.

В 1739 году Бюффон был назначен управляющим Ботанического сада. «Сделавшись начальником Jardin des Plantes (Ботанического сада. — **Ф. С.**), он сперва страстно полюбил природу, а потом стал изучать ее по-своему, внося глубокую думу в исследование фактов, думу живую и совершенно независимую от школьных предрассудков...»,—писал о Бюффоне А. И. Герцен[1]).

С 1749 по 1788 год — год смерти Бюффона — вышли в свет 36 томов его капитального сочинения, известного под названием «Всеобщей и частной естественной истории». Это произведение сделало имя его автора широко известным в Европе и в России. Изящный стиль изложения, оригинальные и смелые мысли, высказанные во «Всеобщей и частной естественной истории», способствовали распространению славы Бюффона как талантливого натуралиста и как писателя, наделенного живым воображением. Ж. Ж. Руссо имел основания назвать его стиль самым прекрасным в восемнадцатом веке.

Оценивая значение Бюффона в истории науки, Ф. Энгельс писал в статье «Положение Англии. Восемнадцатый век»: «Естественная история была поднята на уровень науки Бюффоном и Линнеем»[2]).

Объем вопросов, рассматриваемых в произведении «Всеобщая и частная естественная история», очень широк.

Автор изложил в нем свою космогоническую гипотезу, свои взгляды на причины, сформировавшие современный рельеф земли. В этом труде Бюффон дал описание многих видов животных, их сравнительной анатомии. Здесь мы найдем и изложение возрастных особенностей человека, описание человеческих рас. Наконец, здесь есть и рассуждения о любви и браке и специальная работа о том, каким должен быть научный метод познания. Это произведение богато описаниями наблюдений и опытов самого автора и других натуралистов. Таким образом, от проблемы о происхождении земли до проблем психологии и морали — таков диапазон вопросов, рассматриваемых Бюффоном.

Однако эта книга — не механическое соединение разнородных сведений, накопленных естествознанием к середине восемнадцатого века. Нет, Бюффон сделал попытку синтетического обобщения этих сведений.

Труды Бюффона находили теплый прием у идеологов молодой, в то время прогрессивной, французской буржуазии. Его призыв искать естественные причины для объяснения явлений природы и его исследования в этом направлении импонировали французским философам-материалистам. На мировоззрение самого ученого оказало влияние общение с материалистами-энциклопедистами. Бюффон и его помощник Добантон писали статьи по вопросам естествознания в «Энциклопедию», которую редактировали Дидро и Даламбер.

В 1751 году четырнадцать предложений его «Истории и теории Земли» были торжественно осуждены католически настроенной Сорбонной. Церковь преследовала ученого. Она вынудила его признать бога. Однако Бюффон на всю жизнь сохранил оптимистическое убеждение, что наука способна раскрыть действительные причины явлений, не выдумывая сверхъестественных.

Своеобразным был его взгляд на материю. Материя, которую он понимал как вещество, составляющее предметы, — это стеклообразное

[1]) А. И. Герцен. Избр. философ. произвед., т. I, 1946, стр. 309.
[2]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. I, 1955, стр. 599.

вещество. Он писал, указывая на единство мира, видя это единство в общей основе: «Основа минералов, растений и животных есть лишь вещество, в стекло обратимое»[3]).

Французский естествоиспытатель сформулировал идею об изменении природы как развитии, как возникновении нового в повторяемости явлений. Характерно, что в развитии им было «схвачено» отчасти то, что позднее было обобщено в формулировке закона отрицания отрицания.

Бюффон говорил, что при первом взгляде может показаться, что природа земли не изменяется, не движется, потому что явления повторяются. «Но, наблюдая лучше, заметим, что ее ход не есть совершенно одинаков: узнаем, что она принимает заметные перемены, получает последовательные изменения, объединяется в новые сочетания материи и формы...»[4]). И он добавляет, что теперешняя природа земли очень отличается от той, какой она была в начале и от той, какой она становилась в своем движении. Бюффон сделал попытку дать историю поверхности земли во времени.

Бюффон выделил в истории земли семь эпох. Их величественную поступь он нарисовал в произведении, которое так и назвал: «Эпохи природы». Опубликован этот труд был через тридцать лет после выхода первого тома «Всеобщей и частной естественной истории». «Эпохи природы» оказали своими общими выводами положительное влияние на естествознание. Мысли, высказанные Бюффоном в этой книге, противоречили метафизическому пониманию движения.

Значение геологических работ Бюффона в том, что, опираясь на накопленные естествознанием факты и выводы—часто верные, иногда, правда, и неверные, он выступил против библейской легенды, по которой современный рельеф земли был сфомирован всемирным потопом. С неоспоримыми фактами в руках Бюффон доказал, что моисеев потоп не мог за такое короткое время сформировать параллельные слои, горы, долины. Современный рельеф земли был образован не сразу, не вдруг—он претерпел историю. По мнению Бюффона земля существует 75 тысяч лет.

Значение Бюффона в истории геологии состоит в том, что он попытался проследить конкретно те периоды, которые прошла земля и ее рельеф в своем развитии, представить эволюцию земли как закономерную смену эпох.

На геологические воззрения Бюффона оказали влияние взгляды Лейбница. В теориях земли того и другого много общего.

Бюффон считал, что первоначально земля имела высокую температуру и светилась собственным светом. Когда она охладилась, то пары воды сгустились и образовали всемирный океан. Морские приливы и отливы сформировали в основном рельеф земли. Потом уровень воды понизился вследствие того, что часть воды ушла под землю. Когда обнажились материки, то началась работа речных вод.

Поверхность земли более остыла, чем ее внутренность. При доказательстве положения о внутреннем жаре земли Бюффон ссылается на опыты, как он говорит, «проверенные и достоверные»: температура повышается по мере опускания человека внутрь земли. Если проникнуть в глубь земли еще дальше, чем мы смогли, то эта теплота будет еще больше: участки, соседние с центром земли, самые горячие.

Из того, что в Сибири, Канаде находят кости слонов и эти кости сходны по своему внутреннему строению и размерам с костями совре-

---

[3]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 483.
[4]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 479.

менных слонов, обитающих в южных краях, Бюффон сделал вывод, что некогда в северных странах было также тепло: земной шар остывал постепенно.

В своей теории земли Бюффон допустил ряд ясных уже для современников ошибок. Наиболее крупными из них были: наивное объяснение явления вулканизма, игнорирование сдвигов в пластах после их образования. В этом отношении работа М. В. Ломоносова «О слоях земных» (1763 год) весьма выгодно отличается от работ Бюффона.

Бюффон выступил против метафизического учения о неизменности видов, против креационизма.

В самом начале исторического очерка, предпосланного «Происхождению видов», Ч. Дарвин писал, что до недавнего времени значительное большинство натуралистов было убеждено, что виды представляют нечто неподвижное и были созданы независимо одни от других. Однако, как отмечает далее Ч. Дарвин, небольшое число натуралистов полагало, что виды подвергаются изменениям и что существующие формы жизни произошли путем обычного зарождения от форм, прежде существовавших. К числу таких натуралистов автор «Происхождения видов» относит Бюффона, ибо это был «первый из писателей новейших времен, обсуждавший этот предмет в истинно научном духе...»[5]).

Эта высокая оценка Ч. Дарвиным французского естествоиспытателя позволяет считать последнего одним из предшественников дарвинизма, тем более, что он был первым во Франции, заговорившим об изменчивости видов в научном духе.

По мнению Бюффона, животные изменяются при географических переселениях в места, где условия жизни другие, изменяются и тогда, когда меняется климат. Животные Северной Америки произошли от животных Старого Света, так как сходны с ними, но в то же время и отличаются от них, что вызвано разными условиями жизни.

Бюффон, таким образом, не только указал на изменчивость видов, но и пытался показать причины этого. Такими причинами он считал климат, пищу и вмешательство человека с его стремлением к приручению и порабощению животных. Правда, развить и доказать мысли об изменчивости видов Бюффону не удалось.

Бюффон шел к правильному пониманию значения и смысла классификации растений и животных.

Среди историков естествознания нет единства в оценке значения взглядов Бюффона на классификацию. Некоторые историки биологии называют его врагом всякой классификации предметов природы. Так, например, И. И. Мечников в «Очерке вопроса о происхождении видов», противопоставляя Бюффона Линнею, назвал первого врагом всяких рамок и классификаций. В. В. Лункевич в своей книге «От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии», писал: «Поклонник природы, ее красочных пейзажей, ландшафтов, да и всего, что дышит под луной; приверженец Руссо и его панегириков всему естественному; человек, с любовью выписывавший все детали жизни отдельного животного и восторгавшийся одновременно величественной, закономерной поступью «Эпох природы»,—Бюффон считал классификацию выдумкой человеческого ума, искусственно дробящего прекрасный единый мир на отдельности, извращающего природу искусственными рубриками и этикетками, убивающего жизнь, бьющую повсюду ключом...»[6]).

Нам кажется подобная характеристика взглядов Бюффона неверной.

---

[5]) Ч. Дарвин, Происхождение видов, Сельхозгиз, 1952, стр. 77.

[6]) В. В. Лункевич, От Гераклита до Дарвина, т. 2, АН СССР, 1940, стр. 257.

Автор «Всеобщей и частной естественной истории» не только не выступал против классификации, но и высказал по этому вопросу, наряду с примитивными метафизическими положениями, и ряд верных мыслей. Он считал, что природа объективна и неистощима в своих проявлениях. Многократное восприятие предметов природы является непременным условием познания объективного деления вещей. Бюффон писал: «...когда мы сталкиваемся с одними и теми же предметами, часто их воспринимаем, и так сказать, без намерения, то они образуют мало-помалу прочные впечатления, которые вскоре соединяются в нашем уме... и от них мы поднимаемся к всеобщим понятиям, благодаря которым мы можем сразу объять много разных объектов»[7]).

Бюффон, излагая способы изучения естественной истории, писал, что они помогают уму достичь последовательности понятий о предметах, хотя и отличающихся друг от друга, «но которые сходны по общим признакам; и это их сходство производит в уме нашем гораздо сильнее впечатление, чем то, какое могут сделать предметы, не имеющие сходства, никакого отношения»[8]).

Бюффон справедливо выступал против отождествления качественно различных предметов природы, протестовал против тех систем, классификаций, которые основывались на фактах сомнительных, на выдумывании сходства между предметами, которые совершенно различны. Он считал, что объективное сходство и различие предметов—основа классификации. При делении нужно не выбирать произвольно тот или иной признак, как это обычно делали, в том числе и Линней, а принимать во внимание сходство или различие в целом, в совокупности признаков.

Бюффон был убежден, что создать совершенной классификации невозможно, ибо природа переходит от одного вида к другому, от одного рода к другому неприметными изменениями и часто между двумя родами находится промежуточный вид.

На взгляды Бюффона оказал влияние метафизический принцип постепенности, выдвинутый немецким философом Лейбницем, который лишь отражал непрерывность в природе и абсолютизировал ее.

Но взгляды Бюффона стоят выше взглядов Лейбница и Бонне, автора книги «Созерцание природы» (1764 год), который особенно много занимался доказательством того, что природа не терпит скачков, что все в ней совершается постепенно. Бюффон так же, как и Бонне, говорил о постепенности в природе, но, наряду с этим, он видел и качественное различие одной классификационной группы от другой, догадывался, когда рассуждал о том, какой должна быть систематика, о прерывности в природе. Глубоко понять же действительное единство прерывности и непрерывности в природе ему не удалось. Кроме того, Бюффон, критиковавший систематиков за произвол в выборе основания деления, сам выдвинул еще более произвольное основание при делении животных: отношение их к человеку.

При рассмотрении источника движения Бюффон оставался на метафизических позициях. Это сказалось особенно на создании им космогонической гипотезы. Суть гипотезы, которую он излагает в «Истории и теории земли» (1749) и «Эпохах природы», сводится к следующему.

Планеты возникли в результате удара кометы о солнце. Комета, коснувшись поверхности солнца, выбила из него поток вещества, из которого и образовались планеты. Общий удар сообщил им вращение около оси и обращение в одной и той же плоскости.

---

[7]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 13—14.
[8]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 14.

Бюффон полагал, что только внешний толчок, удар, внешняя причина могли привести к образованию планет солнечной системы. Такой причиной, по его мнению, могла быть только комета, ибо факты свидетельствуют о том, что кометы близко подходят к солнцу. Создатель этой гипотезы не знал природы комет, которые не могут оторвать от солнца поток вещества. Кроме того, вещество, оторванное кометой от солнца, если бы это было возможно, снова упало бы на него. По своему содержанию гипотеза Бюффона уступала гипотезе Канта, была гораздо ниже ее.

Значение космогонической гипотезы Бюффона определяется не ее конкретным содержанием, а тем, что это была первая научная гипотеза, рассматривающая происхождение земли и других планет в силу естественных причин.

Бюффон пошел дальше механистического детерминизма в понимании необходимости и случайности. Он не отождествлял причинности и необходимости, как это делал Гольбах и другие французские философы-материалисты. По его мнению, случайности есть и они также причинно обусловлены. Создавая теорию земли, он не отрицал значения случайных факторов в формировании современного рельефа земли. Но искать надо такие факторы, которые необходимы, они являются главными. А необходимыми он называл те факторы, которые действуют постоянно, образуют «порядок» в природе. Такими факторами он считал морские приливы и отливы, направления ветров, течения рек и так далее, а случайными—землетрясения, действия вулканов, наводнения и прочее.

Бюффон противопоставлял необходимость и случайность. То или иное в рельефе земли он объяснял **либо** случайными причинами, **либо** необходимыми. Так, например, результатом действия необходимости он объяснял то, что слои различных веществ, составляющих землю, лежат параллельно и на одном уровне. Оседания же произошли случайным образом.

Заслуга Бюффона в естествознании восемнадцатого века заключается в том, что он признавал необходимость и случайность в природе, однако он не понял их связи, того, что за случайностью «стоит» необходимость, что необходимость проявляется через случайность. Вскрытие законов, управляющих явлениями,—вот задача естествознания, по мнению Бюффона. Каков же путь осуществления этой задачи? Бюффон много думал об этом и высказал много верного, обобщая свои приемы научного исследования и приемы других естествоиспытателей.

Он писал, что нужен такой метод, который бы отражал порядок самих вещей, указывал дорогу нашему уму, освещал путь нашим поискам, расширял их и предохранял нас от блужданий.

Главнейшим положением рассуждения Бюффона о методе является следующее положение: «... естествоиспытатель должен уметь хорошо различать то, что имеется действительно в самом предмете, от того, что нами в него произвольно привнесено, распознавать ясно свойства, ему присущие, от тех, которые мы ему приписываем...»[9]).

Не одна страница в работах Бюффона посвящена призыву не привносить в объективный порядок вещей ничего субъективного, произвольного. Задача натуралиста—познать вещи такими, каковы они есть в действительности, ничего не добавляя к ним от себя. Только при этом условии естествоиспытатель может достичь истины и избежать заблуждений.

Исходить при познании законов нужно из данных описания, из накопленных фактов. Сделать точное описание, накопить факты—это глав-

[9]) Buffon, Oeuvres complètes, t. 1, Paris, 1839, p. 29.

ная задача натуралиста в начале исследования, но не главная задача исследования в целом. Цель натуралиста, по Бюффону,— опираясь на данные наблюдения и опыта, вскрыть проявление общего в частном. Он писал: «... следует однако стремиться возвыситься к предмету более великому и к еще более заслуживающему нашего занятия: соединять наблюдения, обобщать факты, связывать их посредством аналогий и стараться достигнуть той высокой ступени знаний, когда мы в состоянии судить, что действия частные зависят от действий всеобщих, когда мы можем сравнить природу с нею самою же в ее великих проявлениях, и когда мы можем, наконец, открыть себе пути для совершенствования различных частей физики»[10]).

Для достижения первой цели, по справедливому мнению Бюффона, нужна хорошая память, прилежание и внимание, но для осуществления второй задачи нужно нечто большее: умение постигать общее, проникать в глубь явлений и способность рассуждать, которая образуется скорее в результате размышления, чем в результате учебного прилежания.

Характеризуя научный метод Бюффона, И. В. Гете писал, что Бюффон «умеет от единичного возвыситься до общего» и «несмотря на бесконечные частности, которым он отдается, он, однако, не упустил признать нечто общее». Гете продолжает: «Несомненно, что, просматривая теперь его произведения, мы найдем, что он сознавал все основные проблемы, которыми занимается естествознание, и серьезно трудился над разрешением их, хотя и не всегда удачно»[11]).

И. В. Гете хорошо подчеркнул одну из особенностей метода Бюффона—его стремление найти общее в единичном, частном. Бюффон стремился в своей научной работе осуществлять принцип: факты наблюдений, опытов—основа для выводов, размышлений. В «Эпохах природы» он говорил, что нужно рыться в архиве мира, извлекать из недр земли старые памятники, собирать их остатки и соединять воедино все доказательства физических перемен. Он высоко оценивал индукцию, говорил, что она основывается на повторяемости явлений.

В работах Бюффона намечается понимание взаимосвязи индукции и дедукции. Он подчеркивал огромное значение индукции в открытии законов, но и видел роль дедукции в познании, когда писал: «Общие действия есть для нас действительные законы природы. Все явления, которые мы узнали как относящиеся к этим законам и от них зависящие, будут столь фактами объясненными, сколь истинами постигнутыми»[12]).

Истины, являющиеся обобщением фактов, Бюффон называл физическими истинами.

«Физические истины... никоим образом не произвольны,—говорит он,—и не зависят от нас. Они основание свое имеют не в сделанных нами предположениях, а опираются на факты»[13]). Физические истины, как показывает это высказывание, Бюффон рассматривает как объективные истины, как имеющие объективное содержание, т. е. рассматривает с материалистических позиций.

Кроме физических истин, существуют еще, по Бюффону, математические истины. Они не что иное как истины определений. Эти определения основываются на простых, но отвлеченных предположениях. Мате-

---

[10]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 26.
[11]) И. В. Гете, Избранные сочинения по естествознанию, АН СССР, 1957, стр. 238—239.
[12]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839 p. 28.
[13]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 27.

матические истины—это сложные и всегда абстрактные следствия таких определений.

Рассуждая так, Бюффон приходит к ложному выводу, что то, что называют математическими истинами, сводится к идентичности мыслей и не имеет никакой реальности. Мы предполагаем, мы рассуждаем, основываясь на наших предположениях, выводим из них следствия, заключаем; вывод или последнее следствие есть предложение, истинное в отношении к нашему предположению, но эта истина реальна не более, чем самое предположение.

Бюффон не понял природы так называемых «математических истин», не понял того, что они имеют также объективное содержание, как и «физические истины».

Бюффон считал, что при изучении общих действий, законов природы союз двух наук—математики и физики—может дать большие выгоды: одна познает количество, другая—качество вещей. Совокупное применение этих двух наук необходимо на этапе объяснения, когда мы судим о причине действия, создаем гипотезы. Когда мы представляем физическую сторону предмета, тогда нужно прибегнуть к вычислениям. Если окажется, как считает Бюффон, что результат вычислений согласуется с наблюдениями, вероятность, что мы угадали настоящую причину, так сильна, что она становится уверенностью (убеждением). Без помощи математики она оставалась бы простой вероятностью.

Бюффон писал: «Правда, это соединение математики и физики может быть только при изучении небольшого числа предметов. Нужно для этого, чтобы явления, которым мы ищем объяснение, могли быть рассматриваемы абстрактно, т. е. чтобы они были лишены почти всех своих физических качеств. Если они будут хоть сколько-нибудь сложны, вычисления нельзя применять»[14]).

Если бы, говорит Бюффон, Ньютон оставил бы нам только физические идеи о системе мира, без подтверждения их точными математическими исчислениями, они не имели бы такой силы истины.

Эти рассуждения о роли математики в познании весьма показательны. Бюффон отходит в них от своих воззрений на «математические» истины как произвольные, чисто субъективные положения. Его взгляды на значение математики отражали факт все усиливающегося проникновения ее в естественно-научные исследования. Однако Бюффон в отличие от ряда своих предшественников и современников—философов и натуралистов—не переоценивал роли математики, не считал ее всесильным методом познания. Скорее он недооценивал ее значение, ибо думал, что главным образом она успешно может быть применена в астрономии и оптике.

Нельзя не согласиться и с его мнением о том, что проверка математическими средствами имеет обосновывающую силу. Но как быть, когда математические средства бессильны? Бюффон видит выход в том, чтобы делать и делать наблюдения, стремясь познать сущность вещей, обобщая накопленные факты и не приписывая им ничего от себя. Только при этом условии натуралист достигнет достоверных знаний.

Исследование, по Бюффону, заканчивается приведением в систему идей. Он писал, что нужно факты связывать вместе посредством аналогий, подтверждать или опровергать сомнительные случаи при помощи экспериментов, создавать свой план объяснения, основанный на соединении всех связей и излагать в естественном порядке.

Труды Бюффона пронизывает вера материалиста в возможность познания природы—это было одним из центральных его убеждений.

---

[14]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 27.

Предметов природы, говорил он, удивительное множество, разнообразие их поразительное. При первом взгляде на них человеку кажется, что невозможно достигнуть познания всех этих различных предметов. Но со временем накапливаются впечатления от них, и человек, приступивший к изучению природы, будет в состоянии изучать предметы в последовательности, размышлять с пользой и пролагать путь к полезным открытиям.

Бюффон справедливо замечает, основываясь на данных истории наук, что исследование природы совершается не сразу, не вдруг: знания накапливаются со временем. Заслуга Бюффона в том, что он рассматривает познание как процесс довольно-таки трудный, но Бюффон не понял внутренней диалектики этого процесса: его он рассматривает как простое прибавление знаний и отбрасывание заблуждений. Помехами в познании, по Бюффону, являются только предвзятый подход к вещам и скороспелые заключения.

Изучением природы молодыми людьми нужно руководить: «Главное — обогащать их умы мыслями и фактами, препятствовать, сколько возможно, произведению ими поспешных выводов и суждений, потому что всегда бывает, что по неведению некоторых фактов и в результате малого количества мыслей они изнуряют свой ум ложными комбинациями и обременяют память сомнительными следствиями и заключениями, противными истине, от которых впоследствии образуются предубеждения, которые истребить трудно»[15]).

Бюффон верил в могучую силу человеческого разума. Он думал, что если дать ему, когда он созрел для глубоких рассуждений, шествовать самому собой, то эта лучшая гарантия того, что он верно познает порядок вещей.

***

Прекрасную характеристику Бюффону дал И. В. Гете: «Этот замечательный человек ясно и свободно смотрел на окружающее, любил жизнь и радовался живому: весело интересовался всем существующим»[16]).

Труды Бюффона отразили особенности эпохи, в которую он жил. Усиление диалектических тенденций в науке, по сравнению с XVII веком, выразилось и в работах Бюффона, сделавшего попытку систематического обобщения достижений естествознания к середине XVIII века и разрабатывавшего идею развития в природе.

---

[15]) Buffon, Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1839, p. 14.

[16]). И. В. Гете, Избранные сочинения по естествознанию, АН СССР, 1957, стр. 238.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Р. М. РИВКИН

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ АПОЛОГЕТИКИ МОНОПОЛИЙ В РАБОТАХ И. ШУМПЕТЕРА

Одной из наиболее важных задач буржуазной политической экономии на современном этапе является апологетика монополий. Ушли в вечность те времена, когда буржуазные экономисты расписывали на все лады преимущества свободной конкуренции, объявляя в то же время монополию «игрой природы», исторической аномалией, якобы нарушающей общие принципы экономического развития на базе свободной конкуренции.

Подобные попытки отмахнуться от господства монополий, замолчать их характерны не только для буржуазных экономистов XIX века. Как указывал И. Блюмин[1]), восхваление свободной конкуренции продолжалось вплоть до тридцатых годов нашего столетия.

Однако, господство монополистических объединений стало настолько явным, гнет монополий стал настолько тяжелым, что замолчать это больше не представляется возможным. Стало ясным, что в нынешних условиях невозможно защищать капитализм, не оправдывая господство монополий. Именно этим объясняется вынужденный отказ буржуазных экономистов от рассмотрения свободной конкуренции в качестве нормального и типического явления. Новая задача — обелить, приукрасить монополии — вызвала к жизни большое количество самых разнообразных теорий монополии и конкуренции, породила ряд изощренных приемов и методов апологетики монополистического капитала.

Разумеется, в рамках одной статьи невозможно дать критический анализ всех приемов апологетики монополий, используемых в буржуазной литературе. Мы остановимся на некоторых из них, применяемых известным американо-австрийским экономистом И. Шумпетером.

***

И. Шумпетер (1883—1950) является одним из видных буржуазных экономистов эпохи империализма. Его перу принадлежит множество работ как в области теоретической политической экономии, так и в области конкретной экономики, особенно финансовой науки. Много писал Шумпетер и по истории экономических учений. Его деятельность в качестве экономиста-теоретика началась в Австрии, а с 1932 года Шумпетер переселился в Соединенные Штаты Америки, где быстро занял весьма солидное место в буржуазной политэкономии. Уже тот факт, что он был единственным иностранцем, избранным на пост президента Американской Экономической Ассоциации (1948 г.), говорит сам за себя.

---

[1]) И. Блюмин. Кризис современной буржуазной политической экономии. Москва, ИМО, 1959, стр. 271.

Деятельность Шумпетера проходила в тот период, когда капитализм перерос в свою монополистическую стадию. Поэтому вполне естественно, что Шумпетер уделяет особое внимание апологетике монополий, тем более, что значительную часть своей жизни он провел в США, где монополии обладают особенно большой властью. «Американские тресты,— писал Ленин,— есть высшее выражение экономики империализма и монополистического капитализма»[2]). Защищая капитализм, Шумпетер не может не защищать монополии. И характерно, что Шумпетер защищает капитализм именно как монополистический капитализм. Если многие буржуазные экономисты конца XIX и начала XX века (А. Маршалл, Д. Б. Кларк и др.) тщательно маскировали апологетику монополий, то в его работах защита и оправдание монополий особенно бросается в глаза. Да и сам он не считает нужным особенно скрывать это. «Монополизация,— пишет Шумпетер,— может увеличить влияние лучших и уменьшить влияние худших умов»[3]).

Шумпетер понимает, что господство и гнет монополий возбуждают все усиливающийся протест широких народных масс. Он вынужден признать это. «В англо-американском мире, — меланхолически замечает Шумпетер, — «монополия» стала проклятым словом»[4]). Поэтому ставится задача — оправдать господство монополий. В первую очередь Шумпетер стремится стереть различие между свободной конкуренцией и господством монополий и доказать, что капитализм был всегда монополистическим. Для этого конструируется такое определение монополии, которое отрывает монополию от концентрации производства. «Монополист, — пишет Шумпетер, — это отдельный продавец. Каждый, кто продает что-либо, будет буквально монополистом, если он продает отличающуюся от других (хотя бы упаковкой) вещь»[5]). И далее он говорит, что монополисты это «те отдельные продавцы, рынки которых не открыты для внедрения возможных производителей того же самого товара»[6]). В конечном итоге, исходя из подобных определений Шумпетер приходит к выводу, что каждый бакалейщик, имеющий свой маленький и надежный рынок, который он пытается постепенно строить и охранять от других, обладает монополией, и что монополия бакалейщика отличается от «Юнайтед Стейтс Стил Корпорейшн» только в количественной степени, т. е. только величиной рынка.

В данном случае Шумпетер следует за выдвинутой Чемберлином теорией «дифференциации продукта», суть которой состоит в том, что монополией обладает всякий, кто производит и продает хоть чем-нибудь отличающуюся вещь. В таком случае даже самое карликовое предприятие, даже ремесленник, может стать монополистом, если производит какую-нибудь особую вещь и обладает поэтому преимуществом перед другими производителями.

Возникает вопрос: а существуют ли в таком случае монополии в тех отраслях, где производятся однородные продукты (например, цемент, хлопок и т. п.). По отношению к этим отраслям трудно говорить о пресловутой «дифференциации продукта». Для такого случая Шумпетер использует широко распространенное в буржуазной литературе понятие «олигополии». Здесь мы имеем дело с попыткой доказать, что монополия может существовать только тогда, когда один производитель контролирует производство и реализацию какого-либо индивидуально определенного продукта. В случае, когда в отрасли господствуют несколько

[2]) В. И. Ленин, Соч., том 23, стр. 32.
[3]) И. Шумпетер, Капитализм, социализм и демократия, 1942, стр. 101.
[4]) И. Шумпетер, Капитализм, социализм и демократия, стр. 106.
[5]) Там же, стр. 99.
[6]) Там же.

предпринимателей, монополии, по Шумпетеру, быть не может, а существует олигополия, под которой он понимает контроль нескольких крупных фирм над какой-нибудь отраслью. А поскольку контроль одной фирмы над отраслью встречается крайне редко, то молчаливо подразумевается, что монополия есть редчайший случай, не заслуживающий особого внимания и, во всяком случае, не связанный с определенной ступенью в развитии концентрации производства.

Шумпетер идет еще дальше, заявляя, что монополии существовали даже в XVI—XVII веках, когда абсолютные монархи предоставляли различные льготы отдельным предпринимателям и, в частности, монопольное право на выпуск некоторых товаров и торговлю ими. Такое положение существовало в Англии, а также во Франции, особенно при Кольбере, который искусственно насаждал подобные монополии в целях укрепления французского абсолютизма.

Перед нами, таким образом, определенная система, построенная с расчетом доказать, что монополия является обычным состоянием капитализма на всем протяжении его истории. Тем самым монополии как бы растворяются в общей массе капиталистических предприятий, отличаясь, в лучшем случае, лишь количественными признаками.

Критический анализ этой системы показывает всю ее искусственность. Известно, что основу монополий составляет концентрация производства, в результате которой господствующую роль в каждой отрасли производства начинает играть небольшое количество гигантских предприятий. Следует, далее, отметить, что концентрация производства связана со стандартизацией, без чего невозможно наладить производство массовой продукции. Именно в таких отраслях и господствуют наиболее мощные монополии. В этом легко убедиться на примере автомобильной промышленности США. Общеизвестно, что в автостроении стандартизация производства достигает очень высокой степени. По Шумпетеру здесь не должно быть монополии. Однако, именно автомобильная промышленность США относится к отраслям с наиболее сильной степенью монополизации[7]). Здесь господствует «большая тройка» монополий, ведущих между собой ожесточенную конкурентную борьбу. В 1948 г. эти монополии («Дженерал моторз», «Форд» и «Крайслер») произвели 78% всех автомобилей в США. А в 1958 г. их доля поднялась до 96%!

Образование монополий совершенно не связано с «дифференциацией продукта». Скорее наоборот, там, где стандартизация производства развита сильнее, быстрее возникают мощные монополии. Утверждение Шумпетера, что монополией может быть любое мелкое предприятие, вплоть до бакалейщика, совершенно несостоятельно. Очевидно, что только гигантские размеры производства могут обеспечить за капиталистическим предприятием монопольное положение. Даже если допустить, что какой-либо мелкий предприниматель сумел наладить производство уникального товара, то крупные монополии, в руках которых сосредоточены основные сырьевые и финансовые ресурсы, транспорт, связь, рынки сбыта, неминуемо обрушились бы на такого конкурента и раздавили бы его. Трудно даже представить, что в современных условиях, когда руководство техническим развитием сосредоточено в руках монополий, найдется какой-либо мелкий или даже средний капиталист, имеющий возможность выступить в качестве новатора производства или закрепить за собой рынок какого-либо нового продукта.

---

[7]) Заметим мимоходом, что Шумпетер здесь противоречит сам себе. По его теории, в автопромышленности монополий быть не должно, в то же время он приводит в качестве примера монополизированной отрасли именно автомобильную промышленность США.

Яркой иллюстрацией подобного положения является история с заменой паровозов тепловозами в США. Известно, что потребность в переходе на тепловозую тягу в США созрела еще в период кризиса 1929—33 годов. Уже тогда велись работы в области создания тепловозов с электрической передачей. Однако, по-настоящему переход на тепловозную тягу начался в США лишь после второй мировой войны. В настоящее время паровозы в США не производятся, а тепловозной тягой осуществляется основная масса перевозок на железных дорогах страны. Долгое время ни одна фирма не решалась взяться за освоение производства тепловозов из-за необходимости вложить в это дело очень большой капитал. Одна небольшая компания, рискнувшая на это, очутилась в период кризиса 1929—1933 гг. в трудных финансовых условиях, чем воспользовался такой монополистический гигант, как «Дженерал Моторз». Только гигантской монополии оказалось под силу вложить в исследование по подготовке выпуска тепловозов 74 млн. долларов. Это было отмечено комиссией американского сената, которая в 1956 г. писала: «...только ограниченное количество фирм могло позволить себе такой шаг, который предприняла компания «Дженерал Моторз», войдя в эту новую область». Поэтому монопольное положение в производстве тепловозов с электрической передачей занимает крупнейшая корпорация «Дженерал Моторз» (76% всего выпуска тепловозов), ранее не игравшая никакой роли в транспортном машиностроении, а не такие влиятельные паровозостроительные компании, как «Америкен локомотив», «Болдвин локомотив», «Лайма локомотив», у которых нехватило ни средств, ни силы, чтобы отстоять сферу своих интересов от быстрого вторжения столь мощного соперника[8]). Мелкие фирмы не могут использовать даже запатентованные ими изобретения. Как правило, они оказываются под таким нажимом со стороны крупных монополий, что вынуждены продавать им эти патенты. Нередки также случаи, когда крупные монополии приобретают патенты вместе с активами поглощаемых ими компаний. Так, например, поступила «Юнайтед шу мэшинери корпорейшн», производящая до 85% оборудования для обувной промышленности США. С начала XX века до 1947 года она поглотила 57 компаний и только за 1930—1947 гг. скупила 4172 патента[9]).

Определение монополии, данное Шумпетером, не только теоретически несостоятельно, но и противоречит реальной действительности. Шумпетер, между прочим, сам косвенно признает это, когда пишет, что только крупные предприятия могут в современных условиях обеспечить технический прогресс.

Рассуждения об «олигополии» представляют собой пример терминологического ухищрения, при помощи которого отрицается господство монополий. Однако, как показал И. Блюмин[10]), состояние, при котором контроль над отраслью находится в руках одной фирмы, принципиально не отличается от господства в отрасли нескольких крупных предприятий. Буржуазные экономисты противопоставляют монополию олигополии в том смысле, что будто бы при монополии внутри отрасли полностью отсутствует всякая конкуренция (понятие «чистой монополии»), а в случае олигополии имеется конкуренция («эффективная конкуренция» или «монополистическая конкуренция» — по определению Д. М. Кларка).

---

[8]) См. «Монополистический капитал США после второй мировой войны», АН СССР, 1958, гл. 1, 2.

[9]) Там же, стр. 82.

[10]) И. Г. Блюмин., Кризис современной буржуазной политической экономии, Москва, ИМО, 1959, стр. 285—286.

Однако даже в том случае, когда в отрасли господствует одна фирма, конкуренция не устраняется полностью. Монополия конкурирует с иностранными фирмами, производящими аналогичные товары. По мере технического развития усиливается конкуренция субститутов. «Для того, чтобы гарантировать себя от всякого вторжения конкурентов, — пишет И. Блюмин, — монополия должна была бы подчинить себе все совокупное производство, притом не только в национальном, но и в международном масштабе, что, как известно, невозможно»[11]).

Отсюда вполне ясно, что «чистая монополия», как ее представляет Шумпетер, не может существовать в реальной действительности, а противопоставление монополии и олигополии совершенно иллюзорно и надуманно. Господство нескольких крупных фирм в отрасли и борьба между ними — типично монополистическая картина.

Неправомерно и проводимое Шумпетером отождествление современных монополий с монополиями XVI—XVII вв., т. е. теми, которые возникали на заре капиталистического способа производства. Цель такого приема ясна—оторвать монополии от концентрации производства, скрыть специфический характер монополий, показать «извечность» монополистического капитализма. Таким путем Шумпетер пытается слить воедино два различных периода в развитии капитализма: период возникновения капитализма, когда последний пробивал себе дорогу в недрах феодального способа производства и вел ожесточенную борьбу с феодализмом, и период империализма. Это делается для того, чтобы стереть различия между загнивающим, паразитическим и умирающим капитализмом, каким он является в период империализма, и растущим, игравшим в период своего возникновения прогрессивную роль капитализмом, представить монополистический капитализм в качестве растущего и развивающегося явления.

Однако ставить знак равенства между монополиями периода XVI—XVII вв. и нынешними монополистическими союзами так же правомерно, как отождествлять средневековый дилижанс с реактивным самолетом. Сходство между указанными типами монополий чисто случайное, поверхностное, различия же носят коренной характер. В период возникновения капитализма уровень концентрации производства был крайне низок и, следовательно, не создавал предпосылок для образования монополий. Последние насаждались искусственно феодальным государством в своих интересах, подчинялись феодальным государствам, обслуживали их и не играли господствующей роли в производстве. По мере дальнейшего укрепления капитализма эти искусственные монополии потеряли свой смысл, превратились в силу, тормозящую развитие капиталистического производства и постепенно исчезли, уступив свое место господству свободной конкуренции, которая в конце XIX века привела, притом закономерно, к возникновению господства монополий в капиталистическом производстве.

Современные монополии качественно отличаются от тех, которые существовали в эпоху первоначального накопления. Они господствуют во всем общественном производстве, подчиняют себе буржуазное государство и, самое главное, играют не прогрессивную, а глубоко реакционную роль.

Таким образом, попытка Шумпетера внести путаницу и неопределенность в понятие монополии терпит крах не только при анализе ее с позиций марксистско-ленинской теории, но и при сопоставлении с фактами реальной действительности капиталистического общества.

---

[11]) И. Г. Блюмин. Кризис современной буржуазной политической экономии, Москва, ИМО, 1959, стр. 285—286.

**
*

Шумпетер, как и другие его собратья по перу, уделяет большое внимание сопоставлению свободной конкуренции с конкуренцией в условиях монополистического капитализма. Он рассуждает очень просто: поскольку конкуренция в условиях монополистического капитализма сохраняется, то ничего не изменяется, и никаких различий между современным капитализмом и капитализмом XIX века не существует. Таким путем, конечно, можно «доказать» многое.

Шумпетер «забывает» очевидную истину, что на стадии империализма конкуренция приобретает новые качества, превращаясь в средство удушения мелких и средних предприятий, в средство присвоения монополиями все большей доли национального дохода.

Просто отмахнуться от таких очевидных фактов, как взвинчивание цен, искусственное ограничение производства, постановка препятствий по пути внедрения новой техники монополиями, нельзя. Каким же путем Шумпетер пытается оправдать эту, выражаясь его словами, «ограничительную деловую стратегию»?

Оказывается, что под влиянием сознательных действий монополистов в экономике капитализма происходят эволюционные изменения, которые непрерывно разрушают старое и создают новое. Это процесс созидательного разрушения (The Process of creative destruction). Процесс таких изменений носит очень медленный и длительный характер, и в каждый данный момент изменений не видно. Из этого делается следующий вывод: каждое действие монополий необходимо рассматривать в «длительной перспективе». Шумпетер говорит, что следует строго различать временные и длительные интересы монополий. В конечном итоге, утверждает он, монополии стремятся к расширению производства путем роста производительности труда. В результате возникающего из этого снижения издержек производства монополии снижают цены и расширяют спрос. Так, по Шумпетеру, выглядят действия монополий, если их рассматривать в «длительной перспективе». Однако условия меняются, развитие идет очень быстрыми темпами, возникают различные непредвиденные случайности. Если развитие не контролировать, то может произойти катастрофа. Для того, чтобы этого не произошло, монополии должны прибегать к «ограничительной деловой стратегии», т. е. время от времени взвинчивать цены через приостановку технического прогресса. Но это, как указывает наш автор, только временное явление, так сказать, страховка. Повышение цен — это страховка от их чрезмерного падения в будущем, сокращение производства — это страховка от его возможного кризисного падения, приостановка технического прогресса — страховка от преждевременного обесценения действующего оборудования. Поэтому при рассмотрении явлений в «длительной перспективе» оказывается, что «монополия» может использовать прогресс с меньшими социальными и частными издержками[12]).

Шумпетер пытается доказать таким путем, что монополии гораздо выгоднее для общества, чем немонополизированные предприятия. Последние вынуждены «плыть по течению», «подчиняться общему ходу событий», а монополии ведут «мудрую политику», они «могут регулировать производство для общей пользы» и тем самым ускорять общественный прогресс.

Немонополизированные отрасли, считает Шумпетер, обходятся обществу по указанной выше причине гораздо дороже. «...Американское

---

[12]) Шумпетер. Капитализм, социализм и демократия, стр. 92.

сельское хозяйство, английская угольная промышленность и английская текстильная промышленность (Шумпетер считает, что в этих отраслях нет монополий — *Р. Р.*) стоят потребителям гораздо больше, и влияют на общее производство гораздо губительнее, чем если бы каждая из них контролировались дюжиной хороших мозгов»[13]) — пишет он.

Используя вымышленную конструкцию «длительной перспективы», также можно «доказать» все, что угодно. Шумпетер широко пользуется представившейся возможностью. Одним махом он разделывается с монопольными ценами, заявляя, что при рассмотрении их в «длительной перспективе» они не отличаются от цен свободной конкуренции. Венцом же является буквально потрясающий вывод: если рассматривать явление в «длительной перспективе», то во-первых, монополия — это правило, а свободная конкуренция — это нарушение, а во-вторых — вообще нет никакого различия между господством монополий и господством свободной конкуренции. «Нет смысла разграничивать век свободной конкуренции и век монополий»[14]).

Перед нами яркий пример образца словесной эквилибристики, направленной на оправдание любого произвола финансовых магнатов. Шумпетер тщательно избегает проверки своей надуманной схемы на фактическом материале. Он предпочитает ограничиваться голословными утверждениями, ибо при сопоставлении с фактами реальной действительности все его теоретические построения рассыпаются, как карточный домик.

Даже в период самой благоприятной конъюнктуры монополии проводят политику искусственного ограничения производства в интересах взвинчивания цен. Об этом, в частности, пишет К. Д. Эдвардс, чья работа официально издана сенатом американского конгресса[15]). Он рассказывает о ряде монополистических соглашений, имевших целью ограничить производство магния в США, чтобы сохранить высокие цены на алюминий и магний. В результате был нанесен прямой ущерб интересам антигитлеровской коалиции, ибо по производству магния США серьезно отстали от Германии. Зато цена на слитки алюминия в США в 1939 году была приблизительно на 1 цент выше на фунт, чем в 1911 году, несмотря на резкое снижение издержек производства.

Ярким примером действий по ограничению производства и торможению технического прогресса является многолетняя борьба монополий против промышленного использования атомной энергии. Одна из причин этого — стремление нефтяных, угольных и других монополий предотвратить конкуренцию атомных электростанций. В последнее время Соединенные Штаты, боясь еще более отстать от СССР, разворачивают работы по промышленному использованию атомной энергии, однако факты свидетельствуют, что военное использование атомной энергии будет преобладать над использованием ее для мирных целей. Атомные электростанции предполагается использовать на военных базах, расположенных в труднодоступных местностях. Одновременно предполагается, что промышленные атомные электростанции будут вырабатывать плутоний для военных целей.

Таков истинный смысл шумпетеровской «ограничительной деловой стратегии». Вместо того, чтобы путем всестороннего использования атомной энергии в мирных целях «ускорять общественный прогресс»,

---

[13]) Шумпетер, Капитализм, социализм и демократия, стр. 92.

[14]) J. Schumpeter, Op. cit. p. 106.

[15]) См. К. Д. Эдвардс, «Международные картели в экономике и политике», ИЛ, Москва, 1947.

монополии США оказывают ожесточенное сопротивление этому прогрессу, ибо стремятся использовать величайшее достижение человеческого разума — открытие атомной энергии — для разрушения замечательных ценностей, накопленных человечеством. И не последнее место в ряду причин, определяющих отрицательное отношение магнатов финансового капитала к промышленному использованию атомной энергии, занимает стремление поддержать высокие тарифы на электроэнергию, боязнь обесценения основного капитала, вложенного в тепловые и гидравлические электростанции.

Можно увидеть, что в схеме Шумпетера истинные отношения поставлены с ног на голову. Шумпетер пытается убедить читателя, что монопольная цена (а, следовательно, и монопольно-высокая прибыль) есть не цель деятельности монополий, а только своего рода невинное средство «ограничительной деловой стратегии» капиталистического предпринимателя в целях предупреждения и смягчения различного рода экономических неурядиц и катастроф. Но ведь это грубейшая передержка! Именно захват господства для установления монопольных цен и получения монопольно-высоких прибылей — вот главная задача монополий, вот истинный смысл их деятельности, независимо от того, в какой «перспективе» ее рассматривать. Ведь дело доходит даже до того, что в то время, когда свыше половины человечества не имеет, по данным ООН, достаточного питания, монополии в целях повышения цен уничтожают массу товаров, особенно продовольственных. Это вынуждены признать и некоторые буржуазные идеологи. Американский бизнесмен Теодор Куинн писал: «...когда тонны картофеля и огромное количество рогатого скота и свиней, хотя в них нуждаются люди, должны быть уничтожены для того, чтобы предотвратить падение цен, то эта нетерпимая искусственная мера олицетворяет собой приговор системе»[16]).

Таким образом, «ограничительная деловая стратегия», которую на все лады расхваливает Шумпетер, отнюдь не направлена на достижение общей пользы с наименьшими издержками. Истинная цель ее — поддержание вздутых монопольных цен для обеспечения монопольно-высоких прибылей.

Совершенно противоречит фактам утверждение Шумпетера о том, что монопольные цены при рассмотрении их в «длительной перспективе» не превышают цен свободной конкуренции. Известно, что в условиях свободной конкуренции цены, как правило, снижались по мере снижения издержек производства. История монополий показывает нам, что, несмотря на снижение издержек производства, цены растут. Достаточно показательна динамика цен на сырую нефть в США. Если в 1892 году баррель сырой нефти продавался за 55,5 цента, то в 1900 году «Стандарт Ойл» продавал баррель нефти за 1,35 доллара, а в 1913 году ее цена достигла 2,45 доллара. Таким образом, несмотря на резкий рост производительности труда в нефтедобыче и связанным с этим снижением издержек производства, цены на нефть за 21 год были взвинчены в ,4 раза. И когда одного из руководителей «Стандарт Ойл» Роджерса спросили, почему за 20 лет «Стандарт Ойл» не удешевляет стоимость добычи и транспорта нефти ни на один цент и даже ни на одну долю цента, Роджерс заявил: «Мы занимаемся делами не ради нашего здоровья, а ради долларов»[17]). Другому руководителю «Стандарт Ойл» Арчболду был задан вопрос, правда ли, что пользуясь своей властью,

---

[16]) Цит. по работе: И. Г. Блюмин, Очерки современной буржуазной политической экономии США, Госполитиздат, 1956, стр. 137.

[17]) J. M. Tarbell, The history of the Standard Oil Company, L. 1905, V. II, . 225.

«Стандарт Ойл» продает по ценам, более высоким, чем те, которые установились бы при свободной конкуренции. Арчболд ответил: «Да, думаю, что это так»[18]). В упоминавшейся ранее работе К. Д. Эдвардса приводится история с установлением цены на карбид вольфрама. В 30-х годах все производство этого продукта в США находилось в руках «Дженерал Электрик». Используя свое монопольное положение, «Дженерал Электрик» установила цену на карбид вольфрама в размере 50 долларов за фунт при издержках производства в 8 долл. на фунт. Монопольная цена превышала издержки производства более, чем в 6 раз. Но и этого было недостаточно финансовым магнатам. В результате переговоров с германской фирмой «Фридрих Крупп» было достигнуто соглашение, позволившее установить в США цену на фунт карбида вольфрама в размере 453 долл., что в 57 раз превышало издержки производства[19]).

Если пытаться объяснить подобную цену по Шумпетеру, то, видимо, придется прийти к выводу, что цена в 453 доллара за фунт была страховой от перепроизводства, а «Дженерал Электрик», устанавливая ее, действовала как мудрейшая из мудрых в интересах развития общественного прогресса и т. п. Однако, о какой «страховке» можно говорить, если в Германии в 1936 году потреблялось карбида вольфрама на единицу производившейся стали в 22 раза больше, чем в США? Конечно, ни о каком перепроизводстве этого ценнейшего продукта и речи быть не могло. Американская промышленность остро нуждалась в карбиде вольфрама, из которого изготовлялись наконечники инструментов по обработке стали, а монопольная цена искусственно задерживала его широкое применение. В данном случае фальшь теории Шумпетера прямо бросается в глаза, ибо даже в 1940 году, когда в США шло бурное развитие военного производства, цена карбида вольфрама стояла на уровне 205 долл. за фунт, а уж в это время никакой угрозы перепроизводства не было.

История монополистической стадии капитализма в США показывает непрерывный рост цен с 1900 года, т. е. со времени перехода к монополистическому капитализму. Если индекс цен 850 важнейших товаров в 1923 г. взять за 100, то индекс цен в 1900 г. будет равным 56,2, а индекс цен в 1945 г.—121,1. Таким образом, за 45 лет индекс цен в США поднялся более, чем в 2 раза, несмотря на очевидное снижение издержек производства в связи с ростом производительности труда[20]).

Росли цены и в послевоенный период, несмотря на резкий скачок в росте производительности труда. В 1939 г. на добычу 1 т. битуминозного угля было затрачено 1,384 рабочих часа, в 1954 г. 0,833 раб. часа. Между тем, цена 1 т. угля франко-шахта увеличилась с 1,91 долл. в 1940 г. до 4,82 долл. в 1956 г.[21]).

Следует подчеркнуть, что растут цены, по которым продают свои товары именно монополии. Общий индекс цен с 1948 г. по 1955 г. поднялся на 6%, цены на сталь выросли на 44%, на алюминий — на 48%, а цены на фермерские товары с 1948 г. по 1955 г. упали на 14%[22]).

Таким образом, теоретические конструкции Шумпетера не выдерживают испытания при первом же сопоставлении с фактами. Не времен-

---

[18]) Jbidem

[19]) Карвин Д. Эдвардс, «Международные монополии в экономике и политике», ИЛ, стр. 53.

[20]) Statistical Abstract of the US, 1947, p. p. 287, 288.

[21]) Монополистический капитал США после второй мировой войны, АН СССР, 1958, стр. 359.

[22]) «Коммунист», № 4 1956 г., стр. 27.

ные, а постоянные, длительные интересы монополий заставляют их взвинчивать цены, ограничивать производство, уничтожать товары, задерживать технический прогресс. Эти действия диктуются основным экономическим законом капитализма, выступающим на современном этапе в форме закона монопольно-высокой прибыли.

К каким бы логическим хитросплетениям не прибегал Шумпетер, ему не удалось скрыть той очевидной истины, что в эпоху монополистического капитализма «правила и порядок экономической жизни были пересмотрены и приспособлены к нуждам монополий»[23]).

**
*

В своей апологетике монополий Шумпетер не мог оставить без объяснения причины империалистических войн. Разумеется, что искать у Шумпетера научное, правильное объяснение причин и природы империалистических войн бесцельно. Ни один буржуазный экономист не осмелится показать, что истинными виновниками войн являются магнаты финансового капитала. Наоборот, буржуазные экономисты из кожи вон лезут, чтобы обелить монополии и в этом вопросе, т. е. показать, что монополии не имеют никакого отношения к империалистическим войнам.

Шумпетер еще в 1919 году сделал попытку доказать подобное положение в ряде журнальных статей. Появление этих статей было вызвано необходимостью скрыть истинных виновников первой мировой войны, что было важно для буржуазии в эпоху быстро развивающегося мирового революционного подъема. Затем они были забыты. Однако в период обострения общего кризиса капитализма, когда монополиям США крайне необходимо «доказать» народам мира свою непричастность к агрессиям и войнам, «идеи» Шумпетера были извлечены из пыльных архивов на свет божий. Несколько лет тому назад его старые статьи изданы в США отдельным сборником. Более того, «идеи» Шумпетера были подхвачены и усиленно пропагандируются.

Это объясняется тем, что Шумпетер усиленно «реабилитирует» поджигателей войны. Он идет на все, чтобы «доказать» миролюбие буржуазии. Для этого на первый план выдвигается не что иное, как психология капиталистов. Их, по Шумпетеру, интересуют только грубо прозаические вещи: деньги, торговля и т. п. Им чужда героическая романтика конквистадоров. По складу характера буржуазия испытывает отвращение к войнам. Более того, буржуа — это собственники. А «...собственники, которые способны привлекать внимание грабителей, чувствуют отвращение к идеологии воинов. Поэтому промышленная и торговая буржуазия в основном пацифистская и склонна настаивать на применении либеральных принципов в частных и международных отношениях»[24]). Даже, если попадаются воинственные буржуа, то такие примеры капиталистической воинственности не исходят из классовых интересов буржуазии, так как война приносит буржуазии одни убытки в результате повышения налогов и введения государственного регулирования. Военная профессия, по Шумпетеру, самая небуржуазная. И чем более развит капитализм, тем менее охотно он идет на войну. «Чем совершеннее капиталистическая структура, тем более она миролюбива»[25]), — делает вывод Шумпетер.

Кто же тогда является виновником войн? Шумпетер отвечает: военные круги (в его терминологии «империалисты» или «мертвые силы»

---

[23]) В. Перло, «Империя финансовых магнатов», ИЛ, 1958, стр. 22.
[24]) J. Schumpeter. Op. cit, p. 128.
[25]) Там же.

в противовес «живым силам» — монополиям). Получается очень трогательная картина: миролюбивые капиталисты не хотят войны, а злокозненные военные круги насильно вовлекают их в военные авантюры и тем самым обрушивают на неповинные головы бедных капиталистов не только всякого рода невзгоды, но и марксистскую критику.

Что же представляют собой эти военные круги, которые, видимо, настолько сильны, что организуют войны вопреки воле класса капиталистов? Для ответа на этот вопрос Шумпетер снова устремляется в исследование психологии. Оказывается, что буржуазия не обладает способностями к государственным делам, к политическому руководству Для этого необходима привычка властвовать, необходим какой-то «ореол властителя», личное очарование, которое заставляет массы подчиняться властителю. Всего этого буржуазия лишена. Она суха, прозаична, знает только лишь свои торговые и финансовые конторы. «Гений деловой конторы часто бывает крайне неспособным вне этой конторы как в гостиной, так и на кафедре. Зная это, он не желает лезть в политику»[26]). Таким образом, капиталисты должны найти определенную касту людей, которые будут выполнять политические и военные функции. Это аристократы — остатки феодального строя. Они обладают всеми качествами, необходимыми для выполнения подобных функций. Монополисты вынуждены призывать их, а, следовательно, соглашаться с их действиями, даже в тех случаях, когда эти действия невыгодны монополиям.

Так Шумпетер подходит к выводу о том, что капиталистические монополии ничего общего не имеют с империализмом, что империализм — это однородное тело в капиталистическом обществе, что монополии не виноваты в тех разрушительных войнах, в которые человечество ввергается по милости империализма.

Вся эта, с позволения сказать, «аргументация» направлена на замазывание такого очевидного факта, как полное подчинение империалистических правительств (в том числе и военных кругов) монополиям Нетрудно увидеть, что рассуждения Шумпетера представляют собой грубейшее искажение истинного положения вещей. Конечно, можно найти в современном мире капиталистов, выступающих против войны. Известно, что даже в Соединенных Штатах раздаются отдельные голоса представителей делового мира, указывающие на всю абсурдность и безумие нынешней политики США. Но если взять основную, ведущую часть класса капиталистов империалистических государств — финансовую олигархию, — то станет очевидным тот факт, что войны и связанная с ними милитаризация народного хозяйства чрезвычайно выгодны монополиям, представляют для них поистине золотое дно. Общеизвестно, что капиталистические монополии неслыханно обогащаются на военных заказах. История двух последних десятилетий — яркое свидетельство этого. За период 1940—1944 гг. правительством США были заключены военные контракты на сумму в 175 млрд. долларов, причем 67% общей суммы заказов захватили 100 крупнейших монополий. Они получили основную массу сырья по сниженным ценам, а продукцию сбывали по необычайно взвинченным ценам. Все это привело к невиданному росту прибылей. Если за 6 довоенных лет (1934—1939 г. включительно) прибыли американских корпораций (до вычета налогов) составляли 26,4 млрд. долларов, то за 6 военных лет (1940—1945 гг.) — уже 114,1 млрд. долларов, т. е. увеличились в 4,3 раза[27]). За годы войны в Корее

---

[26]) Jbidem, p. 137.
[27]) The Economic Almanac, 1956, p. 450.

прибыли американских монополий достигли суммы 154,1 млрд. долл.[28]). Понятно, конечно, что именно капиталистическим монополиям, вопреки всем логическим фокусам Шумпетера, выгодна война.

Совершенно несерьезной является попытка Шумпетера возложить ответственность за империалистические войны на остатки класса феодалов — аристократов, сохранившихся до сих пор в капиталистическом обществе. Известно, конечно, что в кругах военщины таких государств, как Англия, фашистская Германия (а ныне ФРГ), Япония представители старой феодальной аристократии играли и играют довольно зловещую роль. Но и в этом случае они выступают в качестве агентуры финансового капитала, проводят его политику как в мирное, так и военное время. А как тогда обстоит дело в США, где феодализма не было? Неужели американским монополиям приходится импортировать английских лордов или японских самураев? Разумеется, что такое предположение, которое логически напрашивается из рассуждений Шумпетера, не заслуживает опровержения. Факты показывают, что военные круги США, как и любой империалистической страны, являются плотью от плоти финансовой олигархии. Характерно, что в настоящее время во главе вооруженных сил США стоят представители крупнейших монополий. Форрестол, Джонсон, Вильсон, Макелрой — вот далеко неполный список бизнесменов, занимавших в послевоенные годы крупнейшие военные посты в США. Президент американского общества инженеров-механиков Томас Джонс заявил: «Я не знаю ни одной крупной фирмы, которая не имела бы бреши в своем персонале из-за того, что некоторые ее руководители заняты в военных ведомствах»[29]). Основная же масса офицеров, как пишет В. Перло[30]), выходит из средних слоев класса капиталистов и остается в подчинении у главенствующих групп этого класса. О подчиненной роли, которую играют по отношению к финансовому капиталу военные круги США, свидетельствует и то, что после ухода в отставку большая часть высших офицеров получает теплые места в аппарате монополий. Только в 1955 г. свыше 2 тыс. кадровых офицеров оставили военную службу с тем, чтобы занять лучше оплачиваемые должности в промышленности[31]).

Таким образом, военные круги, во-первых, не являются инородным телом в общей системе монополистического капитализма, а, во-вторых, не являются силой, стоящей над монополиями и навязывающей последним свою волю.

Капиталистические монополии — вот истинный хозяин военной машины империалистического государства, вот истинный поджигатель империалистических войн.

***

Мы рассмотрели некоторые приемы апологетики монополий, используемые Шумпетером. Некоторые из них далеко не новы и не оригинальны. Сомнительная честь авторства других (теория «ограничительной деловой стратегии», «рассмотрение политики монополий в длительной перспективе» и объяснение империалистических войн) принадлежит Шумпетеру.

Критически анализируя экономические теории Шумпетера, мы сталкиваемся с бросающейся в глаза противоречивостью. Речь идет не о противоречии теории Шумпетера с марксистско-ленинской теорией и

[28]) The Economic Report of the President of the US, 1957, Vashington.
[29] Vital Speeches ofthe Day, March, 1952, p. 298.
[30]) В. Перло, «Империя финансовых магнатов», ИЛ, 1958, стр. 388—389.
[31] Там же.

реальной действительностью. Такого рода противоречие совершенно неизбежно для всякого буржуазного экономиста, пытающегося доказать недоказуемое. В данном случае речь идет о противоречиях методологического порядка.

Шумпетер стремился предстать перед читателем в облачении объективного исследователя тенденций развития капитализма. Он является автором широко распространенной в буржуазном мире теории «трансформации капитализма в социализм» или, как ее называют, теории «самоликвидации капитализма». Эта теория широко афишируется и комментируется не только буржуазными экономистами, но и правыми социалистами. Среди буржуазных экономистов Шумпетер выделяется особенно широким использованием социалистической фразеологии. Все это говорит о том, что апологетика Шумпетера, как правило, отличается тонкостью.

Однако, мы убедились, что «исследуя» монополии, он фактически сбрасывает свою маску, отказывается в большей части случаев от использования социалистической фразеологии и выступает как откровенный апологет монополий.

Такая противоречивость, на наш взгляд, является отражением крайнего обострения классовых противоречий в период общего кризиса капитализма. Обостряются не только противоречия между пролетариатом и буржуазией, но и противоречия внутри эксплуататорских классов, в первую очередь, между монополистической верхушкой и средними слоями буржуазии.

Апологетика Шумпетера, если можно так выразиться, предназначена для нескольких адресатов. Маскируя свою апологетику социалистической фразеологией, Шумпетер имеет в виду потребителей среди правосоциалистических теоретиков, для которых буржуазная политэкономия давно уже стала питательной базой. Вместе с этим он пытается успокоить буржуазию, сопровождая свои «мрачные» для нее рассуждения о перспективах капитализма многочисленными оговорками. И, наконец, выполняя заказ заправил финансового капитала, Шумпетер сбрасывает маску и демонстрирует откровенную защиту монополий. Последнее очень симптоматично: нельзя сейчас защищать капитализм, не выгораживая монополии. Об этом прямо пишет один из видных апологетов современных монополий Д. Лилиенталь: «Страх, подозрение, эмоциональное недоверие к крупному бизнесу неизбежно породили некоторую степень циничного недоверия к бизнесу в целом и обусловили недооценку роли бизнесменов в обществе»[33]).

Таким образом, противоречивость в методах апологетики объясняется обострением противоречий самого капитализма. И этот момент, усложняющий для буржуазных идеологов защиту и оправдание капитализма, является одним из симптомов кризиса современной буржуазной политической экономики.

В методах апологетики Шумпетер не может быть последовательным. Последовательность его в другом: он с самого начала неуклонно и рьяно выполняет социальный заказ финансовой олигархии, т. е. пытается всеми силами защитить капиталистическую систему от огня социалистической критики, обелить и оправдать монополистический капитализм.

---

[33]) D. Lilienthal. Big Business. A. New Era. N. Y., 1952, p. 4.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

А. И. УВАРОВ

РАБОТА В. И. ЛЕНИНА «РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ» И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Классическое произведение В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» имеет большое значение не только для научного коммунизма, марксистской политэкономии, но и для материалистической философии, в особенности для диалектической логики. В этой работе В. И. Ленин глубоко исследовал экономику России второй половины прошлого века, показал капиталистический характер ее и окончательно опроверг ошибочные взгляды народников, утверждавших о возможности перехода России к социализму, минуя капитализм.

Цель настоящей статьи—проанализировать ленинские приемы исследования сложного объекта и сделать на основе этого некоторые гносеологические выводы. Мы остановимся прежде всего на трех важных проблемах марксистской теории познания и логики: 1) объективность рассмотрения предметов, 2) абстракция как диалектическая форма мысли, 3) сравнение, анализ и синтез—главные виды умозаключений в диалектической логике.

Объективность—важнейший закон диалектической логики

В «Философских тетрадях» В. И. Ленин, перечисляя элементы материалистической диалектики, в качестве главного элемента ее поставил объективность рассмотрения предметов. В. И. Ленин пишет: «1) объективность рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)»[1]). Затем он называет другие принципы марксистского метода познания, в том числе основные законы диалектики.

Указание В. И. Ленина о том, что объективность рассмотрения изучаемых процессов лежит в основе материалистической диалектики следует, по нашему мнению, понимать таким образом.

Принцип объективности рассмотрения вещей (для сокращения мы будем называть его просто принципом объективности) с особой наглядностью воплощает в себе единство логики, гносеологии и диалектики в марксизме. Он осуществляет синтез материализма и диалектики, а также увязывает философский метод познания с конкретными науками, так как объективное изучение предмета предполагает, с одной стороны, материалистический и диалектический подход к нему, с другой, использование данных конкретных наук, ибо любой предмет исследования имеет не только общие стороны, улавливаемые философскими категориями, но и специфические, для познания которых недостаточно философии, а требуется использование положений частных наук. Принцип

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 213.

объективности коренным образом отличает материалистическую диалектику и от гегелевской диалектики и от метафизики материалистов, не говоря уже о методах мышления других философских направлений. Он возможен лишь на основе диалектического материализма. Подлинная объективность диалектике Гегеля не может быть присуща из-за идеализма, а метафизике материалистов—по причине метафизики. Идеалистическая диалектика и метафизика дают возможность лишь спорадически достигать объективности при изучении предметов, тогда как принцип объективности в научной форме требует глубокого осмысливания предмета во всех его связях и опосредствованиях, с обязательным обнажением сущности.

Поэтому принцип объективности в материалистической диалектике выступает как самостоятельный принцип, хотя и тесно связанный с остальными ее положениями. Он требует от материалиста быть диалектиком, а от диалектика—быть материалистом. Принцип объективности вместе с другими законами диалектики преобразует все человеческое мышление, делает мысль глубокой, подвижной, емкой по своему содержанию.

Мы считаем, что принцип объективности является исходным законом диалектической логики марксизма. В материалистической диалектической логике он играет такую же важную роль, как, например, закон тождества в формальной. По сути дела, закон тождества вместе с остальными основными законами элементарной логики выражает в первом приближении принцип объективности рассмотрения предметов, ибо одной из логических функций, выполняемых данным законом диалектического метода мышления, является требование наметить контуры исследуемого объекта, выделить в нем главные стороны и изучать то, что должно быть исследовано, не подменяя другими объектами или другими сторонами данного объекта.

Характеризуя принцип объективности, следует отметить также и то, что он органически увязывает теорию с практикой: стремление раскрыть объективную истину диктует, естественно, необходимость проверить добытые знания с помощью таких средств, которые бы выходили за рамки самого познания. Таким средством может быть только практика. Это в свою очередь указывает на то, что принцип объективности тесно связан с учением марксизма об активности познания, с принципом партийности и т. д.

Следовательно, принцип объективности, пронизывая все положения марксистского метода познания, марксистской логики, соединяет их в нечто единое, целостное, синтетическое.

Проанализируем, каким образом В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» реализует принцип объективности рассмотрения предметов—как первое условие достижения объективной истины и попытаемся обосновать выдвинутые выше положения.

В предисловии к первому изданию книги В. И. Ленин пишет: «В предлагаемой работе автор задался целью рассмотреть вопрос: как складывается внутренний рынок для русского капитализма? Известно, что вопрос этот поставлен уже давно главными представителями народнических воззрений... и наша задача будет состоять в критике этих воззрений. Мы не считали возможным ограничиться в этой критике разбором ошибок и неправильностей во взглядах противников; нам казалось недостаточным для ответа на поставленный вопрос привести факты, говорящие об образовании и росте внутреннего рынка, ибо могло бы являться возражение, что такие факты выбраны произвольно и опущены факты, говорящие против. Нам казалось необходимым рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс развития капитализма в

России в его целом»[2]). Далее В. И. Ленин оговаривается, что тема развития капитализма в России слишком широкая, поэтому он органичил ее, во-первых, тем, что рассмотрел вопрос с точки зрения образования внутреннего рынка, во-вторых, ограничился одной пореформенной эпохой, в-третьих, взял лишь «чисто русские губернии», в-четвертых, исследовал прежде всего экономическую сторону процесса.

Как видим, В. И. Ленин начинает изучение объекта с выявления этого объекта, с выделения наиболее важных сторон в нем, постольку поскольку принцип объективности требует идти в исследовании от самого предмета. Вместо разрозненных фактиков, которыми оперировали народники, нужно было рассмотреть в целом экономику тогдашней России. Вместе с тем принцип объективности не предполагает изучения абсолютно всех сторон предмета. Он допускает и даже предполагает отвлечение от части из них, от тех, которые не имеют принципиального значения. Чтобы опровергнуть утверждения народников о нежизненности капитализма в России, так как-де русский капитализм не располагал рынками для своего развития, В. И. Ленину достаточно было показать образование внутреннего рынка в стране как главного рынка, не касаясь внешнего, хотя оба они тесно связаны между собой.

Принцип объективности, следовательно, заключает в себе противоречие, которое свойственно человеческому познанию. С одной стороны, он требует, как мы отметили, идти от предмета, но с другой стороны, чтобы идти от предмета, нужно правильно определить его и, что еще важней, правильно изучить предмет, т. е. идти от знания уже имеющегося в распоряжении исследователя. Это противоречие, концентрирующееся наиболее ярко в принципе объективности, разрешается всей марксистской философией. Для объективного познания реальных вещей, необходимо опираться на научную методологию, которая в снятом виде содержит все знания человечества на данной ступени развития, а также использовать конкретные научные теории интересующей нас области. Это и дает возможность как бы сомкнуть старые знания с новым объектом, в результате чего и получается истина, новое знание. Постолько, поскольку подлинная объективность в познании вещей возможна лишь в случае постоянного движения мысли вперед, то существует необходимость включения все новых и новых знаний, в том числе полученных в процессе исследования данного предмета, в процессе познания. Ниже мы покажем, как это требование учитывается в качестве обязательного диалектическими формами умозаключений.

В. И. Ленин, анализируя экономику царской России, исходил не только из материализма и диалектики, что видно уже из приведенной цитаты, но и из основ марксистской политэкономии, которые были изложены им в первой главе книги.

Субъективизм народников, буржуазных экономистов в понимании русской экономики конца 19 века объясняется не только их нежеланием серьезно исследовать ее, но и неумением правильно истолковать факты, потому что они опирались на ошибочную методологию—идеализм и метафизику. В. И. Ленин на протяжении всей книги постоянно подчеркивает это. Оценивая работу Постникова «Южнорусское крестьянское хозяйство», В. И. Ленин отметил, что, с одной стороны, он в своем сочинении собрал ценные статистические данные, с другой стороны, «автор, не руководимый теорией, совершенно не сумел оценить обработанных им данных и взглянул на них с крайне узкой точки зрения «мероприятий», пустившись сочинять проекты о «земледельческо-ремесленно-за-

---

[2]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 5.

водских общинах», о необходимости «ограничить», «обязать», «наблюдать» и пр. и пр»[3]).

Вычленив предмет исследования, В. И. Ленин в первую очередь вскрывает противоречивость его. Вторая глава книги так и называется: «Разложение крестьянства». На огромном фактическом материале гениальный марксист показал, что в русской деревне конца 19 в. господствовали буржуазные экономические отношения, с характерными для них противоречиями: эксплуатацией, конкуренцией, продажей и покупкой земли и т. п.

Обнажение противоречий дает возможность раскрыть сущность предмета, без чего нельзя познать вещь объективно, глубоко. В. И. Ленин, показав расслоение крестьянства на буржуазию и пролетариат, доказал, с одной стороны, что капитализм все глубже и глубже проникал в сельское хозяйство, с другой стороны, он опроверг утверждения народников, затушевывавших это расслоение. В. И. Ленин доказал также, что разложение крестьянства создает внутренний рынок для капитализма: буржуазия нуждалась в средствах производства и увеличивала личное потребление, пролетариат покупал продукты потребления.

В своем анализе русской экономики конца прошлого века теоретик марксизма не ограничился рассмотрением эволюции крестьянского хозяйства. Он подробно остановился и на других экономических факторах. В. И. Ленин всесторонне исследовал помещичье хозяйство, показав его эволюцию к капиталистическому, рассмотрел вопрос о росте торгового земледелия. В произведении «Развитие капитализма в России» дана характеристика промышленности в пореформенную эпоху. В итоге своего исследования В. И. Ленин пришел к выводу, что «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»[4]). Вместе с тем, подчеркнул он, в отличие от развитых капиталистических стран Россия по-прежнему была страной в основном аграрной, отсталой в экономическом отношении. Ее развитие задерживали многочисленные пережитки крепостничества.

Таким образом, В. И. Ленин, познавая объективную истину, проводя принцип объективности, исследует все существенные стороны предмета, связи его, обращая внимание при этом и на специфические отличительные признаки, ибо специфическое в качестве важного компонента входит в сущность вещей.

Необходимым условием осуществления принципа объективности служит изучение предмета в его внутреннем движении. Характерной чертой ленинского анализа является исследование любого факта в его динамике. Последнее наиболее ярко видно на примере исследования В. И. Лениным промышленности. В произведении «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин дал марксистскую характеристику эволюции капитализма в русской промышленности. Он установил три основных стадии развития капитализма в пореформенной России: мелкое товарное производство, капиталистическая мануфактура и фабрика, т. е. крупная машинная индустрия. В. И. Ленин в своей книге детально проследил сложный процесс превращения одной формы промышленности в другую, более высокую по своей производительности. В работе показано, как мелкие промыслы перерастают в мануфактуру, а мануфактура—в фабрику.

При изучении поступательного движения предмета В. И. Ленин обращал внимание прежде всего на следующие моменты: 1) анализ

---

[3]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 75.
[4]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 597—598.

нужно начинать с наиболее простых форм и затем прослеживать их усложнение, развитие; 2) особенно важно проанализировать переходные формы и 3) изучая развитие, необходимо учитывать скачкообразный и противоречивый ход его.

Познание первоначальной формы предмета позволяет не только быстрей нащупать его сущность, но и указывает на основу возникновения изучаемого объекта, указывает на основу появления его более развитой формы. В. И. Ленин писал: «У нас нередко сущность вопроса о «судьбах капитализма в России» изображается так, как будто бы главное значение имел вопрос: **как быстро?** (т. е. как быстро развивается капитализм?). На самом же деле несравненно более важное значение имеет вопрос: **как именно?** и вопрос: **откуда?** (т. е. каков был докапиталистический хозяйственный строй в России?)»[5]).

Изучение переходных форм предмета позволяет увидеть закономерность появления более сложного явления из простого, дает возможность показать причинную обусловленность процесса. В этом, между прочим, одно из коренных отличий марксистской диалектики от идеалистической диалектики. Это отличие порождено материализмом и принципом объективности, которые требуют познания реальных причин и путей возникновения явлений. Гегель же, описывая взаимопревращения изучаемых им вещей, интересовался лишь логическими крайностями, оставляя в тени сам переход явлений, их промежуточные формы, ибо его идеалистическая система, с одной стороны, не давала возможность, с другой стороны, и не нуждалась в обнажении реальной причинной связи. По поводу рассуждений народников о «случайности» капитализма в России В. И. Ленин заметил: «Основная теоретическая ошибка г. Н.—она в рассуждениях о «капитализации промыслов» состоит в том, что он игнорирует первые шаги товарного производства и капитализма в его последовательных стадиях. Г-н Н.—он перепрыгивает прямо от «народного производства» к «капитализму»,—и потом удивляется, с забавной наивностью, что у него получается капитализм беспочвенный, искусственный и т. д.»[6]).

И, наконец, о третьем моменте, который следует учитывать при изучении развивающегося предмета. Признание скачков и противоречивости в движении, помогает раскрывать диалектику в поступательном движении, указывает каким образом предмет из одной формы, одной стадии превращается в другую форму, переходит на следующую ступеньку в своем развитии, дает возможность судить об источнике этого движения. В книге «Развитие капитализма в России» буквально на каждой странице показывается скачкообразный и противоречивый характер развития буржуазной экономики.

Обычно в философской литературе при характеристике категории формы ограничиваются рассмотрением ее онтологической стороны. Из анализа В. И. Ленина форм эволюции капитализма в русской промышленности следует, что категория формы имеет важную гносеологическую функцию. Она составляет неотъемлемый элемент исторического метода познания действительности. Исторический подход к предмету исследования возможен лишь в том случае, когда в предмете выделяется несколько форм в его развитии, которые изучаются и сравниваются. Категория формы фиксирует этапы предмета, основные пункты развития его содержания и тем самым дает возможность познать процесс изменения предмета. Без выделения нескольких основных форм эволюции

---

[5]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 339.
[6]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 341 (примеч.).

изучаемого развивающегося объекта историческое познание выступает в виде эмпиризма, с характеристикой фактов без всякой внутренней связи.

Основополагающий принцип диалектической логики — принцип объективности рассмотрения вещей—не означает лишь максимально верное отражение существующего в действительности или существовавшего в прошлом. Для того, чтобы глубже понять настоящее, нужно посмотреть на него не только с точки зрения прошедшего, но и с точки зрения будущего. В нашей философской литературе не обращают внимания на то, что подлинно исторический метод познания предполагает заглядывание в будущее исследуемого предмета. Особенно важно учитывать это при изучении развивающегося объекта. Конечно, познание будущего осуществляется уже не историческим методом, а логическим. Это показывает насколько близко связаны между собой исторический и логический пути познания, они дополняют друг друга, взаимно проникают и не могут существовать один без другого. Принято считать, что с помощью логического пути можно раскрыть прошлое, однако следует учитывать, что логический метод позволяет заглянуть и в будущее. «Перед тем, кто хочет изобразить какое-либо живое явление в его развитии, неизбежно и необходимо становится дилемма: либо забежать вперед, либо отстать. Середины тут нет»[7]),— указывает В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России».

Принцип объективности рассмотрения вещей находится в органическом единстве с важным положением марксистской философии о конкретности истины. Объективное исследование предмета означает конкретное изучение его, достижение объективной, абсолютной истины. Вместе с тем следует различать понятия конкретной, объективной и абсолютной истины. Конкретная истина—это, если можно так выразиться, абсолютная, объективная истина в ее практической оболочке. Конкретная истина зависит от целей исследования, от методологии, от системы развития данной конкретной науки. Объективная и абсолютная истины выступают в качестве базы, стержня истины конкретной.

Основой конкретного исследования любого процесса служит глубокое изучение фактов. Но во внимание должны приниматься такие факты и подбираться они должны так, чтобы раскрывали предмет всесторонне, а не однобоко, обнажали бы сущность его, давали бы возможность судить о предмете как о процессе. О книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» с полным правом можно сказать то же самое, что говорил В. И. Ленин о «Капитале» Маркса: в «Капитале» идеи венчают собой целый Монблан фактов. Все выводы в ленинском труде покоятся также на целом Монблане фактического материала. Однако В. И. Ленин интересовался не всякими фактами, он изучал наиболее типичные из них, в первую очередь такие, которые в концентрированном виде выражают существенные признаки явления. При этом он особенно тщательно анализировал факты, говорящие о будущем предмета, указывающие на его дальнейшую эволюцию. Более того, теоретик марксизма подчеркивал, что на все остальные события нужно смотреть с точки зрения именно этих фактов. Только в таком случае можно будет дать объективную характеристику исследуемому предмету.

Народники в подтверждение своих взглядов о «нежизненности» русского капитализма ссылались на то, что он не развивается, что он де «отмежевал себе уголок в один-полтора миллиона рабочих и не выходит из него». Критикуя рассуждения фальшивых друзей народа, В. И. Ленин писал, что, во-первых, капитализм ими искусственно сужен

[7]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 3, стр. 322 (примеч.).

до крупной индустрии и, во-вторых, этот ««уголок», который кажется иному народнику таким незначительным, воплощает в себе, на самом деле, квинтэссенцию современных общественных отношений, а население этого «уголка», т. е. пролетариат, является, в буквальном смысле слова, одним только передним рядом, авангардом всей массы трудящихся и эксплуатируемых. Поэтому, лишь рассматривая весь современный хозяйственный строй под углом отношений, сложившихся в этом «уголке», получаешь возможность разобраться в основных взаимоотношениях между различными группами участвующих в производстве лиц, а следовательно, и рассмотреть основное направление развития данного строя»[8]).

Правильный подбор фактов—это лишь одна сторона в исследовании объекта. Вторая, не менее, даже более важная сторона заключается в верном анализе их. В. И. Ленин (и это видно из только что цитированного отрывка) исследует факт всесторонне, как явление многогранное, учитывая его связи с другими фактами. В. И. Ленин изучает не только то, что факт выражает в настоящее время, но и его возможности, ибо любая действительность несет в себе различные возможности, что необходимо иметь в виду при выводах.

Абстракция — диалектическая форма мышления

Осуществление принципа объективности невозможно без строго логического мышления. Книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»—классический образец марксистской последовательной логически правильной мысли. Народники же, напротив, на каждом шагу нарушали законы и правила элементарной логики, что также приводило их к субъективистским выводам. В. И. Ленин отмечал, что они непоследовательны в своих рассуждениях, эклектичны, допускают подмену понятий, частное смешивали с общим, случайное с необходимым, возможное с действительным, выдвинутые положения обычно не доказывали, да и доказать глубоко не могли, так как они противоречили объективной истине. Критикуя алогизм народников, великий продолжатель учения Маркса в своих выводах строго соблюдал все разумные положения формальной логики, давая им научную марксистскую интерпретацию.

Одним из главных законов формальной логики является закон достаточного основания. В элементарной логике не говорится, что следует понимать под достаточным основанием мысли. В ней имеется лишь абстрактное указание на то, что всякое утверждение должно быть обосновано. Метафизики и диалектики, а также идеалисты и материалисты по-разному понимают необходимость обосновывать выдвинутые положения. Если метафизики и идеалисты в качестве достаточного основания нередко признают случайные факты, разрозненные высказывания, ложные взгляды, то диалектики-материалисты (в определенной степени материалисты вообще, в том числе естествоиспытатели, стоящие на позициях стихийного материализма) под достаточным основанием понимают глубокое исследование действительности, изучение процесса в целом.

Принципиально разное толкование закона достаточного основания со стороны метафизиков-идеалистов и диалектиков-материалистов видно на примере характеристики, данной В. И. Лениным и народниками, а также идеологами помещиков наемного труда в сельском хозяйстве и связанного с этим передвижения сельского пролетариата. Народники и аграрии видели в «земледельческом отходе» отрицательное явле-

[8]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 586.

ние, так как-де это не выгодно ни самим крестьянам, ни обществу, передвижение сельскохозяйственных рабочих только-мол развращает крестьян, отрывает от семьи и пр. В противоположность этим реакционным заверениям В. И. Ленин утверждал, что передвижение рабочих в сельском хозяйстве из одной местности в другую является прогрессивным фактором. Он пишет: «Основания нашего утверждения следующие:

1) «Чисто экономическую» выгоду «перекочевыванье» приносит рабочим потому, что они идут в места более высокой заработной платы, в места, где их положение, как нанимающихся, выгоднее...

2) «Перекочевыванье» разрушает кабальные формы найма и отработки...

3) «Перекочевыванья» означают создание подвижности населения. Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития»[9]).

В первом случае в качестве достаточного основания выступают личные домыслы народников и представителей помещиков, а также их поверхностные случайные наблюдения. Во втором случае для обоснования выдвинутой точки зрения дается многогранное и глубокое исследование процесса, ибо приведенные выводы В. И. Ленина базируются на обобщении и изучении им большого статистического и фактического материала, проанализированного с позиций научной философии и политической экономии.

Однако аппарат традиционной логики не дает возможности глубоко проникнуть в сущность предмета и осуществить тем самым принцип объективности. Для всестороннего познания сложного предмета требуются уже принципы более совершенной, более содержательной логики—диалектической логики, которая не может ограничиться правилами и формами мышления, выработанными прежней логикой, даже если они преобразовались в диалектико-материалистическом плане. Не отбрасывая традиционных логических законов и форм мысли, диалектическая логика вводит специфически свои формы мысли, позволяющие проникать в самою сущность вещей, многогранно отображать их. Конечно, эти формы существовали и раньше в мышлении людей, но в развитом виде они предстают лишь в диалектической логике, причем в материалистической диалектической логике.

Изучение произведения В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» показывает, что существует форма мысли, которую мы условно назвали абстракцией. Абстракция (в более узком смысле слова, чем принято употреблять этот термин) занимает как бы «срединное», «переходное» положение между понятием, суждением и теорией. Она выступает в качестве исходной формы мысли в диалектическом умозаключении. Дело в том, что (как мы покажем ниже) диалектическое умозаключение строится не на одном-двух суждениях, а на целой группе их, стянутых в одну форму мысли—абстракцию. В отличие от понятия и суждения, которые отображают в предмете какую-нибудь одну сторону, абстракция носит синтетический характер. Она способна схватить сразу несколько признаков предмета или объект в целом. И что особенно важно для диалектики, абстракция как форма мысли позволяет отражать предмет в его развитии в одной форме мысли. Отразить предмет как процесс в понятии, суждении, в элементарных видах умозаключений—одна из тех непреодолимых для формальной логики труд-

[9]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 244—246.

ностей, которые она на своей основе решить не может и которые преодолевает диалектическая логика. Абстракция настолько гибка, что она может сочетать в единой форме знание об общем и единичном. На фоне общего в ней легко фиксируется специфическое в явлении. Все это говорит о том, что абстракция более содержательная, более богатая форма мысли, чем понятие и суждение. Она более «приспособлена» к отображению противоречий живой действительности. В чувственном познании прообразом абстракции служит восприятие и представление, тогда как прообразом понятия и суждения выступает скорей ощущение.

Диалектическая логика сосредотачивает главное внимание на содержании мышления, а не скрупулезном описании форм мысли. Поэтому в диалектической логике не может быть закостеневших, застывших форм мышления, которые присущи элементарной логике. В марксистской логике формы более подвижны и гибки. Она как бы расплавляет и делает живыми формы мысли даже традиционной логики. Так, суждение в диалектической логике может выражаться не обязательно в одном предложении, но может быть передано и несколькими предложениями, что соответствует реальному человеческому мышлению. Но это не означает, что в диалектической логике формы не имеют своей определенной структуры. Их структура достаточно определенна, чтобы отделить одну форму мысли от другой, и вместе с тем достаточно подвижна, чтобы выразить конкретное содержание, конкретную истину о любом, в том числе очень сложном предмете.

Абстракция как форма мысли не имеет таких строгих рамок, которыми, например, наделено суждение в формальной логике. Хотя структура ее специфична и совершенно определенна. Абстракция может быть сокращенной или, наоборот, более развернутой, она может охватывать весь предмет или часть его, сложный объект или простой объект, но каждая из них обязательно состоит из нескольких утверждений. Эти положения не развернуты до уровня теории, ибо они не обладают доказательной силой, хотя абстракция нередко содержит элементы доказательства, дающие возможность перерасти абстракции в теорию. Наличие нескольких утверждений и отличает абстракцию как от понятия, так и суждения, ибо понятие и суждение всегда связаны с одной мыслью, какими бы полными они не были. Строго говоря, за каждым понятием, за каждым суждением стоит абстракция. Понятие и суждение лишь в сокращенном виде передают ее, выделяя какое-нибудь одно положение абстракции, в том числе главное в ней, хотя это не обязательно. Отсюда всестороннее раскрытие содержания понятия или суждения приводит к абстракции, к более содержательной форме мысли. Поэтому-то абстракция и способна выполнять функции понятия и суждения: выступать в качестве вывода, сгустка идей по тому или иному вопросу, служить исходной формой для умозаключения, отражать существенные признаки вещей, высказывать утверждение или отрицание. Но структура абстракции не позволяет ей полностью заместить суждение или понятие и в этом нет необходимости.

То, что абстракция самостоятельная форма мысли, видно еще из того, что ее нельзя классифицировать по тем признакам, по которым подразделяют понятие или суждение. Нельзя сказать, например, что абстракция А находится в отношении противоречия к абстракции В. Тем более неправильно было бы утверждать, что есть абстракции утвердительные и отрицательные. В одной и той же абстракции могут содержаться и утвердительные и отрицательные высказывания.

Имеется еще один существенный отличительный признак у абстракции по сравнению с понятием и суждением. Выделяя какую-ни-

будь одну сторону в явлении, понятие и суждение однородны по содержанию, каждое из них несет в себе единую монолитную мысль. Абстракция же, напротив, внутри себя неоднородна. Она охватывает предмет или группу предметов с разных сторон. Эти стороны могут быть разной степени важности, по-разному изучены. Мысль, заключенная в абстракцию, напоминает собой мозаику, но с единой композицией и единым замыслом. Понятия и суждения поэтому однозначны, так сказать, динамичны, абстракции же—многозначны, статистичны. Они лучше приспособлены к диалектическому многоплановому, всестороннему и, следовательно, конкретному отражению реального мира. Естественно, и в этом случае нет абсолютной грани между абстракцией, понятием и суждением, момент динамичности имеется в каждой абстракции, поскольку она способна охватывать не только один предмет, но и любую группу предметов, выделяя общее у этих предметов, и поскольку идея, содержащаяся в абстракции, пронизывает собой все остальные ее положения, направленные на конкретизацию основополагающей идеи, в свою очередь, момент статистичности имеется в каждом понятии и суждении, так как общий признак тех или иных предметов, отраженный в них в каждом конкретном случае проявляется по-своему, что должно учитываться в процессе рассуждений.

Забегая несколько вперед, следует отметить, что учет динамической и статистической природы форм мышления необходим для понимания сущности умозаключения. Дедукция, индукция и традукция—виды умозаключений традиционной логики—основываются на динамической природе форм мышления. Отсюда их равнодушие к конкретному содержанию и простота, вплоть до автоматичности, в выводе из имеющихся посылок. Статистическая же природа форм мысли требует других более глубоких по своей содержательности, более развитых способов умозаключения—диалектических форм, которые, сохраняя рациональный момент в безразличном отношении к содержанию, давали бы возможность оперировать не просто с разным содержанием, но и конкретным содержанием, глубоко и многогранно отражающим предмет. Это означает, что виды умозаключений элементарной логики не противоречат формам умозаключений диалектической логики. Они имеют свои рамки применения и если выйти за эти рамки, то индукция дедукция и традукция потеряют познавательный характер. Точно так же, как за понятием и суждением стоит абстракция—более развитая форма мысли, за дедукцией, индукцией и традукцией стоят более глубокие формы умозаключений диалектической логики. В дедукции, индукции и традукции запечатлена лишь часть сложного процесса выводного знания в реальном человеческом мышлении, та часть, которая лежит на поверхности и которую исторически легче было открыть и изучить. Кроме того, дедукция и традукция (которая принципиально не отличается от первых двух форм умозаключения) в прежнее время были единственными видами умозаключений, которые можно было научно обосновать, не включая в процесс умозаключения философский метод мышления, так как он не был еще разработан, тем более в научной форме. Диалектические же виды умозаключений не могут обойтись без философского метода познания, без диалектики, причем без материалистической диалектики, поэтому они с неизбежностью должны были развиться в более позднее время.

Выразительным примером абстракции как особой формы мысли в книге «Развитие капитализма в России» может служить ленинское резюме анализа эволюции капитализма в русской промышленности. Подробно, на протяжении трех глав рассмотрев вопрос о развитии капитализма в русской промышленности, о формах его, В. И. Ленин в

конце, в особом параграфе подвел итог, в котором изложил основные выводы по изученному материалу. В. И. Ленин установил, как мы уже указали выше, три главных формы капитализма в русской промышленности в пореформенную эпоху: мелкое товарное производство, капиталистическая мануфактура, фабрика. Подчеркивая связь и преемственность между ними, теоретик марксизма отметил, что разделение этих форм — искусственно, мелкое товарное производство перерастает в мануфактуру, а последняя — в крупную фабричную промышленность. В подтверждение В. И. Ленин ссылается на тот факт, что многие тогдашние крупные фабриканты в прошлом сами были мелкими кустарями и постепенно сколачивали свое состояние. Затем он показал специфику каждой стадии капитализма, которая выражалась в различных уровнях развития техники, в неодинаковом развитии буржуазных производственных отношений, в различных степенях развития противоречий, которые достигают своего кульминационного пункта лишь в крупной индустрии, в положении рабочих и т. д. В оглавлении к книге В. И. Ленин выделил следующие основные положения данного параграфа: «XII. Три стадии развития капитализма в русской промышленности. Связь всех стадий. Особенности техники. Рост капиталистических отношений. Характер развития промышленности. Отделение промышленности от земледелия. Различия бытовых условий. Рост внутреннего рынка»[10]).

Приведенный пример убедительно показывает, что есть самостоятельная форма мышления, которая отличается от других форм мысли, в частности, от суждения, понятия и теории. Абстракция действительно дает возможность в одной единой форме мышления всесторонне отражать реальный мир, особенно противоречия его, схватывая одновременно и общее, и специфическое, и необходимое, и случайное и т. д. Вместе с тем она еще не теория, эта часть теории, суть ее. В анализируемом отрывке В. И. Ленин привел лишь некоторые данные, доказывающие истинность выдвинутых положений. Главная же часть доказательства сосредоточена в других параграфах и главах книги. Краткий итог подведения результатов исследования эволюции капитализма в промышленности В. И. Ленину необходим был не только для того, чтобы сделать более ясным изложение идей произведения, но и для того, чтобы сделать потом общий вывод о развитии капитализма в России, о его истоках и сущности. Данная абстракция выступает в книге как опорная точка в решении сложной теоретической проблемы.

В произведении В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» широко используется абстракция как форма мысли и можно было бы привести много других примеров. Но мы не случайно остановились именно на данном. Дело в том, что здесь особенно наглядно прослеживается отличие абстракции от понятия и суждения, с одной стороны, и, с другой,— тесная связь между ними. В конце параграфа В. И. Ленин заметил: «Описанные выше характеристические черты, отличающие крупную машинную индустрию от предыдущих форм промышленности, можно резюмировать словами: обобществление труда»[11]). И далее: «По вопросу об отношении крупной машинной индустрии в России к внутреннему рынку для капитализма изложенные выше данные приводят к такому выводу. Быстрое развитие фабричной промышленности в России создает громадный и все увеличивающийся рынок на средства производства..., увеличивает особенно быстро долю населения, занятого изготовлением предметов производительного, а не личного потребления. Но и рынок на предметы личного потребления быстро

[10]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 789.
[11]) Там же, стр. 550.

увеличивается вследствие роста крупной машинной индустрии, которая отвлекает все большую и большую долю населения от земледелия к торгово-промышленным занятиям»[12]).

В первом случае мы имеем понятие: обобществление труда. Во втором случае—суждение, в котором высказана мысль о внутреннем рынке для развития русского капитализма. Таким образом, В. И. Ленин мог бы обобщить рассмотрение вопроса о капитализме в промышленности в форме понятия или суждения, не прибегая к абстракции. Но понятие и суждение схватывают одну какую-нибудь сторону действительности и не дают цельного представления о процессе. Поэтому для более глубокого объективного изображения сложного объекта (каким, несомненно, является общественная жизнь) требовалось применение наряду с понятием и суждением более развитой формы мысли. Заключительные строки анализируемого параграфа свидетельствуют также и о том, что понятие и суждение выступают как бы на поверхности абстракций, беря одно из ее утверждений, и за каждым понятием и суждением стоит абстракция, как основа их. Это яркий пример взаимоперехода одной формы мысли в другую форму.

Сравнение, анализ и синтез—основные формы умозаключения в диалектической логике

В формальной логике признаются в качестве умозаключений дедукция, индукция и традукция. Считается, что эти виды умозаключений вполне исчерпывают все формы и способы умозаключений в живом человеческом мышлении. Конечно, дедукция, индукция и традукция имеют определенное познавательное значение. Классики марксизма никогда это не отрицали и, наоборот, подчеркивали познавательную роль дедукции, индукции и традукции. В произведении В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», как и в других его работах, содержится много примеров дедуктивного и индуктивного рассуждений. Однако сфера действия традиционных форм умозаключений ограничена. Главная ограниченность дедукции, индукции и традукции заключается в том, что с их помощью на основе имеющихся «старых» знаний нельзя получить принципиально новых выводов. В рамках дедукции, индукции и традукции мысль движется в пределах одного класса предметов и, даже точнее, в пределах одного выделенного исследователем признака у предметов данного класса. Ни дедуктивным, ни индуктивным, ни тем более традуктивным путем нельзя, например, получить глубокие философские выводы при рассмотрении положений конкретных наук. Такие же положения в науке имеются, хотя они получены явно не путем простого обобщения эмпирических наблюдений, а путем обобщения уже имевшихся знаний, т. е. путем умозаключения.

Мы полагаем, что более содержательными формами умозаключения, которые имелись в мышлении и в прежнее время, но особенно широкое распространение получили на основе марксистской диалектики, являются сравнение, анализ и синтез. Только они дают возможность проникнуть в подлинную сущность изучаемого предмета, раскрыть диалектику его, подойти подлинно объективно к явлению. Анализ, синтез и сравнение, выступая как умозаключения, создают условия для правильного использования известного в познании неизвестного, при этом не нарушая главного закона диалектической логики—идти от самого предмета в его познании. Если бы В. И. Ленин пользовался только одной формальной логикой в изучении русской действительности

[12]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 551—552.

того времени, он должен был бы дедуктивным способом распространить законы буржуазного общества, открытые Марксом, на Россию. В этом случае ход мыслей был бы прост. Капитализм означает то-то и то-то. В России—много подобных фактов, процессов. Значит в России—капитализм. Но это был бы метафизический по своему существу метод рассуждения, а не диалектический. Он исключил бы конкретное, объективное рассмотрение предмета. В. И. Ленин же раскрыл буржуазное существо русской экономики, исходя из нее самой путем тщательного изучения статистических данных того времени.

В философской литературе принято рассматривать сравнение, анализ и синтез как логические приемы или способы познания, которые отличны от умозаключения, ибо они имеют непосредственное отношение к вещам. Но в этом и сила диалектических форм умозаключения, что то, что лежит в их основе, способно одновременно иметь дело и со знанием, и с предметом. Это-то и дает как раз возможность на основе синтеза, анализа и сравнения двигать и развивать мысль. Сравнение, анализ, синтез по своей природе стремятся к тому, чтобы развиться до умозаключений. В самом деле, сравнивая, анализируя или синтезируя, мы сравниваем, расчленяем или соединяем не сами предметы, а знания о них, так как логические операции имеют дело с мыслями. А это означает, что сравнение, анализ и синтез как логические операции буквально с первого шага в большей или меньшей степени несут в себе элемент умозаключения, который развертывается затем в особые формы умозаключения.

В отличие от традиционных форм умозаключения диалектические формы его дают возможность получать выводы принципиально нового содержания по отношению к посылкам. Это самая существенная разница между дедукцией, индукцией и традукцией, с одной стороны, и сравнением, анализом и синтезом, с другой. Принципиальная разница по содержанию в выводах между традиционными и диалектическими формами умозаключения обусловлена существенным отличием в их структуре.

Диалектические формы умозаключения способны иметь большое количество посылок, практически любое количество их. Но все они подразделяются на два вида. Часть посылок относится к конкретному материалу, другая — охватывает общие положения. Под последними мы понимаем философские и основные принципы той науки, в сфере которой идет изучение предмета или нескольких наук, если объект исследуется с нескольких сторон. Философские принципы, в особенности философский метод мышления, а также исходные положения конкретных наук играют в диалектических способах умозаключения в высшей степени важную роль. Они выступают в качестве основы, правил умозаключения и в качестве связующего, «среднего» члена между посылками, удостоверяя авторитетом всего человеческого знания истинность вывода, полученного путем сравнения, анализа и синтеза. Это и позволяет как раз, что особенно проявляется в синтезе, охватить предмет в целом: с одной стороны, в основе вывода лежат конкретные данные, конкретные положения, с другой,— всеобщие и общие.

Если рассмотреть более внимательно ход мысли в форме дедукции, индукции и традукции, то обнаружится, что и здесь философский метод принимает участие в получении вывода. Только в элементарных способах умозаключения философские принципы участвуют как бы в скрытой форме. В силлогизме связующим звеном между посылками выступает средний термин. Но это лишь внешнее выражение более глубоких связей между суждениями, покоющихся на категориальности

человеческого мышления, в частности, на таких категориях, как необходимость, закон, причина и т. д. Ошибкой учения формальной логики об умозаключении является то, что игнорируется связь между умозаключением и философией. Эта ограниченность в свое время была подмечена субъективными идеалистами, которые воспользовались ею в своих целях. Юм, например, отрицал достоверность выводов по индукции на том основании, что невозможно указать на посредствующий член между посылками[13]).

Входя в сравнение, анализ и синтез в качестве их составной части, философские принципы и положения конкретных наук тесно увязывают их с жизнью, с практикой. Единство с практикой — также одна из отличительных черт диалектических форм умозаключений по сравнению с дедукцией, индукцией и традукцией, которые в своей формалистической интерпретации не направлены на то, чтобы увязывать полученные выводы со всем опытом человечества.

Между сравнительными, аналитическими и синтетическими умозаключениями не существует абсолютной грани. Более того, каждое из них способно функционировать лишь в единстве с остальными. Связь между анализом, синтезом и сравнением более тесная, чем между дедукцией, индукцией и традукцией. Можно только относительно установить какая из диалектических форм умозаключения предшествует другой и какая завершает процесс мышления, так как все они взаимопроникают друг друга и в реальном человеческом мышлении сравнение, анализ и синтез протекают фактически одновременно. Однако, если взять логическую схему движения мысли в диалектических формах умозаключения, то она будет выглядеть так: сравнение — анализ — синтез.

Первоначальным видом умозаключения в диалектической логике выступает сравнительное умозаключение. С помощью его у предметов выявляются общие или отличительные стороны, касающиеся прежде всего существенных признаков у них. Сравнительное умозаключение — первая стадия проникновения в сущность предмета. Анализ и синтез в сравнительном умозаключении еще не получают полного развития, но они присутствуют в нем.

Аналитическое умозаключение выступает уже следующим, вторым этапом в проникновении в сущность процесса. У сложного объекта выделяется одна из важных частей его и она исследуется. Аналитическое умозаключение направлено на то, чтобы вскрыть закономерность в явлении, дать характеристику ей.

Высшей формой диалектического умозаключения выступает синтез, синтетическое умозаключение. Оно является завершающей стадией в познании исследуемого предмета. Вывод, полученный с помощью синтеза, охватывает всесторонне предмет, дает полную характеристику сущности его. Синтетическое умозаключение обобщает, сводит вместе, показывает во взаимодействии все стороны и законы данного предмета, изученные на прежних этапах познания его.

Рассмотрим некоторые примеры сравнительного, аналитического и синтетического умозаключений в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Сравнительное умозаключение. Произведение В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» построено во многом на сравнении. Оно пронизывает все главы в книге и как бы поставляет материал для аналитических и синтетических выводов. На стадии срав-

---

[13]) См. Д. Юм. Исследование человеческого разума, С.—П., 1902, стр. 35—36.

нения статистические данные претерпевали первичную обработку. На основе их обработки В. И. Ленин делал первые исходные выводы о положении в русской экономике, которые затем служили посылками для более глубоких заключений. Но сравнение в ленинском арсенале логических средств выступало уже не только как простой логический прием по изучению материала (естественно, оно использовалось автором книги и таким образом), а как диалектическая форма умозаключения, наиболее тесно связанная непосредственно с самим предметом. Доказательством последнего может служить изучение В. И. Лениным данных военно-конских переписей за 1888—1891 и 1896—1900 гг. На этом вопросе он останавливается в параграфе, написанном для второго издания книги.

Рассмотрев данные этих переписей, В. И. Ленин установил, что в 48-ми губерниях Европейской России в конце 19 в. по сравнению с 80-ми гг. количество лошадей уменьшилось незначительно, а число безлошадных дворов резко возросло. Почти на миллион увеличилось число дворов. Прирост дворов пошел за счет бедняков. Количество многолошадных дворов, напротив, несколько сократилось. После этого В. И. Ленин делает заключение. Он пишет:

«Итак, выводы из этих данных получаются следующие.

Рост нищеты и экспроприации крестьянства не подлежит сомнению.

Что касается **соотношения** между высшей и низшей группой крестьянства, то это соотношение почти не изменилось...

Наконец, все крестьянство в целом стало беднее лошадьми. И число и процент многолошадных уменьшились. С одной стороны, это знаменует, видимо, упадок всего крестьянского хозяйства в Европейской России. С другой стороны, нельзя забывать, что в России число лошадей в сельском хозяйстве ненормально высоко по отношению к культурной площади. В мелкокрестьянской стране это и не могло быть иначе. Уменьшение числа лошадей является, следовательно, до известной степени «восстановлением нормального отношения рабочего скота к количеству пашни» **у крестьянской буржуазии**...»[14]).

Мысль в данном рассуждении протекает не по принципам формальной логики, а по принципам логики диалектической. Выводы, которые делает В. И. Ленин, основываются не на одних статистических данных, но и на положениях марксистской политэкономии, всего марксизма, прежде всего, марксистской философии. Опираясь на одни только статистические данные, таких глубоких выводов не сделаешь. В. И. Ленин сам на это указал в конце анализируемого параграфа.

Дело в том, что народнические и буржуазные статистики также обращались к цифрам о распределении лошадей в крестьянских хозяйствах. Однако не опираясь на научную теорию, они превратили, как отмечает В. И. Ленин, экономический анализ в «игру в цифирьки». Один из них, а именно Черненков, осмелился даже «критиковать» В. И. Ленина за предвзятость якобы в анализе статистических данных с целью доказать разложение крестьянства. Отвечая ему, В. И. Ленин писал: «Вольно же было г. Черненкову думать, будто я делаю выводы из статистики, забывая экономику! будто я доказываю что-либо одним лишь изменением в числе и распределении лошадей! Чтобы осмысленно взглянуть на разложение крестьянства, надо взять все в целом: и аренду, и покупку земель, и машины, и заработки, и рост торгового земледелия, и наемный труд»[15]).

---

[14]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3 ,стр. 139.
[15]) Там же, стр. 140.

Только целостное представление о предмете дает возможность объективно подойти к предмету в целом, и к его отдельным сторонам, частям. Более того, лишь познание предмета как целого позволяет высказывать о нем подлинно доказательные и достоверные суждения. А это значит, что действительно доказанные выводы можно получить лишь на основе диалектических умозаключений, которые строятся исходя из конкретных и общих посылок, т. е. с учетом специфической и общей природы вещей. Достоверность каждого вывода в конечном счете зиждется на базе всех человеческих знаний. То, что традиционная логика не учитывает это, сводя достоверность выводов в умозаключениях к соблюдению определенных формальных правил, свидетельствует об ограниченности ее учения о доказательстве.

Сравнительное умозаключение обнаруживает ярко выраженное влияние на вывод в диалектических умозаключениях гносеологии. Для того, чтобы сравнить один предмет с другим, тем более одну группу вещей с другой группой, нужно выделить нечто общее между ними, а это связано с известным огрублением мыслью действительности. Причем, чем больше классы сравниваемых предметов, тем степень огрубления возрастает, что сказывается на выводе, на его достоверности. Метафизики пренебрегают этим огрублением, релятивисты — раздувают, абсолютизируют его, отказывая человеческому мышлению в достоверности. Диалектики же, не впадая в крайности, учитывают при познании возможность огрубления нашей мыслью отражаемых объектов, считая, что она преодолевается в процессе развития мысли. То, что мышление с неизбежностью допускает огрубление изучаемых предметов на стадии сравнительного умозаключения, показывает его несовершенство и необходимость перехода к более содержательной форме умозаключения. И действительно в аналитическом умозаключении, дающим более глубокие знания, достоверность вывода возрастает, а степень огрубления, субъективизма в нем уменьшается. Самый достоверный вывод способно давать синтетическое умозаключение, отражающее объект в целом. Однако неправильно было бы утверждать, что синтез исчерпывает познание предмета. В какой-то мере огрубление, субъективизм, непознанное остается и на заключительном этапе, на этапе высшей формы умозаключения диалектики. Последнее свидетельствует о незавершенности познания вообще, о его бесконечности, о необходимости повторения цикла в движении умозаключения на более высоком этапе: сравнение — анализ — синтез.

В книге «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин разбил все крестьянство на три основные группы: зажиточные, средние и бедные крестьяне. Деление на большее количество групп лишь затруднило бы возможность сравнивать данные о разложении крестьянства в разных местностях с разными условиями. Тогда как подразделение на три группы такую возможность давало, потому что в этом случае каждая группа получала ясно выраженные определенные признаки. Однако, отмечает В. И. Ленин, подобный прием допускает некоторую ошибку, ибо при таком разделении на группы действительное разложение будет более сильным, чем оно представлено в группах, так как в крайние группы попадает часть крестьян из промежуточных групп. «Ясно, — пишет он, — что эта ошибка тем больше, чем крупнее группы, чем меньше число групп»[16]).

Аналитическое умозаключение. К аналитическим умозаключениям в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» мы отнесли в первую очередь исследование В. И. Лениным разло-

[16]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 120 (Примеч.).

жения крестьянства в пореформенную эпоху, превращения помещичьего хозяйства в капиталистическое, роста торгового земледелия, развития промышленности, раскрытие закономерностей и познание сущности их. Эти исследования завершаются у В. И. Ленина выводами, кратким итогом. На одном из таких итогов мы уже останавливались, когда рассматривали абстракцию. Внешне названные умозаключения выражаются в разделении книги на главы, каждая из которых содержит анализ той или иной стороны формирования и развития буржуазных отношений в России. Конечно, каждая глава представляет собой развернутое аналитическое умозаключение, которое, в свою очередь, покоится на массе анализов фактов, явлений, составляющих эти стороны. Будучи более развитой формой диалектического умозаключения, аналитическое умозаключение включает в себя сравнительное умозаключение, используя выводы его. Без сравнения анализ невозможен, точно так же, как и сравнение — без анализа.

Сущность аналитических умозаключений хорошо охарактеризовал сам В. И. Ленин. Резюмируя изучение экономики сельского хозяйства в России прошлого века, он писал: «В главах II—IV (II — «Разложение крестьянства», III — «Переход землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому», IV — «Рост торгового земледелия», — А. У.) вопрос о капитализме в русском земледелии был рассмотрен с двух сторон. Сначала мы рассматривали данный строй общественно-экономических отношений в крестьянском и помещичьем хозяйстве—строй, сложившийся в пореформенную эпоху. Оказалось, что крестьянство с громадной быстротой раскалывается на незначительную по численности, но сильную по своему экономическому положению сельскую буржуазию и на сельский пролетариат. В неразрывной связи с этим процессом «раскрестьянивания» стоит переход землевладельцев от отработочной системы хозяйства к капиталистической. Затем мы взглянули на тот же самый процесс с другой стороны; вы взяли за исходный пункт форму превращения земледелия в товарное производство и рассматривали те общественно-экономические отношения, которыми характеризуется каждая главнейшая форма торгового земледелия. Оказалось, что через все разнообразие сельскохозяйственных условий красной нитью проходят те же самые процессы в крестьянском и частновладельческом хозяйстве»[17]).

Как видим, В. И. Ленин ставит вопрос даже сильней. В трех главах он выделяет лишь два относительно самостоятельных процессов анализа, а тем самым и аналитических умозаключений, объединяя II и III главы вместе. Особенно важно замечание В. И. Ленина о том, что задача анализа заключается в тщательном и многостороннем исследовании одной существенной стороны у предмета, раскрытии ее закономерностей и связей. Как сравнительное умозаключение доставляет посылки аналитическому, точно также и последнее, раскрывая природу закономерностей, лежащих в основе предмета, создает предпосылки для синтетических целостных суждений о нем.

Аналитическое умозаключение обнаруживает ряд признаков типичных для диалектических умозаключений вообще (помимо тех признаков, которые были уже рассмотрены при характеристике сравнительных умозаключений), а также специфических для данного вида умозаключений.

Специфической чертой аналитических умозаключений служит необходимость найти первоэлемент в изучаемом процессе. Для того, чтобы

---

[17]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 307—308.

проанализировать предмет, нужно вскрыть такую частицу в нем, которая бы являлась последней элементарной частицей данного процесса. Она должна сохранять закономерность, сущность процесса и не поддаваться дальнейшему расчленению в том смысле, что следующий этап в делении приводил бы к другим законам, другим сущностям. Такой первоэлемент выступает с одной стороны, отправным, исходным моментом в изучении предмета, с другой, центральным объектом непосредственного изучения и познания всего предмета, процесса в целом.

Вывод о разложении крестьянства В. И. Ленин сделал, изучая положение семейств, дворов в сельском хозяйстве, так как первоначальной клеточкой в экономике мелкобуржуазной деревни выступает именно семья, двор. Народники же, положив в основу своего анализа «душу населения» не только проглядели дифференциацию крестьянства, но и затушевывали ее путем распределения земли, средств производства поровну. Сопоставление дворов между собой в разных уездах и губерниях в царской России позволило В. И. Ленину выделить разные общественные группы среди крестьянства и определить положение самих членов этих групп, в том числе их участие в производстве и распределении материальных благ. Следовательно, знание первоэлемента помогает раскрыть специфику исследуемого предмета, а это служит в конечном счете теоретической основой, важнейшим гносеологическим условием для получения принципиально новых знаний в выводах на основе диалектических форм умозаключений, в том числе анализа. Необходимо отметить, что в нахождении этого первоэлемента, грани между одним явлением и другим первостепенную роль играет философский метод мышления, а также принципы конкретных наук, в данном случае основы политэкономических учений.

К общим признакам диалектических умозаключений, которые легко прослеживаются при рассмотрении анализа, следует прежде всего отнести то, что для правильного вывода нужно принимать во внимание противоречивость каждого предмета. Научный анализ (и вывод, полученный посредством анализа) базируется на изучении положительных и отрицательных сторон исследуемого предмета. С точки зрения формальной логики соединение противоположных признаков одного и того же предмета или посылок, отражающих эти признаки, считается недопустимым в одной форме мысли.

В подтверждение выдвинутого тезиса сошлемся опять же на анализ В. И. Ленина разложения русского крестьянства. Вот что писал классик марксизма по поводу того, как он вскрывал разное общественное положение формировавшихся классов в крестьянстве: «Для суждения о взаимоотношении групп мы берем следующие данные, имеющие наибольшую важность в вопросе о разложении: 1) число дворов; 2) число душ обоего пола крестьянского населения; 3) количество земли надельной; 4) купчей; 5) арендованной; 6) сданной в аренду; 7) всего землевладения или землепользования группы... 8) посева; 9) рабочего скота; 10) всего скота; 11) дворов с батраками; 12) дворов с заработками... 13) торгово-промышленных заведений и 14) улучшенных земледельческих орудий. Отмеченные курсивом данные... имеют отрицательное значение, показывая упадок хозяйства, разорение крестьянина и превращение его в рабочего. Все остальные данные имеют положительное значение, показывая расширение хозяйства и превращение крестьянина в сельского предпринимателя»[18]).

---

[18]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 121.

Учет положительных и отрицательных признаков явления, его противоположных тенденций служит необходимым условием диалектического умозаключения, ибо без этого невозможно отразить предмет всесторонне и в движении.

Важной стороной диалектических способов умозаключения является необходимость использования в посылках новых знаний, в том числе знаний, только что полученных при исследовании предмета. Без этого условия также невозможно добиться объективной истины в познании сложного и развивающегося объекта. В. И. Ленин в анализе помещичьего хозяйства опирался на выводы, полученные в результате анализа крестьянского хозяйства, а в анализе русской промышленности того времени он использовал суждения, сделанные на основе изучения сельского хозяйства.

Необходимость включения новых знаний в процессе мышления в формах диалектических умозаключений вытекает из природы самого человеческого мышления, в том числе, его логического строя, прежде всего, диалектического логического строя. Законы и формы мысли, будучи аналогом действительности, являются таковыми лишь в принципе, в тенденции, в постоянном приближении к законам реального мира, ибо законы мысли определяются не прямо объектом, а через познание конкретных законов. Они формируются не одной философской наукой, а всеми отраслями человеческих знаний. Поэтому логический строй должен совершенствоваться постоянно, в каждую новую эпоху он приобретает новый вид. Логический строй способен развиваться не только в осознанной форме, но и стихийно. Последнее традиционная логика не учитывала и фактически не учитывает в настоящее время.

Синтетическое умозаключение. Мы уже отмечали, что синтетические умозаключения выступают высшей формой умозаключений в марксистской диалектике. Синтез охватывает предмет в целом, раскрывая сущность его всесторонне. В определенной степени синтез присутствовал и в сравнении, и в анализе, но в полной мере его качества развертываются после того, как мысль прошла эти два этапа и исследователь, познав отдельные стороны процесса, сталкивается с задачей свести полученные данные вместе, обобщить их. Черты синтетического умозаключения присущи также аналитическому и сравнительному умозаключениям, правда, некоторые из них еще в неразвившемся, как бы ослабленном виде.

По существу книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» представляет собой развернутое синтетическое умозаключение с многогранным охватом огромного объекта исследования, где посылками выступают, с одной стороны, выводы, полученные путем анализа и сравнения, с другой,— принципы марксизма, а выводом в этом умозаключении является заключительная глава «Образование внутреннего рынка». В этой главе В. И. Ленин на основании изучения русской экономики прошлого века сделал вывод о том, что господствующими экономическими отношениями в России в то время были капиталистические отношения, что капитализм имел в России внутренний развивающийся рынок, не считая внешнего, что народнические взгляды не соответствуют действительности.

Но заключение синтетического умозаключения не является простым повторением или воспроизведением знаний, заложенных в посылках, помимо воспроизведения этих знаний синтез дает новое знание. Но такое положение наблюдается в синтезе диалектическом. Метафизический синтез тяготеет к простому копированию посылок. В вступлении к последней главе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин пишет:

«Нам остается теперь подвести итоги тем данным, которые были рассмотрены в предыдущих главах, и попытаться дать представление о взаимозависимости различных областей народного хозяйства в их капиталистическом развитии»[19]).

Как видим, В. И. Ленин, подытоживая изучение вопроса, не просто сводит вместе выводы и наблюдения, а выясняет новую закономерность — взаимосвязь между различными сторонами предмета. Установить такую закономерность, когда шло изучение отдельных сторон, нельзя было. Для более глубокого изучения взаимоотношения между различными областями русской экономики прошлого века В. И. Ленин привлек дополнительный материал, говоривший о росте товарного обращения, росте торгово-промышленного населения и т. д.

Убедительным подтверждением того, что выводы на основе синтеза содержат новые знания, служит заключительный параграф последней главы книги, озаглавленный ««Миссия» капитализма». В нем В. И. Ленин дал развернутую характеристику капитализму вообще с указанием на специфику русского капитализма, творчески развив марксистское понимание буржуазного общества.

Характерной чертой диалектических форм умозаключения, в особенности синтеза, является органическая связь с практикой. Это проявляется, с одной стороны, в том, что сравнительные, аналитические и синтетические умозаключения базируются не только на теоретических посылках, но и фактическом материале, с другой стороны, в том, что выводы, получаемые с помощью сравнения, анализа и синтеза, имеют исключительное значение для практической деятельности в силу того, что они всецело обращены к объекту, к конкретному познанию его, и в силу того, что эти умозаключения способны давать принципиально новые выводы о предмете. Каждая страница ленинского произведения звала русский народ к свержению царизма, уничтожению эксплуатации вообще.

Учение о дедукции и индукции сложилось под влиянием математики и физики, наук, придающих большое значение количественной стороне вещей. Отсюда мысль, движущаяся в их русле, вынуждена быть прямолинейной; дедукция и индукция не учитывают случайных отклонений, несущественных признаков. Если утверждается, например, что листья данного дерева зелены, значит, предполагается, что все без исключения листья действительно — зелены. Если же на дереве окажется хотя бы один листок желтым, значит вывод по индукции должен будет ограничен словом «некоторые», т. е. вместо общего суждения мы будем иметь частное: «Некоторые листья зелены». Такая излишняя «точность» дедукции и индукции мешает вскрывать закономерное в сложных объектах, сковывает синтетический момент в мышлении.

Диалектические формы умозаключения преодолевают и эту ограниченность традиционных форм умозаключения. Когда делается общий вывод на основе сравнения, анализа или синтеза не предполагается (если в этом нет необходимости), что каждый элемент, составляющий данный предмет, несет в себе признак, о котором говорится в выводе. Тем самым создается возможность учитывать различные переходные формы между предметами, относительность границы между ними. В. И. Ленин, утверждая, что в России того времени господствовал капитализм, что Россия — буржуазная страна, учитывал не только то, что в ней имелись пережитки крепостничества, но и пережитки более ранних формаций, которые однако не имели существенного значения в развитии страны в целом.

---

[19]) В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 553.

Необходимо указать еще на одну сторону диалектических умозаключений. Сравнение, анализ, в особенности, синтез тесно связаны с чувственным и творческим, художественным познанием. Такое единство всех форм познания и делает диалектические способы умозаключения особенно содержательными и глубокими, полнокровными. В. И. Ленин в своих выводах использовал не только логические рассуждения, но и художественную литературу, в частности очерковую, где показывалась тяжелая жизнь рабочих при капитализме.

В заключение анализа книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» следует еще раз вернуться к абстракции как форме мысли. Раньше мы отмечали, что абстракция позволяет отражать предмет многогранно, в том числе, брать его в развитии. Теперь после рассмотрения диалектических форм умозаключения (на основе которых абстракции и возникают, являясь в свою очередь исходным пунктом анализа, синтеза, а также сравнения) необходимо указать еще на одну важную сторону абстракции как формы мысли. Абстракция сама способна к развитию.

Сравнение дает первоначальную абстракцию, только что формирующуюся. Этот вид абстракций можно назвать высказыванием. Высказывание состоит из нескольких суждений.

Типичной формой абстракции служит вывод, полученный на основе анализа, т. е. когда абстракция состоит уже из нескольких высказываний. Заключение, полученное на основе синтетического умозаключения, является высшей формой абстракции, наиболее глубокой и содержательной, ближе всего стоящей к теории. Этот вид абстракции мы назвали положением. Одно или несколько положений, доказанных и обоснованных, будут составлять теорию.

Работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» представляет собой классический пример такого развернутого и обоснованного положения, т. е. теории становления русского капитализма.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. В. КУЙБЫШЕВА

№ 38 1961

Л. Г. ОЛЕХ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ПЕРЕПИСКЕ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

В переписке Маркса и Энгельса глубоко и многосторонне разработано учение о классах и классовой борьбе. Письма Маркса и Энгельса от самых ранних, до написанных в последние годы жизни, пронизаны духом классовой борьбы. Выводы, сделанные в письмах по многочисленным вопросам теории о классах и классовой борьбе, актуальны в наше время так же, как и много лет назад; они служат методологической основой для понимания многих социальных явлений современного общественного развития. Великие пролетарские мыслители доказали, что классы появились на определенной ступени развития общественного производства и неизбежно отомрут, когда производительные силы достигнут высокой ступени в своем развитии и вызовут коренные преобразования во всей сложной системе производственных отношений.

Выступая против буржуазных социологов, пытавшихся рассматривать буржуазные отношения как вечные и неизменные, Маркс и Энгельс выдвинули утверждение, что класс есть историческая категория. Обратимся к знаменитому письму К. Маркса Вейдемейеру от 5 мая 1852 г. К. Маркс писал: «...Существование **классов** связано лишь с определенными историческими фазами развития производства».[1])

Маркс и Энгельс четко и ясно связывали существование общественных классов с определенными историческими фазами развития производства. Раскол общества на классы определялся различным отношением больших групп людей к средствам производства.

В письме Вейдемейеру Маркс отмечал, что заслуга открытия классов и борьбы между ними принадлежит буржуазным ученым, историкам и экономистам. Однако на определенной ступени развития буржуазного общества, по мере обострения противоречий последнего, идеологи буржуазии стремятся затушевать раскол общества на антагонистические классы. Их поддерживают зачастую и идеологи мелкой буржуазии. Маркс писал о немецком мелкобуржуазном демократе Гейнцене, бывшем ярым противником коммунизма, следующее: «Невежественные олухи, вроде Гейнцена, отрицающие не только борьбу, но и самое существование классов, доказывают этим только то, что они, несмотря на весь свой кровожадный и якобы гуманистический вой, считают общественные условия, на которых покоится господство буржуазии, последним продуктом, non plus ultra (крайний предел) истории, доказывают, что они — лишь слуги буржуазии. И это прислужничество тем отвратительнее, чем меньше понимают эти болваны также и величие и преходящую необходимость самого буржуазного строя».[2])

---

[1]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 146.
[2]) Там же.

Маркс отмечал в своем письме, что открытие классов было сделано еще французскими историками периода реставрации — Тьерри, Гизо, Минье Тьером. Тьерри связывал происхождение классов с фактором завоевания, Гизо обосновывал существование классов особенностями человеческой природы. Таким образом, основатели буржуазной теории классов находились всецело на идеалистических позициях. В письме Энгельсу 27 июля 1854 г. Маркс называет Тьерри отцом «классовой борьбы» во французской историографии (что отмечает в конспекте переписки К. Маркса и Ф. Энгельса В. И. Ленин). В то же время, говоря о его работе «История происхождения и успехов третьего сословия» (1853 г.), Маркс отмечает коренной недостаток этого произведения. Тьерри негодует на стремление обнаружить антагонизм, существующий между буржуазией и пролетариатом. Он доказывает, что третье сословие включает в себя все слои населения, кроме дворянства и духовенства, а буржуазия является представительницей всех элементов, входящих в третье сословие, в том числе и пролетариата. Таким образом, и эти ученые являлись приказчиками буржуазии.

На основании мыслей, развиваемых в двух письмах Маркса, приведенных нами выше, можно прийти к следующим неоспоримым выводам. Во-первых, социологи господствующего класса в антагонистическом обществе не дают и не могут дать научного понятия классов: а) потому, что они рассматривают это социальное явление, как и другие явления жизни общества, с идеалистических исходных позиций; б) потому, что они отстаивают узкоклассовые интересы буржуазии. Во-вторых, буржуазные социологи выступают по линии извращения понимания классов и взаимоотношения между классами. Уже на заре буржуазной социологии намечаются основные направления, по которым идет это извращение. Это, во-первых, отрицание антагонизма между буржуазией и пролетариатом, стремление представить буржуазию представительницей интересов широких народных масс. Эта линия в буржуазной социологии прослеживается тем явственнее, чем непримиримее становятся противоречия капиталистического общества. Во-вторых, попытки отрицать самое существование классов. Эти указания Маркса имеют чрезвычайно большое методологическое значение для понимания и оценки современных буржуазных учений о классах и классовой борьбе.

В малопривлекательной роли слуги буржуазии выступает вся современная буржуазная социология. Буржуазная социология в наши дни ведет ожесточенную борьбу против марксистского определения природы классов и дает по этому вопросу массу противоречивых антинаучных концепций[3]).

К. Маркс и Ф. Энгельс были великими теоретиками пролетариата, осуждавшими отрыв теории от революционной практики. Именно поэтому капиталистическое общество, его классы и борьба между классами капиталистического общества привлекают их наибольшее внимание. Реальной революционной силой, отрицающей капиталистический общественный строй, является рабочий класс. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что капиталистическое общество распадается на два основных антагонистических класса: буржуазию и пролетариат, между которыми находится колеблющаяся мелкобуржуазная масса. 28 марта 1848 г. Энгельс писал Бланки: «Крупные буржуа и рабочие прямо про-

---

[3]) О роли буржуазной социологии в извращении понимания классов и классовой борьбы см., напр., В. Семенов, Проблема классов и классовой борьбы в современной буржуазной социологии, М. 1959.

тивостоят друг другу»[4]). Мелкие буржуа играют жалкую посредническую роль. Чем спокойнее обстановка, тем в большей степени мелкобуржуазная партия склоняется на сторону крупной буржуазии. Чем тревожнее обстановка, тем ближе они снова стараются примкнуть к рабочим. Таким образом, Энгельс отмечает двойственность буржуазии мелкой, в то же время он отмечает революционные возможности этих социальных слоев особенно во времена кризисов.

Рабочий класс должен помнить о колебаниях мелкой буржуазии и сохранять в чистоте свое пролетарское миросозерцание, оберегая его от заражения мелкобуржуазными взглядами. 24 ноября 1879 г. Энгельс писал А. Бебелю: «Прилив мелких буржуа и крестьян свидетельствует, правда, о колоссальных успехах движения, но вместе с тем это и опасно для него, если позабыть, что эти люди должны к нам прийти, но потому только и идут, что должны. Их присоединение доказывает, что пролетариат на деле стал руководящим классом. Но так как они приносят с собой мелкобуржуазные и крестьянские идеи и стремления, то надо помнить, что пролетариат не выполнит своей исторической руководящей роли, если будет делать уступки этим идеям и стремлениям»[5]).

В письме от 13 сентября 1886 г. Энгельс писал Л. Лафарг о поведении мелкобуржуазных слоев в моменты решающих общественных поворотов. Всегда было, пишет Энгельс, судьбой мелкой буржуазии, взятой в ее массе, колеблющейся в нерешительности между двух больших классов: около обременительной централизации капитала и победоносного пролетариата. В решающий день они обыкновенно шатаются, колеблются и беспомощны; если они не мешают, это все, чего от них можно ожидать. Они иногда даже разделяют точку зрения социалистов, но по своему, они говорят: коммунизм будет, но он далеко, необходимо, быть может, сто лет, пока он реализуется[6]). Таким образом, Энгельс отмечает как революционные возможности мелкобуржуазных слоев, так и их колебания, готовность в ряде случаев поддерживать буржуазию.

Трезвый, всесторонний анализ исторической обстановки 40-х годов прошлого столетия привел классиков марксизма к выводу об авангардной роли рабочего класса в классовой борьбе. В эти годы в западноевропейских странах развернулась острая классовая борьба пролетариата против капиталистических порядков. На смену стихийным бунтам рабочих, сопровождавшимся разрушением фабричных зданий и уничтожением машин, пришли более высокие формы классовой борьбы пролетариата, расширились масштабы пролетарских выступлений, крепла пролетарская солидарность.

1831 и 1834 гг. ознаменовались восстаниями рабочих и ремесленников Лиона, с марта по сентябрь 1840 г. продолжалась стачка рабочих Парижа, в 1844, 1846 и 1847 гг. происходили стачки углекопов Лаурского угольного района. Серьезная классовая схватка пролетариата с буржуазией произошла в июне 1844 г. в Силезском районе Германии. Больших успехов в 30—40-х годах добилось массовое рабочее движение в Англии, чартизм. Все эти события создали объективные условия для решительного поворота в понимании истории.

К. Маркс и Ф. Энгельс с юношеских лет старались всесторонне изучить условия жизни и борьбы пролетариата.

С глубоким сожалением молодой Энгельс говорил в 1845 г., что он еще мало знает о деятельности пролетариата. «Буржуазия играет в по-

[4]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 42.
[5]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 75.
[6]) F. Engels, P. et L. Lafargue, Correspondance, 1956, P., t. I, p. 392.

литику и ходит в церковь, а что делает пролетариат, мы не знаем, да и вряд ли можем знать»[7]). Эти опасения Энгельса в последующие годы оказались неосновательными. К. Маркс и Ф. Энгельс в совершенстве изучили условия жизни и борьбы пролетариата и в научной форме выразили коренные интересы рабочего класса.

К. Маркс и Ф. Энгельс с первых шагов на поприще классовой борьбы подчеркивали решающую роль рабочего класса в разрешении противоречий капиталистического общества, его руководящую роль среди трудовых непролетарских элементов.

Уже в 1846 г. Энгельс в письме подчеркивал, что рабочий класс является наиболее революционным классом, которому принадлежит будущее.

В письме к Марксу, отправленном в сентябре 1846 г., Энгельс отмечает огромный интерес к революционной теории у рабочих. В декабре 1846 г. Энгельс писал Марксу: «Мы можем аппелировать лишь к коммунистическому пролетариату, который еще только должен образоваться в Германии»[8]). Во многих других письмах Маркс и Энгельс проводят мысль о делении капиталистического общества на два основных класса: капиталистов и наемных рабочих. Пролетариат рассматривается в письмах как единственный, до конца революционный класс капиталистического общества.

Движущей силой исторического развития в антагонистических формациях является борьба классов. Маркс и Энгельс указывали, что история всех ранее существовавших обществ, кроме первобытного, была историей борьбы классов.

Крайнего обострения классовая борьба достигает в капиталистическом обществе. Эта классовая борьба приводит в конечном итоге к освобождению от капиталистических оков пролетариат и всех трудящихся. Именно поэтому так высоко оценивает ее значение Энгельс. Говоря об этой борьбе в письме от 25 января 1882 г. к Э. Бернштейну, Энгельс отмечал: «...Борьба рабочих — единственная великая борьба, единственная, стоящая на уровне эпохи, единственная, которая не обессиливает борцов, а наполняет их все новой энергией»[9]).

В лице рабочего класса Маркс и Энгельс видели не только и не столько самый страдающий, но и самый революционный класс. Они четко определяли его всемирно-историческую роль.

Занимаясь изучением экономического положения классов в обществе и возникающих между этими классами взаимоотношений, Маркс приходит к выводу, что это взаимоотношение борющихся классов и что противоречия, существующие между антагонистическими классами в капиталистическом обществе, приходят к своему разрешению только через классовую борьбу. Сама классовая борьба не является творением рук злоумышленников, она вызывается объективными причинами, положением классов в определенной системе производства, классовыми интересами. «Наконец, — пишет 30 апреля 1868 г. Маркс Энгельсу, — так как эти три формы (заработная плата, земельная рента, прибыль (процент)) составляют источники доходов трех классов — землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих,— то итогом является **классовая борьба**, в которой находит свое разрешение это движение и ликвидация этой дряни»[10]).

---

[7]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 20.
[8]) Там же, стр. 59.
[9]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 182.
[10]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч. т. XXIV, стр. 51.

Маркс и Энгельс подвергают в своей переписке критике воззрения буржуазных ученых, считающих нормой общественного развития сотрудничество классов, отрицающих необходимость и прогрессивность классовой борьбы. Маркс в письме Вейдемейеру 5 марта 1852 г. анализирует ненаучные воззрения на классы и классовую борьбу в капиталистическом обществе американского экономиста Кэри. Последний обрушился на верных слуг буржуазии в науке — Рикардо, Мальтуса, Милля, Сэя и др. за то, что они якобы дали в своих произведениях целый арсенал средств борьбы для анархистов, социалистов и других врагов капиталистического общества.

Их вину Кэри видит в том, что они, доказав различие экономического положения различных классов и вытекающий из этого положения неизбежный и все возрастающий антагонизм, разрывают общество на части и подготавливают гражданскую войну.

Маркс доказывает несостоятельность попытки Кэри представить экономические условия капиталистического общества — как условия ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма.

Объяснением, но отнюдь не оправданием, подобной теории могли быть незрелые еще в то время общественные отношения в Соединенных Штатах, которые расценивались Кэри, как «нормальные общественные отношения».

В письмах от 25 апреля 1852 г. Энгельса Марксу и 18 января 1856 г. Маркса Энгельсу критике подвергнуты взгляды на классы и классовую борьбу Б. Бауэра. Анализ отношений между классами приводит Б. Бауэра к «необычайно умной», как иронически замечает Маркс, фразе о том, что в «некоторых странах борются классы против классов, в других же нации против наций». Этой фразой Бауэр стремится обосновать случайный характер классовой борьбы, отказывает борьбе между классами присущей ей необходимости. Если речь идет о том, что существуют страны, в которых общественное развитие не связано с борьбой классов, то можно заключить, что и в тех странах, где наблюдается классовая борьба, она не является необходимой.

В последующие годы Б. Бауэр приходит к выводу, что разрешение всех противоречий в странах Западной Европы, уничтожение там старых порядков должно произойти в результате столкновения Востока и Запада, России и стран Западной Европы. Это должно произойти потому, что, по мнению Бауэра, только восточный человек обладает действительной ненавистью к западному человеку, а Россия — единственная концентрированная сила на Востоке и к тому же единственная страна в Европе, где крепка «связь частей». Борьба между классами снимается и подменяется борьбой между национальностями. Представление о внутренней классовой борьбе для Бауэра является «иллюзией». Он исходит из того, что «1) у рабочих нет никакой «ненависти»; 2) если бы у них и была ненависть, они никогда ничего не могли бы создать с ее помощью; 3) они — «чернь» (не интересующаяся синоптиками), которую можно держать в повиновении и вести за собою насилием и хитростью; 4) грошовыми прибавками с ними можно сделать все, что угодно»[11]).

Таким образом, Б. Бауэр отрицал за рабочим классом самостоятельную роль в развитии общества, исходя из теоретической посылки пассивной толпы и творящих историю «синоптиков», выдающихся личностей.

Маркс подвергает критическому рассмотрению и мелкобуржуазную теорию Прудона, теорию отрицания политической классовой борьбы пролетариата, утверждения, что переход к бесклассовому обществу

[11]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 109.

осуществим путем экономических реформ в рамках старого общественного строя. Прудоновская панацея заключалась в упразднении процента и превращения этим путем всех классов общества в один средний класс. По мнению Прудона, французское общество делилось на три класса: 1) буржуазию, 2) средний класс, 3) пролетариат. «Цель истории, — писал по поводу прудоновских фантазий Маркс, — и в особенности революции заключается в том, чтобы растворить крайности — первый и третий классы во втором классе, золотой середине...»[12]). Маркс и Энгельс отмечали полную беспочвенность теории Прудона, оторванность его теоретических построений от реальной почвы.

Обсуждая ответ Генсовета Интернационала о возможности превращения секций Альянса в секции Международного Товарищества рабочих, Маркс в письме Энгельсу от 5 марта 1869 г. останавливается на анализе § 2 Программы Альянса, явившегося своеобразной отрыжкой указанного положения Прудона о растворении крайних классов в среднем. Маркс указывает, что формулировка конечной цели рабочего движения в фразе «уравнение классов» является неудачной и неверной. Формулировка политическое, экономическое и социальное уравнение классов по существу есть не что иное как выраженное иными словами положение буржуазных социалистов — гармонии между трудом и капиталом. Поэтому, пишет Маркс, «не логически невозможное «уравнение классов», а исторически необходимое «уничтожение классов» составляет конечную цель стремлений Международного Товарищества рабочих»[13]).

Энгельс беспощадно раскритиковал тактику фабианского общества бывшего социалистическим по лозунгам, империалистическим по классовому содержанию, по стремлению во что бы то ни стало затушевать факт классовой борьбы в капиталистическом обществе. Не случайно фабианцы так ненавидели Маркса и Энгельса. Они фанатически ненавидели Маркса и Энгельса, как справедливо отмечал Энгельс в письме Зорге 18 января 1893 г., «из-за классовой борьбы».

Маркс и Энгельс выступали также против подмены социологического понятия «борьба классов» биологическим «борьбой за существование». Маркс обрушивался на вульгарного материалиста Ланге, стремившегося в книге «О рабочем вопросе» подогнать всю историю под один «великий закон природы»—«борьбу за существование». Маркс квалифицировал подобный метод рассмотрения общественных явлений, как метод надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысли.

Таким образом, письма Маркса и Энгельса содержат глубокие методологические основы рассмотрения вопросов классовой борьбы. В то же время, они указывают ряд направлений, по которым еще при жизни авторов писем, а особенно резко в наше время, пытались и пытаются извратители марксизма развенчать теорию классовой борьбы. Это, во-первых, попытки подмены классовой борьбы национальной, во-вторых, утверждение, что все классы общества растворяются в одном среднем классе. Подобные теории буржуазных и правооппортунистиче-

[12]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 170—171. Буржуазные и правооппортунистические социологи использовали теорию Прудона о растворении крайних классов в среднем для укрепления основ современного капитализма. Американский социолог Джесси Бернард утверждает, что современное капиталистическое общество развивается в бесклассовое общество через огромное развитие «среднего» класса, в котором растворяется и рабочий класс. Основательное развитие и обоснование эта теория находит у английских социологов Кроссэнда, Коула и др. Критику этой теории см. в книге Э. Гранта, Социализм и средние классы, Госполитиздат, 1960.

[13]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 172.

ских идеологов имеют целью совлечь рабочий класс с позиций классовой борьбы, дезориентировать его, увековечить капиталистическое рабство. Рассмотрение указанных теорий потребовало бы ряда статей и не входит в наши намерения.

Несмотря на все попытки буржуазных социологов, «социалистических теоретиков и современных ревизионистов совлечь рабочий класс с позиций классовой борьбы, пролетариат упорно отстаивает свои интересы. В послевоенные годы количество стачек заметно увеличилось. По сравнению с довоенными 1930—1939 гг. в 1945—1954 гг. количество стачек в США, Англии, Франции, З. Германии, Японии, Канаде, Австрии, Швеции, Бельгии, Голландии и Аргентине увеличилось в полтора раза, а количество стачечников в три с половиной раза. Факты подтверждают правоту марксистского тезиса о том, что классовая борьба является в антагонистических обществах движущей силой.

В письме к П. Л. Лаврову от 12/17 ноября 1875 г. Энгельс еще раз отметил, что весь предыдущий ход истории есть непрерывный ряд классовых битв. Борьба классов вызывается различием их положения в общественном производстве, противоречиями, существующими между классами. Капиталистическое общество создает не только противоречия, оно стихийно создает также и средства для разрешения этого противоречия и материальную силу, это противоречие разрешающую.

Письма Маркса и Энгельса отмечают факты классовой борьбы и направлены на ее развертывание.

Особое внимание уделяли в переписке Маркс и Энгельс борьбе пролетариата против буржуазии.

Рабочий класс, борясь за свое освобождение и освобождение всех трудящихся, прибегает к разным формам классовой борьбы и организации. Начинает пролетариат с экономической борьбы, от которой он переходит к политической борьбе, не порывая и с экономической. 23 ноября 1871 г. Маркс писал Больте, что пролетариат должен вести как экономическую, так и политическую борьбу. Политическое движение пролетариата, писал Маркс, имеет своей конечной целью завоевание рабочим классом политической власти, а для этого необходима предварительная организация пролетариата, достигшая известной ступени развития и вырастающая из самой его экономической борьбы. В то же время всякое движение, в котором пролетариат выступает как класс против господствующих классов и пытается победить их путем «давления извне», есть политическое движение.

Маркс приводит конкретные примеры как экономической, так и политической борьбы. Попытки рабочих принудить капиталистов какой-нибудь одной фабрики или даже отдельной отрасли промышленности с помощью стачек или другим путем ограничить рабочее время, есть чисто экономическое движение. Движение, имеющее целью издать закон о восьмичасовом рабочем дне есть политическое движение. Но второе непосредственно вырастает из первого. Из разрозненных выступлений рабочих на отдельных фабриках и в отраслях промышленности повсеместно вырастает политическое движение. Политическое движение — это движение класса, стремящегося провести свои интересы в общей форме, имеющей принудительное значение для всего общества. Если это движение предполагает некоторую «предварительную организацию», то, с другой стороны, оно в такой же степени является и средством развития этой организации[14]).

В ходе экономического движения рабочий класс создает профессиональные союзы, имеющие очень серьезное значение для сплочения

[14]) См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 178—179.

пролетариата на борьбу против капиталистов. Профессиональные союзы в большинстве стран явились исторически первой, наиболее доступной и широкой формой организации рабочих. Важность профсоюзов для пролетариата Маркс отмечал в письме Энгельсу 18 февраля 1865 г. Он писал: «Коалиции и вырастающие на их почве профессиональные союзы являются не только чрезвычайно важным средством организации рабочего класса для борьбы с буржуазией, — серьезность этого средства сказывается, между прочим, в том, что даже рабочие Соединенных Штатов, несмотря на существующее там всеобщее избирательное право и республику, не могут без него обойтись...»[15]). Еще более важную роль профессиональные союзы были призваны сыграть в тех странах, где отсутствовали элементарные демократические свободы. Создание профсоюзов в Пруссии и в Германии Маркс оценивает как прорыв полицейского всевластия и бюрократизма, как превращение «подданных» в совершеннолетних граждан.

Энгельс один из серьезнейших недостатков Готской программы видел в том, что в ней ничего не говорилось об организации пролетариата как класса при помощи профессиональных союзов. Он указывает Бебелю на огромное значение борьбы за профсоюзы «потому что это и есть подлинная классовая организация пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую теперь уже никак не сможет задушить даже самая злостная реакция...»[16]). Маркс и Энгельс высоко оценивают профсоюзы как массовые пролетарские организации, дающие возможность: 1) сплотить пролетарские массы, 2) просветить их, 3) помочь им в приобретении опыта классовых боев.

В то же время Маркс и Энгельс предостерегали от абсолютизации этой формы организации пролетариата. В письме Марксу Энгельс 30 июля 1869 г. критикует Беккера, который провозгласил, что профсоюзы должны быть истинным рабочим объединением и основой всякой организации, что другие союзы и организации должны лишь временно существовать наряду с ними. Энгельс оценивал эту попытку свести все формы организации пролетариата к профсоюзам, как желание старого немецкого мастерового спасти в каждом городе свой «трактир» в качестве основы единства рабочей организации. Профсоюзы рассматривались классиками марксизма как первоначальная форма организации пролетариата в борьбе против капитализма. В то же время подчеркивалась чрезвычайная важность соединения социализма с широким рабочим движением.

Экономическая борьба — это исторически первая форма борьбы пролетариата против капиталистов. Одной экономической борьбы недостаточно для освобождения пролетариата от капиталистического порабощения. Свести революционную борьбу рабочего класса к какой-нибудь одной форме, значит обеднить и окостенить рабочее движение. Экономическое движение должно переплетаться с политической борьбой и не может являться самоцелью для пролетариата. Энгельс в переписке беспощадно бичевал английские тред-юнионы, погрязшие в экономической борьбе и воздерживающиеся от всякого политического действия. В письме к Э. Бернштейну от 17 июня 1879 г. Энгельс останавливается на рассмотрении английского рабочего движения, которое в течение ряда лет безвыходно вращалось в узком кругу стачечной борьбы за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. В английском движении экономические стачки рассматривались не как

[15]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 252—253.
[16]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 385.

временная мера и не как средство пропаганды и организации, а как конечная цель. Энгельс критикует тред-юнионы, которые даже принципиально, на основании устава, исключают всякое политическое действие, а следовательно, и участие во всякой общей деятельности рабочего класса как класса. Энгельс указывает, что одни стачки, сами по себе, не могут подвинуть движение ни на шаг вперед, что «стачки являются только одной из форм пролетарской классовой борьбы»[17]).

Одно из испытанных средств классовой борьбы пролетариата — всеобщая стачка. Однако Энгельс в 90-е годы считал, что рабочий класс в тех конкретных условиях не должен был прибегать к этой форме классовой борьбы. В письме Энгельса Л. Лафарг, написанном 10 мая 1890 г., мы находим упрек по адресу П. Лафарга за его увлечение всеобщей стачкой. Это увлечение всеобщей стачкой перенесено, по мнению Энгельса, Гедом из его анархистского прошлого. Путь к цели через всеобщую стачку является наиболее окольным[18]).

Энгельс выступал против анархистского понимания всеобщей стачки, смыкавшегося с правым оппортунизмом. Анархисты представляли следующую схему развития всеобщей стачки: в результате отказа рабочих от труда на производстве, промышленные предприятия останавливаются и у господствующего класса не остается выбора. Он передает средства производства всему обществу. Так совершается революционный, на словах, переворот. На самом деле эта теория способна только дезориентировать пролетариат. Поэтому Энгельс и выступил против нее.

В письмах за 1893 г. Энгельс еще раз возвращается к вопросу о всеобщей стачке пролетариата. Так, в письме К. Каутскому 3 ноября 1893 г. Энгельс разбирает вопрос о целесообразности всеобщей стачки вообще, и в частности в Австрии. До тех пор, пока армия не станет на 1/3—2/5 социалистической, — всеобщая стачка бесполезна и даже вредна. Она вредна потому, что может привести к баррикадам, а к баррикадным боям рабочий класс еще не был готов. Поэтому даже в Бельгии, где армия очень слаба и представляет скорее милицию, чем армию, где развита промышленность и имеется многочисленный рабочий класс, — всеобщая стачка в целом нецелесообразна. Еще более справедливо это положение по отношению к Австрии, стране со слаборазвитой промышленностью, с малым числом больших городов, преобладающим крестьянским населением, и многочисленными нациями, натравливаемыми друг на друга. В этой стране всеобщая стачка нецелесообразна еще и потому, что в ней нет сильной социалистической партии. «Здесь мы должны, — писал Энгельс, — во что бы то ни стало избегать всякого шага, который мог бы толкнуть и без того нетерпеливый, жаждущий подвигов рабочий класс на то, чтобы поставить на карту решительно все, — да еще вдобавок в такое время, когда правительство этого желает и может этого добиться посредством провокации»[19]).

Таким образом, Энгельс выступал не как противник всеобщей стачки при любых обстоятельствах, но при тех условиях, которые сложились в 90-е гг. в европейских странах он считал всеобщую стачку нежелательной формой борьбы.

Когда И. Арманд собиралась выступить против отношения Энгельса к всеобщей стачке, В. И. Ленин в письме за 19 января 1917 г. советовал ей не торопиться с выводами. Ленин посоветовал собрать все, что Энгельс написал по вопросу о всеобщей стачке (Бельгийская стач-

---

[17]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 36.
[18]) F. Engels, P. et L. Lafargue, Correspondance, 1956, P., t. II, p. 397.
[19]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 263.

ка 1891—1892 гг.). Ленин отмечал возможность ошибки по этому частному вопросу у Энгельса. Кроме того, относительно всеобщей стачки события 1905 г. дали то новое, чего не мог знать Энгельс. «Энгельс привык десятки лет слышать о «всеобщей стачке» **только** пустые фразы анархистов, коих он **законно** ненавидел и презирал. А события потом **показали новый** тип «массовой стачки», **политической**, т. е. сугубо неанархистский. Этого нового Энгельс **еще** не знал и не мог знать»[20])

К. Маркс и Ф. Энгельс учили, что рабочий класс нужно постоянно подготовлять к решительному походу против власти господствующих классов, используя для этого агитацию, враждебную буржуазии.

Маркс и Энгельс боролись против анархистов и их идеолога М. Бакунина, отрицавших необходимость политической борьбы пролетариата. Резкую отповедь Бакунину и его соратникам, требовавшим полного воздержания от всякой политической деятельности рабочего класса, дал в письме к Л. Пио 7 марта 1872 г. Энгельс. Энгельс указывал в этом письме, что завоевание рабочим классом политической власти есть единственное средство для его социального освобождения.

Маркс и Энгельс придавали очень серьезное значение идеологической форме борьбы рабочего класса. Они призывали рабочих в чистоте хранить пролетарское миросозерцание, сохранять его от засорения мелкобуржуазными идеями. Вся переписка служит блестящим образцом защиты и развития пролетарской революционной теории. В переписке Маркс и Энгельс проводят ту, ставшую хорошо известной, мысль, что идеи сами становятся материальной силой, как только они овладевают массами. Маркс и Энгельс обращают большое внимание на рост революционной сознательности пролетариата, на осознание им своих классовых интересов. 1 января 1895 г. Энгельс писал Г. Шлютеру: «...Когда рабочие осознают, чего они хотят, в их руках будет и государство, и земля, и промышленность, и все»[21]).

В ходе развития капиталистического общества и обострения его противоречий, в ходе освободительной борьбы пролетариата и всех передовых слоев общества выковывается и революционная теория социализма. Эту теорию в письме Бернштейну 26 июня 1879 г. Энгельс рассматривал как идеальный продукт материально-экономического процесса на известной ступени. Идейную борьбу с буржуазной идеологией Маркс и Энгельс считали своей важнейшей задачей. В июле 1877 г. Маркс писал Энгельсу, что было бы очень хорошо шире распространить социалистические идеи. В интересах идеологической борьбы очень полезным был бы настоящий научный социалистический журнал, в котором можно было бы подвергать критическому рассмотрению теории официальной науки и «прочищать мозги» широкой публике, как рабочей, так и буржуазной.

С большим удовлетворением Энгельс следил за успехами русских революционеров в теоретической области. В известном письме В. Засулич 6 марта 1884 г. Энгельс выражал свое удовлетворение развитием теоретической и критической мысли в России.

Маркс и Энгельс показывали неразрывное единство революционной теории и революционной практики. Так, например, в письме П. Лафаргу 11 августа 1884 г. Энгельс писал о Марксе, что тот, как человек науки, стремился переработать результаты науки, а кроме того, как партиец, боролся за претворение их на практике[22]).

---

[20]) В. И. Ленин, Соч., изд., 4-е, т. 35, стр. 218.
[21]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 357.
[22]) F. Engels, P. et L. Lafargue, Correspondance, 1956, P., t. I, p. 235.

В переписке Маркс и Энгельс утверждают, что рабочее движение проявляется в трех основных формах борьбы: экономической, политической и идеологической. Сила пролетарского движения заключается в умении пользоваться всеми формами борьбы, по всем направлениям вести наступление на капитал[23]). Маркс и Энгельс считали прямым и непосредственным долгом партии использовать все доступные для нее позиции, наступать по всем возможным для нее направлениям. Сообщая Ф. Лассалю свое мнение о допустимости для коммунистов сотрудничества в газетах, не разделяющих коммунистической точки зрения, Маркс более широко рассматривает вопрос вообще об участии коммунистов в массовых организациях. По этому поводу он писал:«...Я считаю теперь существенным, чтобы наша партия занимала позиции везде, где возможно, хотя бы для того, чтобы прочие партии не завладели ими. Пока, конечно, эти позиции нужно использовать осмотрительно, но важно обеспечить себе влияние в различных пунктах для более решительного момента»[24]). Здесь Марксом ставится актуальная задача пролетарских партий, глубоко разработанная впоследствии В. И. Лениным и ставшая еще более актуальной на современном этапе развития международного коммунистического движения. Это задача — идти в массы, работать с массами, готовить массы к решительному штурму капитализма.

В переписке Маркс и Энгельс отмечали, что сила рабочего движения в его массовости. Только предварительная подготовительная организационная и идеологическая работа могут обеспечить рабочему движению необходимый размах и целеустремленность. Энгельс указывал, чтобы быть массовым, движение должно начаться с профессиональных союзов, а поражения будут их вынуждать на дальнейшую борьбу. В письме к Марксу от 25 апреля 1848 г. Энгельс, говоря о рабочем движении, с удовлетворением отмечает его массовый характер. В письмах к Келли-Вишневецкой, Зорге и др., написанных в 80-е годы, Энгельс указывает, что самое важное добиться, чтобы рабочее движение стало движением класса, т. е. массовым.

1 июля 1871 г. в письме к Кафиеро Энгельс подчеркивал чрезвычайную важность единства рабочего движения. Имея общую цель — защиту, развитие и полное освобождение рабочего класса — международное пролетарское движение должно быть единым, независимо от того, как предполагают отдельные отряды великой пролетарской армии осуществить эту цель. Поэтому Энгельс считает вполне нормальным, чтобы Интернационалом объединялись не только коммунисты, но и прудонисты, тред-юнионисты, кооператоры и т. д.—до тех пор, пока кто-либо из них не выступит против интересов пролетарского движения в целом. В то же время, критикуя программу бакунистов, Энгельс, как один из ее главных пороков, отмечает, что включение ее пунктов в программу Интернационала означало бы «оттолкнуть от себя огромное количество наших членов и расколоть европейский пролетариат вместо того, чтобы объединить его»[25]). Энгельс рассматривает в неразрывном единстве

[23]) Эти утверждения тождественны с теми, которые сделаны классиками марксизма во многих произведениях. Для доказательства сошлемся на труд Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии». В предисловии автора к 3-му изд. этого замечательного произведения говорится (речь идет о нем. рабочем движении): «Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом направлении и заключается сила и непобедимость немецкого движения». Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1953, стр. 17.

[24]) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 248.

[25]) Журн. «Вопросы истории КПСС», № 6, 1959, стр. 128.

две стороны рабочего движения: 1) массовость, 2) единство. Массовость — важнейшее условие победы пролетариата, но только в том случае, если это массовое движение будет единым, а не расколотым на движение различных отрядов рабочего класса.

В непосредственной связи с проблемами массовости рабочего движения решается чрезвычайно актуальный и в настоящее время вопрос, нашедшей глубокие обоснование и разработку в решениях XX съезда КПСС, документах совещаний коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг., о единстве социалистических и демократических элементов и как об основе первого — создании необходимого единства в рядах пролетариата. Важным в этом отношении является письмо Энгельса Ф. Келли-Вишневецкой от 27 января 1887 г. Энгельс указывает, что марксизм есть теория развития, а не догма, его надо применять творчески, с учетом конкретно-исторических условий. В частности, Энгельс рассказывает, как он с Марксом в 1848 г., когда в Германии развивалась революция, вырабатывал линию поведения. Маркс и Энгельс сочли возможным и необходимым в тех условиях примкнуть к демократической партии, так как тогда это было единственным средством привлечения к себе внимания рабочего класса. Маркс, Энгельс и их соратники были самым передовым отрядом, самым левым крылом этой партии, но все же ее крылом. Необходимость решения общих демократических задач создали в тех условиях объективную основу для союза между социалистическими и демократическими элементами, было создано единство этих элементов.

Для создания единства демократических и социалистических элементов необходимо единство пролетариата. Маркс создавал устав Интернационала так, чтобы к Интернационалу могли примкнуть в с е пролетарские социалисты того периода: прудонисты, пьер-леруисты и даже наиболее передовая часть английских тред-юнионов. Только благодаря такой широте своего охвата, отмечает Энгельс, Интернационал сделался «средством постепенного растворения и поглощения всех этих мелких сект». Энгельс подчеркивает, что единство усиливает, а раздробление ослабляет мощь рабочего движения. Поэтому настоящие пролетарские революционеры не могут отказываться от сотрудничества в общих интересах пролетариата и с теми группами, которые не принимают открыто платформу марксизма. «Мне кажется,—писал Энгельс,— вся наша практическая деятельность показала, что можно работать в контакте с общим движением рабочего класса на каждой стадии его развития, не принося в жертву и не скрывая своей собственной четко выраженной позиции и даже сохраняя организацию»[26]). Таким образом, подчеркивается, что единство с другими отрядами рабочего движения для марксистов необходимо. Однако это единство не должно идти за счет уступок, во-первых, в принципиальных вопросах марксистской теории, во-вторых, в ослаблении марксистской организации рабочего класса..

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что классовая борьба есть движущая сила истории. Они не приписывали себе честь того открытия, что в антагонистическом обществе существуют классы, ведущие между собой борьбу. Это было известно и до выступления в науке Маркса и Энгельса буржуазным социологам. Как писал в книге «Государство и революция» В. И. Ленин, учение о классовой борьбе для буржуазии, вообще говоря, п р и е м л е м о. Те, которые говорят и пишут, что главное в марксизме классовая борьба, допускают неверное определение, из

[26]) К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. XXVII, стр. 615.

которого сплошь и рядом получаются оппортунистические искажения марксизма, извращение его в интересах буржуазии. «Ограничивать марксизм учением о борьбе классов, — писал В. И. Ленин, — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата»[27]).

К. Маркс и Ф. Энгельс в своей переписке, так же как и в своих многочисленных классических произведениях, учили пролетариат, что классовая борьба должна обязательно привести к диктатуре пролетариата. 5 мая 1852 г. в письме к Вейдемейеру К. Маркс четко и ясно указал, что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата[28]).

Этот краеугольный камень марксистского учения о классовой борьбе был и остается жупелом для буржуазных социологов и оппортунистов всех мастей. Еще пресловутый Бернштейн ополчался против требования диктатуры пролетариата. В книге «Исторический материализм» Бернштейн пишет о том, что фраза о диктатуре пролетариата, в то время, как представители социал-демократических партий повсеместно становятся на почву законности, парламентской работы, пропорционального народного представительства и пр., изжила себя полностью. Бернштейн выступает противником революционного метода преобразования общества, он признает только реформы. Как оппортунист, он враг диктатуры пролетариата. «Классовая... диктатура, — пишет Бернштейн, — есть призрак более низкой культуры и, не говоря уже об ее целесообразности и осуществимости, — является шагом назад, политическим атавизмом»[29]).

У Бернштейна нет недостатка в соратниках в рядах современного ревизионизма. Имя им — легион. Это и Ги Карон, и Джолитти и многие другие. Ревизионисты из Союза Коммунистов Югославии, приукрашивая диктатуру буржуазии, всемерно чернят диктатуру пролетариата.

Для отказа от учения о диктатуре пролетариата современные ревизионисты выпячивают на первый план «специфические» особенности развития своих стран, предавая забвению общие закономерности развития человеческого общества, открытые Марксом и Энгельсом, за частностями не замечая целого.

Завоевать диктатуру пролетариата рабочий класс может лишь под руководством марксистской партии. Вопрос создания, развития и укрепления революционных политических партий пролетариата был предметом особого внимания и заботы Маркса и Энгельса на протяжении всей их жизни.

---

[27]) В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 25, стр. 384. См также т. 30 «План брошюры» «О диктатуре пролетариата», «Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение до конца идеи классовой борьбы». (cf Marx 1852)» стр. 75.

[28]) Оголтелые враги марксизма пытаются «доказать», что выражение диктатура пролетариата случайно упомянуто Марксом, что им не разработано учение о диктатуре пролетариата. Так, Сидней Хук пишет, что выражение диктатура пролетариата случайно употреблено Марксом один раз в его работе и два раза в его письмах. Sidney Hook. Marx and the Marxists. The ambiguons Legocy. Princeton, New Jersy. Toronto, London, New Vork, 1955, p. 33.

[29]) Э. Бернштейн, Исторический материализм, СПб, 1901, стр. 229.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. В. Блинов — О характере рабочего и социал-демократического движения в России перед I съездом РСДРП 3

А. Т. Коняев — Железнодорожники Сибири в стачечных боях 1905 года . . . 16

Д. М. Зольников — Стачечное движение железнодорожников в 1917 году . 28

Б. В. Иванов — Сельскохозяйственная кооперация на Дальнем Востоке в конце восстановительного периода 43

Э. Д. Павлова — Участие комсомольцев и молодежи Новосибирской области в подготовке резервов для фронта в годы Великой Отечественной войны . . 52

А. А. Елфимов — Из истории деятельности Западносибирской краевой партийной организации по планированию научно-исследовательской работы в годы первой пятилетки 57

Т. Н. Петрова — Коммунисты Новосибирской и Томской областей — организаторы шефства трудящихся над освобожденной от немецко-фашистских захватчиков Воронежской областью в годы Великой Отечественной войны . 68

К. В. Волков — В. И. Ленин об экономических связях между городом и деревней (промышленностью и сельским хозяйством) при капитализме 79

А. А. Сергеев — Новые условия хозрасчетной работы колхозов и оплата труда колхозников 100

Л. В. Алякринский — Некоторые вопросы диалектики познания в труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» 108

А. И. Уваров — Некоторые вопросы материалистической диалектики в письмах В. И. Ленина 118

Ф. А. Селиванов — Как возникают ложные заключения 126

Ф. А. Селиванов — Французский естествоиспытатель Бюффон 131

Р. М. Ривкин — О некоторых приемах апологетики монополий в работах И. Шумпетера 140

А. И. Уваров — Работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» и некоторые вопросы диалектической логики 153

Л. Г. Олех — Некоторые вопросы теории классовой борьбы в переписке К. Маркса и Ф. Энгельса 174

Технический редактор Л. Г. Мордовина
Корректоры Т. К. Иткумова и М. И. Сваровская

КЗ00057. Сдано в набор 10/VI-60 г. Подписано к печати 11/VIII-61 г.
Бумага 70×108 1/16. Объем 11,75 печ. л., 5,9 бум. л., 16,09 уч.-изд. л.
Заказ 4043. Тираж 1000. Цена 70 коп.

Томск, типогр. № 1 Полиграфиздата, Советская, 47.

731910

Томский госуниверситет 1878
Научная библиотека 00642133